

МАРИАННА
КРАСОВСКАЯ

САМА СЕБЕ
ХОЗЯЙКА

Annotation

Однотомник. Проды ежедневные.

Вчера я умерла в больничной палате, а сегодня проснулась в теле деревенской дурочки. С одной стороны, это не самое приятное начало новой жизни, а с другой... Я молода, здорова и даже сохранила какие-то воспоминания. А уж когда выясняется, что у меня имеется слабенький магический дар — и вовсе жизнь налаживается. Разум и опыт у меня как у взрослой женщины, а уж дальше я справлюсь. Главное, не забывать, что все неприятности - от мужчин!

- [Сама себе хозяйка](#)
 - [Глава 1. Дурища](#)
 - [Глава 2. Магия](#)
 - [Глава 3. Гормоны](#)
 - [Глава 4. Утро](#)
 - [Глава 5. Так вот я какая](#)
 - [Глава 6. Не дурища](#)
 - [Глава 7. Конец зимы](#)
 - [Глава 8. О противоречиях и заблуждениях](#)
 - [Глава 9. Большой город](#)
 - [9-2](#)
 - [Глава 10. Наследие](#)
 - [Глава 11. Юг](#)
 - [Глава 12. Независимость](#)
 - [Глава 13. Зеркала](#)
 - [13-2](#)
 - [13-3](#)
 - [Глава 14. Птицы вольные](#)
 - [Глава 15. Нежданная встреча](#)
 - [15-2](#)
 - [Глава 16. Резерв](#)
 - [16-2](#)
 - [Глава 17. Целитель](#)
 - [Глава 18. По уши](#)

- [18-2](#)
- [18-3](#)
- [Глава 19. Два князя](#)
- [19-2](#)
- [Глава 20. Два князя \(продолжение\)](#)
- [20-2](#)
- [Глава 21. Сомнения](#)
- [21-2](#)
- [Глава 22. Неприятности продолжаются](#)
- [Глава 23. Патент](#)
- [23-2](#)
- [23-3](#)
- [Глава 24. Возвращение в Буйск](#)
- [24-2](#)
- [Глава 25. Старое и новое](#)
- [24-2](#)
- [Глава 26. Красная лента](#)
- [26-2](#)
- [Глава 27. К истокам 31-1](#)
- [27-2](#)
- [Глава 28. Семейные тайны](#)
- [Глава 29. Женихи](#)
- [Глава 30. Невесты](#)
- [30-2](#)
- [Глава 31. О мужских обещаниях](#)
- [Глава 32. Нежданное](#)
- [32-2](#)
- [Глава 33. Сокровища ювелира](#)
- [33-2](#)
- [Глава 34. Чужие преступления](#)
- [34-2](#)
- [Глава 35. Про ведьм и ослов](#)
- [35-2](#)
- [Глава 36. Вместе](#)
- [Глава 37 \(отвлеченная\). Расчеты и письма](#)
- [Глава 38. Самомнение](#)
- [Глава 39. Перспективы](#)

- [39-2](#)
 - [Глава 40. Приятные хлопоты](#)
 - [Глава 41. Дочь ювелира](#)
 - [41-1](#)
 - [Глава 42. Сладко!](#)
 - [Эпилог](#)
-

Сама себе хозяйка

Глава 1. Дурища

— Милка! Милка! Да где носит эту дурищу? Опять дрыхнет, поди...

Я открыла глаза, потёрла лицо. Милка — это я. Как-то сразу поняла. Милка... А ещё вчера меня звали Людмила Евгеньевна.

Пошатываясь, поднялась на ноги, схватилась за деревянную стенку. Мимолётно удивилась, что не трещат суставы и в глазах не темнеет. Отвыкла уже.

Ну что, куда мне там бежать?

Огляделась, усмехаясь. Тот, кто звал «дурищу», был прав. Я спала в конюшне, в заднем стойле. Здесь валялись поломанные упряжи, рваные попоны и какие-то ремни. На кучке попон и соломе я, а точнее, Милка, сейчас стояла.

Итак, Милка. Я запустила пальцы в нечесанные волосы, внезапно обрадовавшись тому, что они есть. И волосы, и пальцы. Память о прошлых месяцах, полных боли и мучений, ещё жила внутри. Кажется, кроме своей болезни я ничего и не помнила. Семья... была семья. Дети вроде были. Но ни имён, ни лиц не осталось, только мягкое тепло на душе. Работа была любимая. Тоже не помню, разве что — с металлами как-то связана. Наверное, и друзья были, и дом.

Вот что я помню очень хорошо, яркой вспышкой, так это врача и его слова:

— Вы хороший человек, Людмила Евгеньевна. Вы сделали много добра людям. И умирать вам вроде бы рано. Но... в соседней палате девочка. Единственный ребёнок в семье, других детей у матери не будет. Хорошая девочка, но она не успела ничего. Вы можете отдать ей свой свет.

Смешно. Какой там свет у умирающей от рака женщины?

— Забирайте, — сказала я. — Я свою жизнь прожила славно, мне хватит. А она пусть живет.

— Уверены?

— Конечно.

— И снова — верный выбор. Нет, отпускать вас в вечность — это расточительство, — врач (или не врач?) полистал свой блокнот и улыбнулся. — Вот сюда. Тут все равно пустота. Согласны?

— На что?

— Жить. В другом мире. Но будет непросто.

— А когда мне было просто?

— Тогда я вас записываю.

— Погодите, — я вцепилась в его рукав, игнорируя вспышку головной боли. — Только прошу: пусть я буду здорова.

— Само собой.

Почему-то я ему поверила сразу и безоговорочно. Наверное, просто было все равно. Уходить легче, когда знаешь, что есть куда. Правда, я была уверена, что очнусь младенцем. Раз уж новая жизнь. Но нет, судя по рукам, ногам и волосам, я вполне уже взрослая. А судя по груди, которую я ощупала, уже даже половозрелая. И что-то из прошлого ещё помню. Это ли не счастье?

— Милка, тварь тупая, а ну выходи! Убью!

В проходе появился здоровый мужик с тряпкой в руках. Конечно, он сразу меня обнаружил. Замахнулся на меня с рычанием.

— Только тронь — горло перегрызу, — спокойно сказала я незнакомым низким голосом.

Мужик застыл. На его лице отразилось полное охренение. Не удивление, не растерянность, не недоумение. Нет, именно охренение: рот раскрыт, глаза выпучены, щеки побагровели. Да его сейчас кондрашка хватит, а я буду виновата! Ему что, ни разу отпор не давали?

Я отряхнула юбку и вздохнула:

— Что нужно делать?

Он ожил и, заикаясь, пробормотал:

— Там... это... народ прибыл. Дилижанс со студентами. Обслужить. Заказы разносить.

— Ясно. Уже иду.

Проскользнула под его поднятой в нелепом жесте рукой и, щурясь, вышла из конюшни.

Ух ты!

Здесь было лето, настоящее, знойное, ароматное. Остро пахло скошенной зеленью, высокое голубое небо слепило глаза, за невысоким забором склонила ветви яблоня, усыпанная мелкими ещё яблоками. А возле конюшни галдели мужчины, нет, юноши. Все как на подбор красавцы.

Два широкоплечих блондина с васильковыми глазами. Трое высоких шатенов с одинаковыми узкими лицами, не иначе как братья. Был один рыжий и веснушчатый и еще пара совершенно разных брюнетов, один кудрявый и смуглый, как цыган, один обычный, особо не примечательный. Среднего роста, с волосами, стянутыми в хвост. Всего восемь, стало быть. Студенты? Ух, какие! И одеты довольно роскошно, особенно если сравнивать с моим... эээ... работодателем. Рубашки светлые, строгие, штаны одинакового фасона, но разного цвета и с лампасами, ботинки аккуратные и, главное, чистые.

Такие мальчики красивые, юные, свежие. И поди голодные! Судя по ароматам — в пути довольно долго, но гляди ж, у шатенов рубашки в идеальном порядке, ни складочки, ни пятнышка.

Мой... хозяин, наверное... толкнул меня в плечо:

— Не стой как дерево, беги в зал. Там уже Маличка с Дарей забегались.

Я с искренним сожалением отвела взгляд от студентов и попрыгала в открытые деревянные двери, из которых доносились вполне приличные запахи съестного.

— Милка! — тут же дернула меня за руку высокая румяная девица. — Вот ты где? Бегом вверх! Господа изволят обедать и ночевать! Надо постели перестелить, поможешь матушке.

Ладно. Постели так постели, главное, на кухню меня не толкайте, а то я вам что-нибудь сожгу. Я быстро нашла деревянную лестницу, поднялась на второй этаж и кивнула сама себе: все не так уж и плохо. Заведение довольно приличное. Пол чистый, стены покрашены весёлой голубой краской, причём не столь давно, двери добротные. В первой же комнате обнаружили простенькие обои на стенах, большая кровать, ковёр на полу и занавески на застекленных окнах. Стекла — это замечательно. Это значит, тут не совсем и средневековье, как я сначала подумала. Да и этот постоянный двор — не забегаловка для пьяниц. Вон, студенты, обои, постельное белье, занавески...

— Милка? Наконец-то! — крупная женщина средних лет в высоком чепце с кружевами сунула мне в руки охапку простыней. — Подержи-ка!

Тетка с удивительным для своей комплекции проворством принялась заправлять постель. Сначала она взбивала перину, потом накрывала простыней, потом раскладывала подушки и стёганные

одеяла. Я хотела предложить свою помощь, но вовремя прикусила язык. Нужно будет — она скажет. Ни к чему лезть.

— Чего встала, дальше и бегом! Ой, господин студент, пожалуйста, вам комната готова, кровать застелена. Оставляйте свой саквояж смело, у нас тут чисто и скромно, но ваши вещи никто тронуть не посмеет. А вот тут на шкафу охранка стоит.

— Благодарю, — раздался из коридора веселый голос.

Мне пришлось прижаться к косяку, пропуская молодого человека с темными глазами и чёрными волосами, стянутыми в хвост на затылке. Я мешала ему пройти — с охапкой-то простыней! «Студент» выглядел серьезно, даже немного сердито, но я точно заметила тень улыбки в уголках его губ. Его забавляла эта заминка.

— Ох, Милка, ну что ты за дура! — с сожалением пробормотала тетка, выталкивая меня в коридор. — Простите, господин студент. Она у нас малахольная. Немая с детства. Совсем ни на что не годится.

Я моргнула. Вот спасибо! Неудивительно, что хозяин в конюшне так удивился. А просто чудо случилось — немая вдруг заговорила!

А все же я оглянулась: чем-то студент меня зацепил. Не то серьезностью своей, не то просто давно мужиков молодых так близко не видела. И не сказать, что красавец писанный. Но и не урод. Просто мальчишка еще. Мужчиной станет — ой-ой, держитесь, девки. А пока... ну, обычный. Губы красивые, глаза такие... глубокие. Скулы, высокий лоб, крупный нос с легкой горбинкой. Среднего роста, тонкокостный, не коренастый.

Он тоже на меня смотрел, скорее с любопытством, чем с мужским интересом. А я показала ему язык, с удовольствием наблюдая, как округлились его глаза.

— Иди стели простыни, убогая, — прошипела тетка. — Хоть что-то уже сделай! Чем ещё могу послужить, господин студент?

— Ванну бы с дороги. Или хоть умыться.

— У нас цельная мыльня имеется! Пойдёмте, покажу, где. Одна на все комнаты, но то удобнее, чем ванны по номерам таскать и ведра с водой. Муж мой по прошлому году кучу денег заплатил, а настоящий водопровод провел в нашей гостинице...

Дальше я уже не слушала. Шагнула в следующий «номер», скинула простыни на стол возле окна и принялась поправлять кровать.

Дело невеликое, справлюсь. Хозяйка нагнала меня уже в конце коридора и неожиданно похвалила:

— Милочка, а ты умница сегодня! Уж подсобила так подсобила! Не ожидала от тебя такой прыти, да ведь все правильно смогла. Ты голодная, поди? Ступай в кухню обедать, дальше-то я сама справлюсь.

В кухню так в кухню.

— Милка!

Да что ж такое, я настроилась на обед, а тут снова!

— Бери вот поднос и неси за столик к студентам. Да не перепутай!

Одна из девушек сунула мне в руки тяжелённый поднос с большим горшком какого-то супа, половником, караваем хлеба и кувшином... кваса, наверное. Не разглядела. Я едва могла держать это все в руках.

— Ты чего, Малика, — удивилась вторая девица. — Куда ей, дурочке? Она студента от кузнеца не отличит, да и не дотащит этакую тяжесть. Маленькая ведь.

— Не дотащит — не моя печаль, — хлестко ответила та, которую называли Маликой. — Батюшка ей всыплет, не мне. Переживет, не впервой.

Я внимательно поглядела на девицу. Она была выше меня на голову: статная, румяная, с толстой косой, в свежей серой рубашке, расшитой красными петухами, и длинной льняной юбке. Судя по наряду и словам — хозяйская дочка.

— Пошла, убогая! Чего зыришься?

Иду уже, Малика, иду. Я тебя запомнила.

— Зря ты так, — укорила вторая девушка. — Она же не виновата. Она такой уродилась.

— Дармоедка она и лентяйка. И пошто ее только батюшка терпит?

— Сирот и вдов призирать нужно, так богиня говорит.

Дослушать я не успела, дверь кухни за моей спиной захлопнулась. Ну, где там эти студенты голодные? Ага, у окна за большим столом. Едва дотащила проклятый подносище, грохнула на стол. Покосилась на парней — их было только пятеро. Интересно, остальные не такие голодные, что ли? А нет, вот и «мой» брюнет: в свежей рубашке и с влажными волосами. Умывался с дороги.

Я быстро разлила щи большим половником, это я тоже умела. Поставила кувшин на стол. А потом дёрнулась всем телом: кто-то из

парней звонко шлёпнул меня по заднице. Возможно, это был такой комплимент, но я не оценила.

— Ещё раз тронешь — горшок на голову надену, — тихо, но вполне отчётливо сообщила я шутнику, которого быстро вычислила по широкой улыбке.

— Да не ломайся, красивая! — радостно пробасил синеглазый блондин. — Я ласковый и денег тебе дам. Иди на ручки.

И обхватил мою талию своими лапами.

Во всей этой ситуации меня радовало лишь то, что у меня была настолько тонкая талия, что ее запросто можно было обнять двумя ладонями. Больше плюсов не было. Вырваться — сил не хватит. Кричать? А кому до меня дело? Вряд ли Малика или хозяин побегут меня спасать. Половником ему в лоб дать, что ли?

Глава 2. Магия

Дёрнулась, конечно, безуспешно. Столкнулась взглядом с тем самым студентом, вздохнула прерывисто. Ну помоги, чего смотришь?

— Отпусти девочку, Данко.

— Да брось, Асур. Хорошенькая такая. Ты меня знаешь, я ее не обижу.

— Отпусти, — голос парня стал холоднее на добрый десяток градусов.

— А если не отпущу?

— Тогда я тебя побью.

Как ни странно, сработало. Руки на моей талии ослабли. Я хмыкнула про себя: и чего этот здоровяк испугался? Он же в два раза крупнее этого самого Асура.

— Скучный ты, сын долин.

— Какой есть.

Я быстро ускользнула от опасного столика, ненароком задев краем подноса шею любителя хватать официанток. Хорошо так задела, жаль, что не до крови. Тот что-то рявкнул, но поздно, я была в дверях кухни. Лишь бы искать не пошёл!

Малика попыталась сунуть мне в руки еще что-то, но я молча шагнула в сторону, поглядев на нее... ну, словно на пустое место. Обошла девушку, схватила со стола яблоко и краюху хлеба.

— Она меня пугает, — прошептала девица своей сестре. — Юродивая!

— Ну она же всегда такой была, — спокойно ответила та. — Поэтому ей и денег отец не платит, только кормит и одевает.

— Нам тоже не платит!

— Так у нас приданое есть. И ходим мы не в обносках! И спим на перинах, а не в конюшне. Радуйся, что хоть такая помощь, а то пришлось бы тебе самой ползать с тряпкой и горшки ночные за гостями выносить.

— Водопровод же есть!

— Не все им желают пользоваться, многие по старинке живут.

Я грызла яблоко и внимательно слушала их разговор. Как много можно узнать, если просто молчать!

— И все равно... не люблю эту дурищу.

— А тебе и не нужно. Главное, не обижай ее, чести в том нет.

В кухню влетела хозяйка:

— Малика, Дарина, что болтаем? Живо в зал. Тамир! Неси еще копченых курей!

Не женщина, а ураган какой-то. Только что бегала по номерам с простынями, а сейчас повязывает фартук и хватает огромный нож. Неудивительно, что девушки исчезли с кухни, словно их и не было.

— Милка, поела? Ну и чего глазами хлопаешь? Или тарелки собирай там. Да не разбей. Тамир, где мои куры?

Хозяин тащил в руках длинные коричневые тушки, пахнувшие столь вкусно, что у меня рот слюной наполнился. Но служанкам-сиротам, я подозревала, от кур не достанется ни кусочка. Спасибо, что за хлеб и яблоко не пришибли.

Хозяйские дочки шустро сновали по залу, разнося еду и собирая грязную посуду. Я присоединилась к ним, старательно помогая Дарине и избегая Марику. Обе они поняли мой протест, одна гневно фыркала, а другая посмеивалась.

Спустя четверть часа спина у меня была вся мокрая. Ничего себе кардионагрузка! Странно, что девушки хозяйские такие дородные, не иначе, как гены. Вон отец толстый, да и мать не худышка. А у меня ручки как палочки и пальчики полупрозрачные, смотреть страшно. Интересно даже, а все остальное — какое? Найдется ли здесь зеркало? Да откуда...

— Хей, девчонка, девчонка! Милка, поди сюда, — крикнула из кухни хозяйка. — Побыстрее давай!

Я утерла пот рукавом и порысила в кухню. Ой, сомневаюсь, что меня хотят покормить!

— У меня ручка у котелка отвалилась, почини.

Чего?

Я с изумлением уставилась на тетку. Она в своем уме? Как я ей починю? Поглядела на чумазый котелок с булькающим внутри овощным рагу. Да, вижу, кольцо отпаялось, за которое ручка крепилась. Но при чем тут я? Я что, кузнец? Или это... паяльщик? Сварщик?

— Ну давай быстрее, мне ведь готовить нужно. Магичь уже.

Я сглотнула. Понятия не имею, что она от меня хочет, но раз говорит, то я, точнее, Милка, могла это сделать. Чисто логически,

никаких сложностей. Взять немного металла от ручки и приляпать на котелок. Ну, то есть если бы это был пластилин, я бы так и сделала. Но ведь это металл!

Я протянула руку к котелку, снова умилившись тому, что кожа на пальцах белая, гладкая, а ногти розовые и ровненькие. Не так давно пальцы у меня были опухшие, в трещинах и пигментных пятнах. Пустячок, а приятно. Представила, что отщипываю кусок ручки... Да как они себе представляют? Ручка — из железа, а котелок-то медный! Как я им приварю такие разные металлы? Нет, тут надо по-другому. Представила, что котелок состоит из молекул медного сплава — и начала тянуть молекулы в нужное место. Понимала, что это все дурь. Какие молекулы, там кристаллическая решетка! Гранецентрическая. Кубическая. Молекулярная. Интересно, а откуда я это знаю? Не иначе, как в прошлой жизни по работе. Прикольно на самом деле. Хотя медь здесь, понятно, не чистая. С примесью железа и марганца, кажется. Хм, а если представить, что тут кубики, даже проще. Очень-очень маленькие кубики. Как лего, только гораздо меньше.

К моему искреннему изумлению, “ушко” для ручки появилось буквально на глазах. Сначала на боку вытянулся бугорок, потом кольцо... а потом я сообразила, что проще было приляпать обратно отломанное кольцо, но что сделано, то сделано. Дальше было проще. Толстую проволоку ручки я мысленно выпрямила, продела в ушко и закрутила обратно.

— Была бы ты в разуме, я б тебя точно со студентами отправила учиться, — вздохнула хозяйка, потрепав меня по плечу. — Магичка ведь. Может, толк бы был какой. Все лучше, чем на кухне. Да стой ты, дура, куда пошла! Нельзя ведь!

И силой усадила меня за стол. Невероятным образом передо мной оказалась тарелка с рагу и даже куриная нога. И большая чашка с чем-то вкусно-пахнувшим. Я отказываться не стала.

— Мама, почему она ест, а мы работаем? — возмутилась Малика, притащившая в кухню пустой кувшин.

— Потому что у нее есть магия, а у тебя нет, — отрезала женщина. — И еще потому, что новый котелок будет стоить гораздо дороже, чем тарелка овощей.

— Что толку от ее магии, если в голове у нее каша?

— Будто у тебя в голове черемуха. Иди в зал, не болтай.

— Так все уже. Господа студенты наверх пошли, спать.

— Так. А Даринка где?

— Столы моет. Нашим студентам не до девок, они только об учебе думают, — в голосе Малики проскочили ревниво-обиженные нотки.

— Да полно, это же целители, — усмехнулась хозяйка. — А целители — они горячие.

— Фу, целители. Толку от них! То ли дело боевики — они всегда высокие, сильные, их не обидит никто... Или эти... которые огнем управляют. И очаг разожжет, и воду подогреет.

— Дура, — вздохнула мать. — Если уж охмурять, то целителя. У них всегда работа есть, хороший целитель на вес золота. Огонь и спичками разжечь можно, а вот грудной кашель быстро вылечить или роды принять — это важнее.

— Да и ладно, — махнула рукой Малика. — Много тех родов в жизни бывает? Да здоровая девка и сама в поле родит. А боевикам звания дают и казенное жильё, они на границе служат или в патрулях всяких.

А я задумалась. Целители... да, они во всех веках и мирах нужны. Кашель вылечить, роды принять. Поди и зубы безболезненно удаляют. Звучит очень интересно. Только кому я нужна, убогая сирота? Я ведь даже не знаю, как выгляжу. Может, уродина какая. А туда же: о целителях размечталась! Точнее, об одном из них, об Асуре. Да, я даже запомнила его имя.

— Милка, иди спать.

— Матушка!

— Она магичила, ей нужно. Хватит лениться, иди сестре помогай, а то я тебя тряпкой отлуплю.

Я спрятала усмешку. Видимо, не такая уж Милка и бесполезная. Сиротку приютили вовсе не из жалости. Опустила голову, принюхалась, поглядела на грязь под ногтями и осторожно тронула рукав хозяйки.

— Чего тебе?

Я захлопала глазами, сделала вид, что нюхаю подмышку и зажала нос. Воняю же, ну! Где взять чистую одежду?

— Мыльня только для гостей. Вода в колодце, сама разберёшься. Малика, дай ей платье чистое. Все верно, в хорошем постоялом дворе должно быть все чистое и аккуратное, даже подавальщица.

Малика некрасиво поджала губы, поглядела на меня свысока и вышла. Я посеменила за ней.

Комната у них с Дариной была одна на двоих, большая, богато убранная. Тоже и ковры, и подушки, и шкаф, и картинки на стенах.

— Платье ей ещё... — ворчала Малика. — Не заработала она на платье-то.

Но все же мать ослушаться не посмела, открыла сундук и кинула мне что-то серое и мягкое. Я развернула: уж на Малику это точно не налезет. Платье как платье, поношенное, конечно, вон, рукав рваный, да и фасончик так себе, но чистое и приятное на ощупь. Из добротной мягкой шерсти... было когда-то. Не мне выбирать.

Молча забрала одежду, хотела уходить уже, но Малика сумела меня удивить:

— Куда, убогая? Сорочку чистую возьми и панталоны. Чай, мы не крестьяне, чтобы с голым задом ходить. И на вот ключ от мыльни. Потом вернёшь. Матушка, конечно, запрещает, но так быстрее будет.

Я кивнула, настороженно глядя на неё. Что-то ей было нужно, иначе с чего такая щедрость?

— Мила, а у тебя сил хватит? У меня цепочка порвалась серебряная.

Вот и ответ. Вспомнила, что я маг.

Я протянула руку, и Малика вложила мне в ладонь увесистую цепь. Серебро? Ну... серебра там было немало. Плетение сложное, чтобы восстановить, нужен свет и концентрация, это не ручку к кастрюле приделать.

— Завтра отдам.

Почему-то то, что я разговариваю, Малику ни капли не удивило. Видимо, не совсем Милка и немая была, просто молчаливая.

— Завтра так завтра. Не потеряй только.

Вот теперь можно было и уйти.

Глава 3. Гормоны

С мыльней все сложилось удачно. Я быстро ополоснулась и надела чистое. Влажные волосы заплела в косу. Очень хотелось увидеть лицо, а тело я разглядела как могла. Кожа да кости, ребра торчат. Ничего, отожраться гораздо проще, чем похудеть, это я в прошлой жизни прекрасно усвоила. Подумаешь, ребра... Разберёмся.

А что до лица... вспомнила я, как зеркала делают. Ничего ведь сложного, да? Олово, серебро, защитная краска. Серебро у меня было, вон, целая цепочка. Олова там, в цепочке, тоже имелось. А краска мне не нужна совершенно, я не собираюсь зеркалами торговать. Мне нужно только на себя взглянуть.

Вышла из мыльни, прижимая свёрток грязной одежды к груди, заперла дверь, обернулась, почуяв чей-то взгляд.

Он стоял в коридоре с чашкой в руке. Молчал. Сверкал темными глазами.

— Асур?

Целитель с любопытством меня разглядывал. Он был в одних коротких штанах, с голой грудью, босой. Невольно я облизнула губы. Ну хорош же, просто прекрасно сложен! Все на месте, и плечи, и пресс, и мышцы. Гладкий к тому же, без лишних волос. Я таких только на картинках раньше видела. Да и то — фотошоп.

— Мила?

— Милана.

Ну а что, пусть так. Красивое имя, и на коровью кличку не похоже.

— Милана, ты не малохолдная.

— Неа.

— Я так и думал.

Он смотрел так странно, что я ощутила своё тело в полной мере: девочкой рядом с привлекательным мужчиной. Вспомнила, что ещё вчера я умирала в больничной палате, а сейчас — молода и полна жизни. Я ведь взрослая разумная женщина без комплексов... была. Никогда на мужиков не бросалась, мужу не изменяла, не шлялась, не кружила головы, не спала с первым встречным. О чем, кстати, не так давно жалела. Жизнь-то мимо пролетела стрелой. А ведь были всякие повороты, и мужчины были, только я всегда останавливалась. Потому

что воспитание, угрызения совести и «что люди скажут». Идиотка целомудренная.

И сейчас не смогу, хотя очень хочется. Подойти бы к этому парню, прижаться всем телом... потрогать, погладить, попробовать на вкус. Но я опускаю глаза и прикусываю губу. Не смогу, от себя даже в другом мире не убежишь. Жалеть потом буду, локти кусать, да что там, уже жалею. А первый шаг сделать не в силах.

— Тебе как-то помочь? — парень не спешит уходить в свою комнату, а я бессмысленно топчусь на месте. Ну правильно, он вообще видит тупенькую девочку-служанку. Удивилась бы, если б такой мужчина чего-то захотел от меня.

— Да не нужно, — вздыхаю. — С мытьём я и сама справилась. И на конюшню как-нибудь дорогу найду.

— Почему на конюшню?

— Живу я там.

Он хмыкает, запускает пятерню в волосы. Только сейчас замечаю: распустил свой хвост. Густые чёрные волосы едва достают до плеч. А-а-а, держите меня семеро, как я хочу их потрогать!

— Все равно я бы проводил...

— Зачем? Тут меня никто не тронет. А попробует — я орать буду.

Он вздыхает и вертит в руках чашку. Я вдруг вспоминаю, что он тоже ещё очень молод, совсем мальчишка. Да я ему в бабушки гожусь!

— Асур, а я красивая? — неожиданно вырывается у меня. — Ну... я могу кому-то понравиться?

Зачем спросила, дура? А ещё говоришь, что с мозгами все в порядке.

Темные глаза вспыхивают радостью, он вдруг улыбается мягко и даже нежно:

— Красивая. Глаза как река. Утонуть можно.

Я хихикаю. Какой избитый комплимент — для Людмилы Евгеньевны. Сколько я таких за свою жизнь слышала? А для хозяйской девки Милены, должно быть, первый в ее убогой жизни. Хотя кто знает, кто знает.

Я делаю пару шагов по коридору. Он тоже. Встречаемся — так близко и так далеко. Разглядываю его уже не таясь. Черт, ну вот что у него в голове?

— А я красивый? — неожиданно спрашивает он — ещё больше щурясь и совсем без улыбки. — Я могу нравиться?

— Красивый, — шепотом отвечаю я. — Ты мужчина. Такой... настоящий.

— Обычный же, — зачем-то говорит он мне. Явно рисуется. Ни за что не поверю, что у него проблемы с женщинами. — Никто мне не говорил, что я красивый.

— Я не никто, — осторожно кладу ладонь ему на гладкую щеку — кайфуя от своей смелости и осязания молодой кожи. — Я другая.

Сомнительное утверждение, и в то же время очень истинное. Наверное, он неведь что подумает... засмеётся... Но он ловит мою кисть, осторожно ее разворачивает и целует костяшки пальцев. Молчит. Смотрит. Я вздыхаю и облизываю губы. Что дальше? Первой его целовать? А, была на была! Он завтра уедет навсегда, больше никогда не встретимся. Тянусь к его лицу...

Снова встречаемся на пол пути — ах, какой мужчина! Был бы он в моем мире и мой ровесник — я бы все отдала за роман с ним! Но и здесь неплохо, очень даже. Крепкая ладонь на моем затылке, мягкие губы на губах. Все ещё медлит, давая право выбора. А мое тело вдруг пронзает глубинная дрожь. Конечно, юная ведь совсем, гормоны, куча энергии, неизведанные ещё желания! Я и забыла, что так бывает, а ведь когда-то в прошлой жизни все мысли были только об одном...

Какое странное ощущение: мой разум и чужое тело хотели одного и того же. Я полностью понимала, что делаю. А тело не понимало, оно выдавало заложенные природой инстинкты. Ослабели колени, залило краской щеки, сбилось дыхание. Выпал из рук ком грязной одежды, да и плевать на него. Я оглохла и ослепла, просто потерялась. Весь мир был в руках и губах Асура.

— Ты уверена? — он все же спросил. Мальчишка! Не нужно было спрашивать, но спасибо за это. Какой ты трогательный и милый!

— Абсолютно.

Он подхватил меня на руки — зачем, я же тяжелая! Что за романтические глупости? Людмила Евгеньевна внутри меня и злилась, и блаженствовала, и смеялась над собой. Дурочка, ты была тяжёлой тогда, а сейчас — ну сорок пять кило, не больше, а он сильный, он не рафинированный блогер, который не поднимал ничего тяжелее портфеля. И даже не качок из спортзала. Он местный молодой и

здоровый парень, который точно умеет и верхом, и с мечом, или чем там они нынче машут? Словом, сил ему хватит.

Я растаяла окончательно.

Он сам меня раздевал, а я ему позволяла, радуясь тому, что от меня ничем не пахнет, что на мне хоть и ветхое, но чистое белье. Да и сам он тоже чистоплотен. В молодости о таком не больно-то думаешь, а потом без подобных нюансов сложно жить. Надеюсь, он ничем не болен. Ах, целитель же. Есть у них медосмотры или санитарные грамоты какие-то? Наверное, есть.

В тишине спальни раздаётся мой первый стон — парень явно знает, что нужно делать с женщиной. Безошибочно находит нужные точки. Я думала, он трепетный цветочек, а оказывается — мастер.

— Мила?

— А?

— Я что-то делаю не так?

— Все так.

— Ты не со мной. Ты где-то очень далеко.

Наблюдательный... гад.

— Просто... мне странно чувствовать себя инструментом. Это ты где-то далеко.

Он шумно выдохнул:

— Да, я... целитель. Пытаюсь почувствовать тебя.

— Почувствуй сначала себя, — вот самое время проводить психотерапию для неуверенных в себе юнцов. — Просто будь настоящим.

— Так?

Он прикусил тонкую кожу на моей шее, лизнул... и меня выгнуло от пронзительной стрелы удовольствия.

Как это странно: точно знать, как было хорошо тебе, но в другом теле. Быть опытной и невинной одновременно. И совершенно выпасть из реальности в один миг, потому что теперь все оказалось по-другому. То есть мой разум по-прежнему заводили прикосновения к волосам, к шее и спине, а это тело не слушалось совершенно. Наверное, я просто к нему ещё не привыкла.

Асур, кажется, плюнул на то, что я витаю в облаках. Ну и правильно: дают — бери. Молодой, жадный до удовольствий, да ещё и почти дикарь, не обременённый рамками морали. Так сейчас мне и

нужно. Впился жадным, почти грубым поцелуем в мой рот, смело раздвинул колени, накрыл меня всем телом, гладким, упругим и полным сил. Я только пискнула, ощутив резкую быструю боль (сюрприз-сюрприз!). Он тут же остановился, прикоснулся по-особенному, и боль исчезла. Однако я рекомендую лишаться девственности с целителями, это очень позитивный опыт! А потом меня снесло к херам волной его удовольствия.

Как же это приятно, когда любовник молод, в меру эгоистичен и уверен в себе! Он не ищет поз, он не сомневается ни в чем, ему плевать на точки «g», клиторальные оргазмы и подсчёт фрикций. Он просто кайфует, горячо дыша в ухо, постанывая и целуя твои плечи.

В какой-то момент меня накрыло по-настоящему, с головой. Я перестала отделять себя прежнюю от тела Миланы. Я просто всхлипывала, стонала, почти кричала (точнее, мычала, когда Асур предусмотрительности зажал мне рот ладонью), извивалась, цеплялась за его плечи. А потом наслаждение выплеснулась волной, оставив меня обессиленную и обмякшую, словно медузу на песке. Никогда... никогда я так не позволяла себе открыться. Даже в сорок с хвостиком, особенно в сорок. Там секс был на высоте, но скорее, технически. А здесь, сейчас, было что-то особенное. Мой первый раз — и последний, наверное. В следующий раз я просто умру. Совершенно невозможно подобное переживать раз за разом, так не должно быть!

Я лежала, глядя широко раскрытыми глазами в темноту. По лицу струились слёзы. Тело мелко дрожало, опустошённое и уставшее. Краем сознания я понимала, что мальчик обо всем позаботился: он прекрасно знал, от чего бывают дети. А теперь осторожно и нежно вытирает следы страсти влажной тряпкой.

— Мила, — шепчет он, вытягиваясь, наконец, рядом (я так и не шевелилась). — Я тебя не обидел?

— Нет. Мне было очень хорошо.

— Я не знал, прости. Нужно было предупредить.

— Я не жалею.

— Я знаю, — в его голосе звучит совершенно очаровательное самодовольство, и я невольно улыбаюсь во весь рот. Ты ж мой хороший!

Поворачиваюсь, опуская голову ему на грудь. Обвиваю руками, целую в шею. Меня захлестывает нежность, от которой я снова реву.

Какая же я все-таки дура!

Асур притягивает меня к себе ещё ближе, и от этого простого и трогательного жеста я окончательно разнюниваюсь.

— Милана, зачем ты здесь? Поехали со мной.

— Куда это?

— На Север. Я в университете учусь, мы все учимся. Целителям хорошо платят, для них везде есть работа.

— Глупости говоришь, — всхлипываю я. — Я тебе не нужна совершенно. Просто случайное развлечение в пути.

— Ну что ты!

— Нет-нет, даже не думай, — я по-настоящему пугаюсь. Какой хороший мальчик, не хватало только жизнь ему испортить! — Уезжай и не тревожься, я справлюсь!

— Ты здесь прислуга без всяких прав. Да и глушь тут несусветная. Я хочу тебе помочь из этого выбраться.

— Я сама должна, понимаешь? Я сильная, я смогу. Не забирай у меня крылья.

— Нет, не понимаю. Мила...

— Спи. Тебе выезжать рано. Спи, а то приставать буду.

— Еще? — тут же оживляется он. — А можно?

Сумасшедший! Я уже забыла, какие они, молодые — жадные и быстрые.

— Можно.

Ах, Асур, если б ты понимал, что делаешь для меня! Это ведь не секс, это инициация. Я рождаюсь в этом новом мире как женщина. Ты дал мне уверенность и силу. Пусть это все неправильно, против всех норм морали, но мне это было нужно. Спасибо тебе, мой хороший.

Глава 4. Утро

Когда я проснулась, был уже почти полдень. Яркие лучи солнца безжалостно пронзали тонкую занавеску. На ней ещё была такая вышивка с дырочками, ну как шитьё на старых бабушкиных покрывалах, знаете? Вот через эти дырочки солнце выкало в меня своими пальцами.

Я попыталась потянуться и невольно зашипела сквозь зубы. Хороший мальчик Асур меня просто укатал за ночь. Болели мышцы бёдер и живота.

Я была одна, да это и понятно. Ему нужно ехать дальше, а не будить какую-то там подавальщицу постоялого двора. Не нужно обольщаться: я ему понравилась, но никаким продолжением тут и не пахнет. Просто приятное приключение, будет, что вспомнить. О, молодость! Не я первая, не я последняя у него. Думаю, на каждом постоялом дворе таких Милан пара штук, да найдётся.

Сползла с постели, морщась. Нашла одежду — Асур был столь любезен, что сложил ее на стул. Даже грязное принес, положил на край стола. И ещё кошелёк — очень внушительный. Тяжелый, тугой. Ну зачем? Как-то мне неловко, хотя я понимаю, что мальчик вообще не имел в виду ничего оскорбительного.

Заглянула в кошель и присвистнула: золотые монетки. Он что, сын какого-то князя? Или бастард местного короля? Что-то мне подсказывает, что денег много. Возможно, даже все, что у него было. И записка под кошельком:

«Милана, не злись. Это не милостыня, это тебе на новую жизнь. Ты заслуживаешь большего, чем роль поломойки в придорожном трактире. Возьми деньги и иди учиться, ты справишься. Буду ехать обратно — проверю. Асур»

Боги, он прекрасен. На миг я даже пожалела, что не поехала с ним. Могла бы поймать на слове. Но нет, это не мой путь. Он сам по себе, я сама по себе. И хорошо, что уехал, потому что я понимала: то, что случилось вчера - явно ненормально. Словно мне ведро на голову надели и по нему половником стукнули. Гормональный, мать его, приступ. Сюрприз от нового, ещё необкатанного тела. Хорошо, что мальчик попался на пути хороший, а не какой-нибудь обмылок, что и

ребёнка мог заделать, и чем-то венерическим наградить. Черт, надо быть осторожнее.

Интересно, а с чего Асур вообще решил, что я умею читать?

Спрятала кошелёк в карман платья, подумала — и содрала простынь с постели. Уж ее совершенно точно нужно постирать. Распахнула окно. Собрала свои вещи.

— Ах вот ты где! — в комнату ворвалась Малика. — Тебя с утра найти не можем! Матушка уж думала, что тебя кто-то из студентов придушил и утопил в колодце!

Шутка мне не понравилась. Я холодно поглядела на девушку, раздумывая, не пора ли юродивой начать отстаивать свои права.

А Малика оглядела комнату и все поняла. Откровенно говоря, не понять было сложно.

— Да ты с ним спала! — в ее голосе было не столько возмущение, сколько глубокое изумление. — Он совсем не брезгливый, что ли? Позариться на дуру безмозглую! Целители такие странные...

И тут меня прорвало. Я бы спокойно стерпела оскорбления в свою сторону, но про Асура никому не позволю говорить пакости!

— Рот с мылом вымой, поборница морали, — процедила сквозь зубы. — Если на тебя никто внимания не обратил, нечего завидовать. Асур — достойный юноша, не тебе его имя полоскать.

Малика вытаращила глаза и захлопала губами, чисто рыба-телескоп, выпрыгнувшая из аквариума.

— Ты... я... он что, тебя вылечил?

Тут уже глаза вытаращила я. Такого вывода я никак не ожидала.

А девушка, развернувшись, вприпрыжку умчалась с криками:

— Мама, бабушка! Там целители что-то с нашей Милкой сделали, она в разум пришла!

Я выругалась и побежала следом. Вот так поворот! И кто из нас двоих идиотка, я никак понять не могу!

Догнала в кухне, где раскрасневшаяся Малика доказывала матери:

— Точно говорю, в полном разуме она! Я ей — ты что, спала с целителем? А она мне — рот закрой, нечего завидовать!

— Малика, а может, почудилось тебе? Ведь Милка двух слов связать не может, ладно хоть на имя откликается да речь человеческую понимает, когда сама захочет.

— Все нормально, она не врет, — со вздохом подтвердила я. — Куда простынь грязную нести, я что-то подзабыла.

Хозяйка села мимо табурета, с грохотом и сдавленными словами, которые я слышала впервые, но смысл интуитивно поняла.

— Ганна, золотая моя, что здесь происходит? — теперь в кухню влетел и хозяин, тут же бросившийся поднимать жену.

Ну и навела я шороху!

— Целитель вылечил нашу Милку! — тут же наябедничала Малика. — Она была больная на голову, а теперь здоровая! Все соображает!

Я молча поглядела на мужика. Он так же молча поглядел на меня. Уверена, вспомнил нашу стычку в конюшне, но решил никому не рассказывать.

— Это правда? Мила, ты в разум пришла?

— Пришла, пришла. Так куда белье грязное складывать? Стирать не буду, даже не приказывайте.

— А я говорил, что все вот это, — он повертел руками возле лба, — это от детской травмы. Ну, когда мать ее убили и саму Милку пристукнули. Она ведь маленькая была нормальная, болтала как и все детишки. А потом целители ее оживили, но не до конца!

О, сколько нам открытий чудных...

— Видимо, эти студенты куда талантливее! Кстати, кто из мальчишек отличился?

— Асур, — вздохнула я.

— И то ожидаемо! Все же внук князя Синегорья, младший, конечно, но кровушку не обманешь! У синегорских князей всегда маги сильные рождались! Кто, как не он? И как он исцелил тебя, девочка?

— Не помню, — ответила я, пряча глаза. — Просто... заговорила и все. Словно туман в голове рассеялся.

Украдкой посмотрела на Малику, пунцовую и смущённую не меньше меня. Сдаст, поди. Не замечала за ней особой ко мне любви. Но девка молчала, а уж я тем более ничего рассказывать не собиралась.

— А Синегорье далеко отсюда?

— Да почитай, самый что ни на есть Север. Приграничные заставы. Не местный этот целитель, в гости к нашим князьям приезжал, они ведь родичи дальние.

— Точно, у старого князя Велимира первая жена из Синегорья была, — кивнула Ганна.

Спасибо, я все равно ничего не поняла, кроме того, что у Асура в родичах какие-то там князья. Оба-два. И что с того? Асур уехал. По большому счёту, он мне совершенно не нужен. Мужчина в моей жизни явно пока лишний. На него можно свалить внезапно вернувшийся разум — и прекрасно. Дальше нужно самой.

— Что же нам делать теперь? — несколько растерянно спросила Ганна.

— Ну так Милка в разуме, пусть сама и решает, — совершенно спокойно сказал хозяин. — Мы ей не родня, указывать не можем больше.

— Так магичка она! И девушка молодая. Как бы не обидел кто...

— В Южных провинциях спокойно и тихо. Захочет Милка — в моем доме всегда место для неё найдётся. А пока нужно кровать ей в чулане хоть поставить. Это она раньше на конюшню спать сбегала, а теперь как человек себя вести будет, да, дочка?

Мне хватило совести робко кивнуть. Стыдно стало за свои мысли. Я-то думала, они дурочку-сироту угнетали, а на деле оказалось, что чужую дочь к себе в дом взяли, заботились даже. А на конюшне она сама жить решила. Да уже тот факт, что Милка была невинна, многое говорит. А могли бы и тело ее продавать, кто им помешал бы?

— Так, значит, решено! — невесть чему обрадовалась Ганна. — Тамир, ты кровать в чулан поставишь и чистое белье постелишь, а ты, Малика, в баню ее! Да волосы в порядок приведи, чтобы отныне никто не сказал, что Милка-дурочка даже причесаться не может! И платье ей надо пошить справное, раз уж она точно его не порвёт и не запачкает. Хватит в обносках ходить. Ах да, Тамир... не нужно ли письмо отправить в Северный университет? Этого ихнего лекаря похвалить? Пусть знают, какие у них студенты!

— Не нужно! — выпалила я. — Вряд ли он награды желает! Иначе бы уже растрезвонил всем!

Тамир поглядел на меня тяжело и пристально и кивнул:

— Верно. Не будем его раньше времени хвалить. Пока ещё неизвестно, навсегда ли Милка в разум пришла. Да и девку позорить... ведь приедут, поглядеть захотят. А ей еще замуж выходить, нужна ли ей такая слава?

Замуж я не собиралась, конечно, но дядьке Тамиру благодарно кивнула. Вообще-то Асур как бы и ни при чем. И незачем ему в это все лезть.

— Пошли уже мыться, — сурово сказала мне Малика. — Сейчас сестру позову, она поможет.

Я вышла за ней следом, не решаясь сказать, что вроде бы уже вчера... ну ладно, после такой ночи можно заново мыться, тут чистая правда. И голову я, конечно, не мыла — в темноте и в чужой мыльне, да в холодной воде не решилась.

— А зеркало у вас есть? — вспомнила вдруг я.

— А ты точно в разум пришла? Вообще представляешь, сколько оно стоит?

— Нет, — вздохнула я. — Но стекла же в окнах есть. А они тоже недешевы.

— Так стекла батюшка вез из самого Буйска. Это другое. А зеркала только у князей имеются, ну, или у купцов каких. В государевом дворце, говорят, и вовсе целая зеркальная комната имеется, а государыня со всех сторон себя разглядеть может. Ты погоди тут, я Даринку кликну. Вон пока, печку нагрей.

Я огляделась. Теперь, при дневном свете, заметила маленькую круглую печь под ванной. Это что же, мне воды набрать и ее как в котле согреть? Грамотное решение, куда лучше, чем ведра таскать!

Повернула рычаги, наполнила водой большую медную ванну — вчера я просто быстро обтерлась, без каких-то претензий на полноценное мытьё. Зажгла огонь в печке длинной спичкой, что нашлась на окошке.

Кстати, об окошке... Подумала, достала из кармана сломанную цепочку и поднесла ее к окошку. Так, молекулки, прошу на стекло. Сначала олово, там, кстати, не кубики, как у серебра, а тетрагональная кристаллическая решётка, если кому-то это интересно. Вот это я понимаю, нанотехнологии! Тончайший и очень ровный слой, техника так не может. Ну и ладно, стекло тут далеко от идеала, конечно. Волнистое и с пузырьками. Обидно, но магия моя только на металл работает. Стекло никак не поддаётся. Ну правильно, кремний у нас к металлам не относится, это металлоид. А уж оксид кремния и вовсе аморфное вещество. Ладно, переживём. Хватит, наверное, олова, дальше — серебро. Тоже немного, тонюсенький слой.

Как ни странно, зеркало у меня получилось. И даже несмотря на его кривизну и волнистость, своё лицо я прекрасно разглядела.

Глава 5. Так вот я какая

Что сказать, спасибо, мироздание. Девочка, тарашившаяся на меня из самодельного зеркала, была даже симпатичной, только уж очень недокормленной. Повторюсь — это как раз вообще не проблема. Даже плюс. Можно хорошо кушать и не сильно переживать за талию. На тонком лице одни серо-голубые глаза, светлые, почти прозрачные. Кожа белая, венки разглядеть можно. Щек нет вообще. Губы обкусанные, припухлые — ну это Асур меня ночью зацеловал, наверное.

От воспоминаний в животе ухнуло, да так, что я покачнулась. Угу, с либидо у меня все в порядке. Даже слишком.

А вот волосы и вправду были в кошмарном состоянии: тусклые, спутанные, какими-то клочьями торчащие. И это я еще вчера пыталась их расчесать хотя бы пальцами! Да, мой юный друг, а Малика не так уж и не права была. Что ты в этом чучеле вообще разглядел? Глаза разве что... Больше-то смотреть и не на что. Ключицы торчат, шейка как у воробышка, фу. И ушки такие розовые, оттопыренные.

— Ой, как ты это сделала? — раздалось у меня за спиной. — Нет, не убирай!

Я подскочила на месте, испуганная. Теперь на меня с благоговейным ужасом взирали обе сестрицы.

— Это же зеркало, зеркало! Ты его намагичила, да?

Интересно, в этом мире ведьм на костер не отправляют?

— Ух ты! — Малика немедленно подскочила к посеребренному стеклу, отгеснила меня и принялась себя разглядывать. — А я красавица!

Даринка же с тревогой взгляделась в мое лицо:

— Милка, ты как? Правда ли это? Ты выздоровела?

Отчего-то ее беспокойство меня тронуло.

— Вылечил меня приезжий лекарь. Теперь я в разуме.

Дарина просияла и стиснула меня в крепких объятиях. Девушкой она была могучей и сильной, я еле пискнуть успела, прижатая к пышной груди.

— Уж как я рада, слов нет! Теперь ты настоящая наша сестра!

— Э... — я захрипела от избытка чувств. — Не совсем.

— Как? — Даринка, наконец, позволила мне сделать вдох. — Неужто покинуть нас хочешь?

— Пока нет, — честно сказала я. — Я ж и не знаю ничего. Сначала хочу понять, кто я такая, на что способна.

— Сирота ты бездомная, — не отрываясь от зеркала, порадовала меня Малика. — Никому не нужная, без рода и племени. Батюшке в пояс кланяйся, что он тебя в дом свой забрал.

— А ну прекрати! — рассердилась Даринка на сестру. — Ну и что, что сирота? Есть у нее род, Верьева она, как и мы с тобой! И дом есть! Она, почитай, с самого детства тут живет с нами.

— Живет, да не живет, — сказала справедливо Малика. — На конюшне ночует, в тряпье как нищенка ходит. Все вокруг знают, что она малахольная. Никто ее на работу и не возьмет, да и дело разве — девке молодой на чужого человека работать? Снасильничают, и никто ее не защитит.

— Малика правду говорит, — согласилась я. — Поэтому я никуда и не побегу. Сначала нужно все обдумать.

— Ну раз ты так решила... Я тебя во всем поддержу, — закивала Даринка с таким энтузиазмом, что я умилилась. — А пока надо тебе волосы в порядок привести для начала.

— Да их остричь проще, — поморщилась я.

— Не вздумай даже! Косы только гулящим девкам обрезают!

Малика на меня выразительно посмотрела, но промолчала. А она далеко не дура! Еще неизвестно, от кого пользы больше, от нее или от ее прекраснородушной сестрицы.

— Раздевайся же, вода уже нагрелась!

Я быстро скинула с себя платье, забыв совершенно про Асуров кошелек. Оно упало на пол с глухим стуком.

— А что это там? — тут же подскочила Малика.

— Не трожь!

Но ушлая девица уже достала кошель и заглянула в него. Счастье, что записку не увидела, деньги ее куда больше интересовали.

— Откуда у тебя? Украла, небось?

— Асур мне оставил. Сказал, что в новой жизни поможет, — нехотя ответила я, даже не соврав. Так и сказал. Написал, точнее.

Как ни странно, обе сестрицы мне сразу поверили.

— Ах какой благородный юноша! — с придыханием воскликнула Даринка, прижимая к пышной груди руки. — Все-таки княжескую кровь сразу видно.

— Угу, просто денег у него много слишком, — пробормотала Малика. — Раздает направо и налево всяким... сироткам. Понятно, откупился.

— Да что ты такое мелешь, гадюка подколотная!

— Да шучу я, шучу. А Милка могла бы кошель батюшке отдать, за евонные заботу и ласку.

На это вторая сестра промолчала, и я поняла, что тут она согласна. А я вот — нет.

Сестрицы засунули меня в ванну, сами разделись до исподних сорочек и принялись меня пытаться. Что только с моей несчастной головушкой не делали — и маслом мазали, и мылом мыли, и травяными настоями полоскали, и даже яйца в волосы вбивали. Такой труд не мог не принести результатов: волосы удалось расчесать и разложить сушиться на полотенце. Дарина побежала за новым платьем (зря она, меня и старое вполне устраивало), а Малика осталась. Лучше бы наоборот, конечно.

— Признавайся, как ты так княжича ублажила, что он тебе кошель золота оставил? — немедленно спросила сестрица.

— Веришь-нет, никак.

— Ну так вы же с ним... ну это самое. Я ж видела и простыню с пятнами крови.

Блин, Милка, ну что ж ты такая глупая! Про пятна и не вспомнила даже!

— И что? Это было по обоюдному согласию.

— А хорошо было? — Малика даже рот приоткрыла. — Я слышала, первый раз больно очень, да и потом не всегда приятно.

— Так он же целитель. Сразу боль убрал. Да и чувствует он, как сделать, чтобы не обидеть.

— Вот оно что... — задумчиво пробормотала Малика. — И вправду, с целителем оно спокойнее. Да и позаботился, наверное, чтобы ты не понесла. Да, это имеет смысл. Но только невинность-то обратно не вернешь! Ужо муж тебя потом взгреет!

— Да не нужен мне муж, — рявкнула я уязвленно. — Сама справлюсь. Магия какая-никакая есть, работа уж по мне найдется!

— Есть магия, — согласилась девушка. — Про мужа, может, и правильно ты. Матушку-то твою папаня твой порешил. И тебя почти угробил, насилу лекари спасли, да не до конца. За блуд и зарезал. Такая у вас порода: что кошки блудливые. Лучше уж одной жить.

Я заморгала растерянно, а потом потребовала:

— Рассказывай, что еще знаешь. И откуда? Лет-то тебе не больше, чем мне, своими глазами ты явно это все не видела.

— Люди говорили, да мать с отцом обсуждали. Я запомнила. Родители твои мастерами были. У отца ювелирная лавка в Буйске имелаась. А мать с металлами магичила, как и ты.

— Звали их как? Буйск — он далеко? Как я сюда попала?

— Как звали — это у отца спрашивай. Он тебя и привез. Он в Буйск часто ездит, у него там сестра родная живет. Далеко, почти уже на севере. А мы на юге, во владениях князей Озерских живем. Самый большой город тут — Белокаменск.

— Стало быть, тут про меня никто и не знает? — хладнокровно уточнила я. — Милка-дурочка, и на этом все?

— Да. По первости ты в деревню еще убегала, так что там тебя видели, а потом ничего, успокоилась.

— А лет мне сколько?

— Да почему я знаю? Старше меня, это точно, мне-то шестнадцать. Тебе, может, все двадцать уже, а может, ты Даринке ровесница.

— Хорошо. А магии у нас где-то где-то учат?

— В Белокаменске точно учат. В Буйске, знаю, школа есть, но она для мальчишек только, к тому же ты уже старая для школы. Вон наши целители на Север уехали, в университет. Там, говорят, самое лучшее образование. А берут туда всех, даже стариков и старушек, был бы дар хороший и деньги. С четырнадцати лет берут.

Я на миг задумалась, сколько лет Асуру. Нет, ну уж всяко больше пятнадцати! Он вполне взрослым выглядел. Не ребенок уж никак. А впрочем, теперь-то какая разница?

От дальнейшего разговора Малику спасла сестра. Она вернулась с совершенно сияющим видом:

— Смотри, Мила, какое я платье тебе нашла! Совсем новое! Мне его батюшка из Буйска привез когда-то, такие на Севере в моде! Коротковато немного, должно быть, но зато красивое! Я его давно носила очень, лет в двенадцать.

Ну что сказать. Миленько до зубовного скрежета. А еще в двенадцать у Дарины уже была грудь. Причем едва ли не больше моей. И любила она розовый цвет, кружева и рюшечки. Но ткань и вправду была замечательной, тонкой, легкой, почти невесомой. Но рюшечки!

— Дарин, я тебе очень благодарна, — начала я осторожно, но Малика грубо перебила:

— Ты в своем уме, сестрица? Куда ей розовое-то? Она ж не княжеская дочка. Попроще нужно что-то. В кружевах ей полы мыть и пиво носить ой как неловко будет. Да и платье детское. Нет, оно красивое... можно и перешить. В город в нем поехать или просто гулять выйти. Но сейчас нельзя никак.

Я кивнула.

— А давай я свое старое надену, — предложила. — Оно мне подходит. Права Малика, в нарядном мыть полы не дело совсем. А старое — чистое, ты ж мне его вчера только дала. Как ты видела, деньги у меня есть, что-нибудь придумаем, да?

— Да, — с облегчением согласилась Даринка. — Но волосы я тебе все же заплету, как положено. Раз ты в разуме теперь, веди себя прилично.

А пока я одевалась, она тоже принялась смотреться в зеркало, но не с таким восторгом, как Малика.

— Ой и щеки у меня, одно огорчение. И подбородка почему-то два. И глазки маленькие.

— Это зеркало искажает, стекло все кривое. Ты очень красивая. И... крепкая, здоровая, — утешила я ее. — И работница отличная, и детишек легко родишь.

— Думаешь?

— Уверена.

— А можно нам это зеркало сохранить?

— Нельзя. Это я только попробовала. Для нормального зеркала стекло получше должно быть. И краска еще нужна.

— Так мало что ли в доме стекол? Найдём и ровное, и краску добудем. Ну пожалуйста, Милочка! Сделай нам зеркало, ты же умеешь!

— Хорошо, — сдалась я без боя. — Попробую. Но не сегодня, мне еще цепку Маликину починить нужно.

— Какую-такую цепку?

Малика зашипела, а я достала из кармана рваную цепочку и собрала весь металл со стекла обратно.

— Это что, оборотнево серебро? — повысила голос Даринка. — Тебе же мать ясно сказала — не якшаться с охотниками! А ну дай поглядеть. Похоже на Даникову работу! Ты, стало быть, подарки от него принимаешь, да какие! Украшения! Уж я тебя...

Малика с ненавистью на меня поглядела, а я что, я откуда знала? Предупреждать надо.

— Я пойду, пожалуй.

— Иди-иди. Нам с сестрицей поговорить надобно. О чести девичьей и о послушании родителям.

Я и сбежала, конечно. Пусть без меня отношения выясняют.

Мне и в самом деле с цепочкой надо поколдовать. Интересно же, на что я способна!

Глава 6. Не дурища

— Дядько Тамир, у меня вот, — я положила перед Тамиром кошелек с золотом. Весь, ни монетки не утаила. Совесть не позволила.

— Что это? — тяжело и грозно спросил трактирщик. — Откуда?

— Студент... целитель... Асур оставил мне.

— Ну оставил и оставил, мне зачем?

— Ты меня в дом свой взял, кормил, оберегал...

— Плохо оберегал, раз тебе кошель такие дарят.

Я опустила глаза.

— Не понесла хоть? Или рано пока?

— Асур... позаботился, — выдавила я, проклиная себя за инициативу. Зачем сунулась, идиотка? Молчала бы, за умную бы сошла.

— И на том спасибо. А деньги заberi свои. Ты не задаром у меня жила, а по хозяйству помогала. Как могла, так и помогала, без тебя тяжеленько бы пришлось. Заberi, говорю, а то прокляну. Я тебя не за деньги в дом брал! Дело мое доброе по заветам богини не губи.

Я кивнула и забрала кошелек. Ладно, я его понимаю. Он вправе и оскорбиться.

— Стало быть, выросло дитяtko. Не целитель помог, это я разумею, но и он зачем-то нужен тебе был. Ну и ладно.

— Он не за это кошель оставил, — мучительно выдавила из себя я, умирая от стыда. — А чтоб я учиться пошла.

— Стало быть, учиться и пойдешь. Или с нами остаться хочешь?

— А что ты посоветуешь, дядько?

Спрашивала я не просто так. Тамир — мужик умный, это я по его делам понимала. Постоялый двор у него небольшой, но довольно богатый и чистый. С делами он управляется успешно, даже стекла везде поставил — это в деревне-то! Да и карета почтовая тут останавливается, я своими глазами сегодня видела. Значит, договоренность какая-то есть. Лошади опять же в конюшне, это тоже не просто так. Зачем бы трактирщику лошади, кроме как для того, чтобы их менять?

Не важно даже, что он обо мне думает. Я ведь кошель принесла не просто так, а чтобы оценить, что он за человек такой, да и чтобы себя

показать. Ну и вправду, он ведь сироту к себе взял, да еще дурочку. Много ли народу так поступит?

— Что совета решила спросить, это ты молодец, — кивнул, наконец, Тамир, а потом вдруг голову склонил: — Прости, дочка, я виноватый перед тобой. Ругал, иногда руку поднять мог. Видит богиня, не со зла. Ты ж немного понимала. Ну так я и Даринку с Маличкой выдрать мог, когда они не слушались.

— Так не покалечил же, дядько.

— Не покалечил, а все одно, как собачонку гонял.

— Так я как собачонка и была. Понимала что разве? Сейчас ведь не тронул бы и пальцем?

— Не тронул бы. Прощаешь, стало быть?

Я пристально на него посмотрела. Врет или честен со мной? Лицо у Тамира красное, как помидор. Ему извинения нелегко дались. Я вспомнила то, что в зеркале видела: ни синяков, ни шрамов, ни застарелых травм. Положим, что-то Асур подлечил. Засосы и следы пальцев и зубов он точно убрал. А что там раньше было, я не знала.

Тамир ждал ответа, а я не могла ничего придумать.

— Скажи мне, ты меня хоть кормил? — наконец, выдавила из себя я.

— Та не в коня корм! Отец твой — северянин. И мать мелкая была. Голодом не морил, клянусь!

Я поверила. Даже если врет — на его совести будет. А попробует обидеть, так я его сожру с потрохами, я умею.

— Прощаю, дядько Тамир. Я жизнь сначала начала, и ты начни.

— Вот и славно. Значицца, ты совета просила. Ну так слушай. Нечего тебе тут делать. Красоты и силы в тебе немного, но в том не моя вина. Замуж тебя точно уж не возьмет никто из деревенских, а проезжий народ ненадежен, да ты и сама это поняла. Тебя ж дурочкой все помнят, кому охота от дурочки сыновей иметь? Да сможешь ли родить? Уважать тебя не будут, ты поди не помнишь, а последний раз мальчишки в деревне в тебя грязью кидали. Конечно, ты дитя еще была, но с тех пор вовсе с постоянного двора ни на шаг не уходила. Значит, все поняла, хоть и дурочка. Да и магия в тебе есть от матери. В Буйск тебя свезу или даже в Белокаменск. В Буйске еще люди есть, кто твоих родителей помнит. Магичка работу везде найдет. Но не сразу, зиму

перезимуй у нас. Так проку больше будет. Книги тебе дам, а Ганна читать и писать научит, она умная. Одежду пошьем добрую. Согласная?

— А про родителей моих что расскажешь, дядько? — с надеждой спросила я. — Может, осталось что-то в Буйске от них?

— Да ничего особо не скажу, — спрятал глаза мужик. — Я и не знал их, так...

— Правда ли, что отец мать убил, а меня не добил? А самого его, поди, казнили?

— Это кто же тебе наболтать успел? Ганка, что ли? Уж я ее...

— Малика рассказала. И спасибо ей за это, лучше уж все сразу узнать, чем потом от чужих людей.

— Вот ращеколда! Кто просил... И откуда только узнала! Да, правда это. Отец твой зарубил жену не то топором, не то саблей. А тебя в голову ранил. Крови много было, думал, что ты померла.

— За измену? — тихо спросила я.

— Да я-то почему знаю? Я в окно не заглядывал и постель им не стелил. Мож, за измену, а мож, еще за что. Мож, свихнулся просто. Люди многое говорили, да верить им — все равно, что пожар вином тушить.

— А кем они были, мои родители?

— Мастера-ювелиры, лавку свою держали. Нет, лавка не осталась, даже не думай. По закону, у убийцы имущество забирают.

— А если дети остались?

— В сиротский дом. Да ты ж совсем убогая была, кому ты там нужна? Или прибили бы, или померла б от болезни какой.

— А ты меня лечил, стало быть, — недобро поджала губы я, понимая, что где-то Тамир врет, точнее, не договаривает.

— Да ты у меня и не болела, даром, что мелкая, как котенок. Маличка с Даринкой то сопливые, то дохают, каждую зиму — лихоманка всякая, а тебе хоть бы хны. Один раз они сыпью покрылись, вот там и тебя задело, да и то — они три седмицы головы не поднимали, а ты через пару дней уже бегала. Я тогда даже думал, что богиня разум забрала, так хоть здоровье оставила. Но то у меня в доме, где тепло и кормят. А в приюте — кто знает?

Тут я была с ним вынуждена согласиться. Так и есть. В тепле, с хорошим питанием, со свежим воздухом любой ребенок будет болеть меньше, чем в приюте. А с лавкой ювелирной я как-нибудь разберусь,

когда в Буйск приеду. Раз уж в южных провинциях все так хорошо, везде порядок — должны остаться какие-то документы. Ну, или хоть живые свидетели.

— А с отцом-то что было?

— Повесился в тюрьме, — мрачно бросил Тамир, и я поняла, что мне пока достаточно. И чужие вроде люди, а все равно — дрожь берет. И это у меня, точнее у Миланы, еще нервная система вполне себе крепкая. А в прошлой жизни я неплохо изучила депрессию изнутри, так сказать, особенно, когда уже понятно было, что шансов у меня немного.

На миг задумалась: а ведь “врач” тот, который не то привиделся мне в бреду, не то и в самом деле был, сказал, что годы мои не закончились. Может, я бы и выздоровела. И ведь жизнь, кажется, неплохая у меня была. Смутно помню, но дети взрослые уже, работа, муж даже. Бывший или настоящий? Вот тут затык. И не тот, и не другой, кажется. То есть любви особой не имелось. Ну и ладно, у меня ничего не болит, это главное.

Зато сейчас я молода, свежа как майская роза, глаза вон красивые и магия даже имеется. И самое смешное, я уже даже от девственности успела избавиться, так что никаких сомнений по поводу семейного положения можно не испытывать. Порченная невеста никому не нужна. Может, я и поторопилась... Вспомнила Асура и невольно улыбнулась. Ни за что о нем жалеть не буду. Может быть, мы с ним даже встретимся еще. Хотя лучше б не нужно. Влюблюсь ведь по уши, в такого, как он — немудрено.

— Дядько Тамир, — кивнула я хозяину. — Остаюсь до весны, но на моих условиях. Ни в конюшне, ни в чулане жить не буду, я не собачка. Придумай что-нибудь, в один из номеров посели, что ли. А взамен я по хозяйству помогать буду, да с полным разумением. Готовить научусь, с металлом помогу. А еще знаешь, я попробовала зеркало сделать, вроде бы даже получилось. Думаю, какой-то толк от моей магии будет.

— Цену себе узнала? Это хорошо. Значит, и потом не пропадешь, — кивнул Тамир. — Договорились. Любую комнату выбирай. И зеркало свое покажи, коли не врешь, штука нужная и ценная.

Глава 7. Конец зимы

— Так, моя драгоценная, — в сотый раз напоминал мне дядько Тамир. — В первую очередь мы с тобой идём к стекольщику.

— В первую очередь мы идём в гостиницу, — возражала в сотый раз я. — Моемся, ужинаем и спим в настоящей постели. Впрочем, последовательность можно изменить.

— Ишь какая умная стала, дядьку затыкает постоянно. Хорошо, в гостиницу. А наутро — к стекольщику.

Я кивнула, зная, что он все равно не отвяжется. Мне повезло, мы поехали в Буйск в конце зимы, на почтовых санях. Не стали ждать, пока все растает, а потом высохнет. Причина была уважительная: по осени Дарина вышла замуж. Избранник ее был парень деревенский, небогатый, у него было много братьев, а оттого на дом или какое наследство рассчитывать он не мог. Но это и славно: Даринку он, кажется, любил, работать умел, а оттого согласился войти в семью «приживальцем», то есть помощником Тамира. Если сдюжит (а дядько его шпынял без жалости и пощады, испытывая на прочность), то потом ему же постоянный двор и останется. За месяц зимы Теодор показал себя спокойным и ответственным работником, не пил, не буянил, с дядькой не спорил, а потому Тамир решил, что можно и по зиме, по снегу до Буйска съездить, тем более, ему стекла нужны были, а их везти на санях куда сподручнее, чем на телеге.

Я не возражала. Мне эта деревенская жизнь осточертела уже. Во-первых, работы на постоялом дворе невпроворот. Летом князя всякие и деревенский люд сидят в полях и огородах, в гостинице одна-две комнаты заняты купцами да прочими неугомонными. Студенты не в счёт, они лишь два раза в год мигом проезжают. А зимой да на санях все куда-то прутся: кто в Буйск, кто в Белокаменск, а кто и на Север, в Большеград или даже Устинск. За товаром, за удачей, диковинами всякими, урожай везут на хлебную биржу. Сам князь Святогор Озеров к нам завернул однажды. Поглядела я на него — не впечатлил. Типичный помещик, упитанный и важный, стрижен под горшок, борода лопатой. Одет обычно, в еде непривередлив. Сын его, темноглазый кудрявый Симеон (на Асура чем-то похож, кстати), мне был интересен больше — веселый парень, шутник и балагур. Пытался за Маликой ухлестывать,

да от отца выговор получил, а жаль. Забрал бы дуру в княжеский терем, ей там самое место. Я ему, кстати, совершенно не понравилась. Сказал, что смотреть на меня жалко, хочется к стулу привязать и манной кашей кормить. Я, помнится, ответила, что не про его корзинку ягодка созрела, а он ржал как конь. Малика потом в комнате своей плакала, но зря это она. Не пара дочь трактирщика княжичу, все правильно Озеров сделал.

Зеркала, кстати, ему Тамир все же подсунул и получил неплохой заказ. Оттого и в Буйск так рвался теперь — за хорошим ровным стеклом. Ну и плохое тоже нужно было, одно мы все же вынули, аккуратно расколотили и потом в металлические рамки вставили осколки. Вот уж мне пришлось свою магию осваивать! Тяжело было, я после первой попытки едва не померла от слабости. Это вам не ручку к котлу приваривать!

В общем, пришлось дядьке Тамиру в деревню ехать к кузнецу, чтобы он дальше сам стекла оправлял. Тот, понятное дело, половину в пыль покрошил, а то, что смог, я потом долго переделывала. И все равно было легче, чем с нуля.

Вообще-то зеркала давным-давно производили на Севере, это я уже знала. На Юге их тоже делали... те же северяне. И не сказать, что прям дорого, но они держали монополию. Поговаривали, что наши тоже до каких-то там технологий додумались, но такие гладкие и чистые зеркала у них все равно пока не получались. Проблема была в том, что в придорожном трактире просто не было лишних денег на такую роскошь, да и зачем оно там? Попробуй-ка стекло по нашим дорогам довези в целостности и сохранности на телеге! А вот дядьке Тамиру вожжа под хвост попала, захотел он и все тут. Тем более, я с него за магию денег не брала.

А Озеров и вовсе заказал зеркала по каким-то своим чертежам. И выпуклые, и вогнутые, и большие, и маленькие. Я поглядела, догадалась, что он какой-то механизм хочет соорудить, но вот что именно в той бородатой голове — без понятия. Ну пусть развлекается. Дядько стекла закажет, я их посеребрю, а дальше не мое дело. У них своя жизнь, у меня своя.

Кстати, визит княжеский мне оказался очень даже выгоден. Озеров махом выписал мне и подорожную, и рекомендательное письмо к стекольщикам. Мне оно не нужно было, зеркалами я заниматься не собиралась, но кочевряжиться не стала, взяла. Лишним не будет.

Дар у меня все же был маловат, аккурат для ювелирки. Большие поверхности меня выматывали. Пару недель повалявшись в постели, я поняла, что такая работа не для меня. Разделаюсь с заказом князя и займусь чем-нибудь другим. Лучше я полы в трактире мыть пойду, чем ещё раз попробую сваять целиковую серебряную оправу.

Что ж, теперь у меня хотя бы были деньги и документы, подтверждающие личность. А значит — я могла открыть счёт в банке. Но вот сюрприз-сюрприз, и не сказать, чтобы приятный. Без опекуна или родича мужского пола — хрен мне, а не самостоятельная жизнь. Я баба, к тому же сирота. Не положено. Ладно, в банк со мной обещался сходить Тамир и даже уточнил, что я смогу распоряжаться СВОИМИ деньгами самостоятельно. А вот с работой было сложнее. Мало кто готов был взять женщину. Во всяком случае, платить мне наравне с мужчиной никто не собирался.

Но и на постоянный двор я возвращаться была не готова. Там Даринка с мужем и вечно всем недовольная Малика. И что-то мне подсказывало, что в ближайшее время у Даринки появятся детишки, а ее сестричка попытается выйти замуж и сбежать из отчего дома. А на кого тогда ляжет львиная доля домашней работы? Правильно, на мои хрупкие плечи. Спасибо, я лучше в Буйске. Во всяком случае, вернуться я всегда успею, Ганна и Тамир мне поклялись, что в случае чего не прогонят.

И кстати, насчёт деревенских дядько был совершенно прав. Не приняли они меня. И вслед плевались, и гадости говорили, и про родителей что-то пытались вякать. Я даже одной разговорчивой бабе по лицу заехала. Зря, конечно. Потом меня дядько Тамир от толпы деревенских отбивал. И не было рядом ни одного целителя, даже студента не было, чтобы мне синяки и разбитую губу по-быстрому залечить. Словом, в деревню я больше не ходила, больно надо.

А на исходе зимы мы договорились с почтовой службой и поехали в Буйск. К тому времени у меня уже была кой-какая одежда, и про окружающий мир я знала не так уж и мало. Возможно, даже больше, чем деревенские.

Жила я теперь в южной половине Уруса. Страна большая, даже выход к морю имеется, но на севере, не у нас. В целом Урусом правит государь Радимир Второй, и правит разумно, народ не жалуется. Но то на Юге, у нас и люди не такие, как на Севере, и голода никогда не

знали, и климат тёплый, мягкий. Выращивают пшеницу, рожь, овощи и фрукты, рубят лес, строят дома из дерева и камня. Торгуют с Ханганской степью, дикой, но довольно богатой, везут хлеб и фрукты на Север.

На Севере холодно, там нет чернозема и мало солнца, зато есть рудники, мануфактуры и маги. Там же лучшие в Уресе университеты.

Маги имеются и на Юге, тот же князь Озеров, к примеру. Он природник. Все южные князья или боевики, или природники. Потому назначены на своё место — следить за урожаями и чтобы Ханган не слишком наглез. Хороший климат и плодородная земля в совокупности с грамотным управлением способствовали всеобщему процветанию, короче. И ведь процветают, даже в нашей глуши никто голода не знает, раздетым не ходит.

Но вот с правами женщин в Южных провинциях полный тухляк, и меня это напрягает. Наверное, как раз потому, что женщина из хорошей семьи работать не должна, ее распрекрасно прокормит муж и черная щедрая земля. Но я-то сирота, меня никто задаром кормить не будет, поэтому я планирую ехать на Север. Тамошние нравы, по слухам, более прогрессивные. Там какие-то реформы продвигают, и женщины даже могут владеть собственностью.

Мы с дядькой прибываем в Буйск уже по темноте, но это и понятно: зима, солнце рано садится. Останавливаемся все же не в гостинице, а в доме Тамировой сестры. Этого следовало ожидать, но мне все равно неловко. Тем более, она меня узнала.

— Дочка Марысина, что ли? Зачем ты ее с собой притащил? Она ж дурочка безгласная.

— Теперь уж нет. Исцелилась девочка. Читать и писать выучилась, магичит понемногу. Вот, будет в Буйске жить.

— Ты на меня ее, что ли, повесить собрался? Так мне убийцево дитя не нужно. Пусть уходит. Я тебе сразу говорила, что ты зря ее пожалел. Отец у неё сумасшедший был, а она в него пошла.

Глава 8. О противоречиях и заблуждениях

Ох и всбесила меня эта дрянь! Никому не позволю Милкиных (теперь уже моих) родителей дерьмом поливать. Я шагнула вперёд, отодвигая дядьку, а он и не противился. Знает уже мой характер.

— А доказательства у вас есть какие-то, госпожа почтенная? Документальные свидетельства? Дело об убийстве моей матери закрыто было? Официально отец убийцей объявлен?

— Хм, а она и в самом деле выздоровела, — удивленно ответила дородная дама в бархатном платье. — Я думала, ты преувеличиваешь.

— Я похож на шутника? — строго спросил дядько.

— Не замечен был, — признала дама. И уже ответила мне: — Нет, документы я не видела. Что там с делом об убийстве, понятия не имею, никогда не интересовалась. Да и прошло с тех пор пятнадцать лет. Но это не значит, что я готова пустить тебя к себе в дом, даже если мой брат за тебя ручается.

Говорила она твёрдо, чисто и как-то по-городскому, что ли. Не употребляла просторечных слов, не проглатывала окончаний. Да и одета была роскошно и строго. А возразить мне ей было нечего, я даже потерялась. Интересно, где здесь ближайшая гостиница? Свою позицию женщина обозначила предельно четко.

— Не дурите, девки, — неожиданно рявкнул дядько. — Мне только истерик тут не хватало. Ты, Милка, стой смирно, не дёргайся. На ночь глядя я никуда тебя не пущу. А ты, Яська, язык свой поганый укороти. Я, чай, твой старший брат, а не какое-то там... Ночевать мы у тебя будем, изволь комнату приготовить. А утром поговорим.

Я на всякий случай промолчала. Что-то мне не хочется обратно на улицу, там холодно и противно. А еще у меня спина болит, я в почтовой карете два дня спала сидя. И поесть бы горячего и свежего!

Некоторое время дядько и его сестра сверлили друг друга взглядами и были очень похожи: трактирщик и дама в бархате. Дядько выиграл. Его сестрица отступила.

— Одну ночь, — строго сказала она.

— Ужин и ванну, — пискнула я. — Можно в комнате.

— Ванна — это само собой, — снисходительно бросила дама. — Не хватало мне тут грязных деревенских девок на моих простынях.

— Дядь, она у тебя что, княгиня? — шепотом спросила я, когда мы плелись следом за хозяйкой дома. — Я думала, ты из простых.

— Яська замуж удачно вышла, — подумал и вздохнул: — Охмурила чиновника, что в нашем дворе раненый после нападения разбойников лежал. Ничего не скажешь, чисто сработано.

— Дети есть?

— Так сын. Учится на Севере.

— А чего ты к ней Малику не отправил? То-то у обеих счастье будет. Похожие они.

Дядько громко фыркнул. Женщина обернулась, смерила его высокомерным взглядом, но ничего не спросила. Ну и ладно. Мое дело — совет мудрый дать. А воспользуется им Тамир или нет, уже его выбор.

— Вот что, детка, я тебя знать не знаю, поэтому сиди в своей комнате и не высывайся, — сказала мне тетка Яся (как ее полное имя, интересно?). — Узнаю, что ты что-то украла или поломала — не прощу.

— Ой, да больно надо, — проворчала я, с удовольствием оглядывая свою спальню. — Главное, еду принесите и покажите, где помыться можно. Я и сама до утра с места не сдвинусь.

— Мыльня там за дверью. А полотенца и чистое белье тебе служанка принесёт сейчас. Отдыхай.

Как-то странно она это сказала... надеюсь, что не отравит. А ещё замок щёлкнул, и я поняла, что выбора у меня особо и нет. Хотя замок взломать, я, пожалуй, могла бы, но оно мне надо — на подобную ерунду расходовать драгоценный магический резерв?

Я быстро разделась и заглянула в мыльню. Увиденное мне настолько понравилось, что я даже задумалась, а так ли плох брак по расчёту? Может, и стоило с Асуром уехать? Он ведь какой-то там родственник северных князей и целитель. Сам говорил, что целителям платят.

Ванная комната была небольшая, но очень роскошная. И столик белый, с золотыми ножками, на котором всякие флакончики стояли, и зеркало драгоценное на стенке. Хотя почему драгоценное? Тут проблем с доставкой стекла точно нет. И даже стул был с дыркой в нем, унитаза, стало быть, местный. А еще маленькая фарфоровая купель. Крупному

мужчине не слишком удобно, а мне в самый раз. И никакой там печки, из медного крана текла настоящая горячая вода! Мне хотелось визжать от восторга. Святые небеса, я счастлива!

Спасибо, тётя Яся. Вы — противная и злая, но все же замечательная.

Женский голос из спальни сообщил, что принёс полотенце и оставил на стульчике возле двери. Я ответила, что очень рада этому факту. Невидимая служанка удалилась, меня не потревожив. В красивых флакончиках я обнаружила и мыло, и всякие ароматные масла. Тётя Яся, я вас обожаю, вы — лучшая!

А потом я, завернувшись в огромное полотенце, валялась на чистой кровати и уплетала вкуснейший пирог с творогом, запивая его настоящим чаем. Прощаю, за все прощаю! В конце концов, это ее право — пускать подозрительных девиц в дом или не пускать.

— Есения Карловна просила узнать, надобно ли молодой гостье свежую ночную сорочку, или у неё своя имеется? — сунула голову в дверь служанка. На голове у неё был белоснежный чепец, а прочее я не видела, но почему-то догадалась, что ее платье выглядит лучше, чем любое из моих. Меня это расстроило, но не слишком.

— Не откажусь от сорочки, — сказала я, здраво рассудив, что раз предлагают, надо брать. Отказываться как-то даже некультурно. Впрочем, на самом деле было любопытно, что мне принесут. Может, тряпку какую-нибудь?

Но и тут Есения Карловна меня приятно удивила. Сорочка оказалась не просто новенькой и из тонкого дорогого батиста, а ещё и мне по размеру. Роскошь, доселе в этом мире мне не знакомая.

Служанка забрала грязную посуду, бросая на меня неодобрительные взгляды, но мне было плевать. Я зарылась в белоснежное постельное белье (здесь, кстати, даже пододеяльник имелся) и заснула, кажется, раньше, чем щёлкнул замок на двери.

Поутру я обнаружила, что одно из двух моих платьев, которое было, кстати, в саквояже, выглажено и повешено на спинку кресла. На кресле лежали колготки. Мои, кривые-косые, я сама их вязала на удивление Ганне и девчонкам, здесь предпочитали носить отдельно чулки и панталоны. Оно в целом понятно, это вопрос гигиены и удобства, но все же мне привычнее были именно колготки. И теплее к

тому же. А ещё была сорочка — снова новая и по размеру. И тапочки войлочные с мехом.

Тётя Яся, вы можете называть меня как угодно. Слова против не скажу. Особенно, если вы мне подарите эти тапочки навсегда. Или хотя бы сорочку.

А дверь, кстати, была приоткрыта, как бы намекая, что мой арест окончен. Очень-очень жаль. Я бы не против была провести ещё денёк в постели.

А ещё завтрака не было, а я бы не отказалась.

Пришлось, короче, подниматься, умываться (в блаженно тёплой воде) и заплетать косу, глядясь в зеркало и размышляя, что у меня отражающая поверхность получалась ничуть не хуже. Просто тут стекло гораздо качественнее.

На выходе из комнаты меня подстерегал конвой в виде вчерашней служанки в чепце. Мне предоставился случай убедиться, что ее платье и в самом деле сшито лучше моего. И ткань плотнее. И воротничок красивее. Обидно как-то. Но немного и вдохновляет. Значит, в Аранске можно найти работу! И горничным не так уж и плохо платят!

— Я провожу вас в столовую, молодая госпожа, — сообщила мне служанка. Ее лёгкое презрение я предпочла игнорировать.

В столовой обнаружился стол, как впрочем, я и ожидала. А за столом моя горячо любимая тётушка, дядько Тамир и незнакомый мужчина средних лет и приятной упитанности. А ещё — завтрак.

Тетка молча кивнула на свободный стул, но я не спешила его занять.

— Прежде всего, Есения Карловна, я хочу принести свои извинения, — сложила руки на животе я, изо всех сил изображая скромную беззащитную сиротку. — Я вела себя вчера крайне грубо.

Дядько вытаращил глаза и закашлялся в салфетку. Никудышный из него актёр. Все отлично поняли, что он едва сдерживает смех.

— Простите меня. Я вчера очень устала с дороги и плохо соображала.

Не представленный мне муж тети Яси благосклонно кивнул, а тетка нахмурилась и поджала губы.

— Я сама виновата, деточка. Ратмир мне любезно напомнил, что по закону дети никак не могут отвечать за поступки родителей. К тому же дело то было старое и мутное. Так что это я должна извиняться за

грубость. Прошу, садись и позавтракай. Прежде, чем мы перейдем к разговорам о делах.

Я снова не пошевелилась, только спокойно заметила:

— Мне не в чем вас упрекнуть. Вы меня накормили, уложили спать и даже предложили свежую одежду. Для меня честь знать, что вы такой же замечательной доброты человек, как и ваш брат, который взял меня в свой дом, — и, не утерпев, добавила: — В глубине души так точно. Где-то очень глубоко.

Господин Ратмир поперхнулся кофе, который он попивал с самым меланхоличным видом. Скатерть, кстати, забрызгал, закашлявшись. Тетка Яся покраснела, а потом вдруг усмехнулась.

— Какое милое дитя. Ты мне даже нравишься. Садись уже, выпей молока. Говорят, полезно от избытка яда.

Туше.

Мировая тетка, хоть и истеричка иногда. Но кто из нас идеален? Разве что один студент-целитель, которого я никак не могу забыть.

Глава 9. Большой город

Завтрак был ничем не хуже ужина. Много, вкусно и компания неплохая. А еще богомерзкий кофе, который терпеть не могли ни тетушка Яся, ни дядько Тамир, а господин теткин муж очень уважал, да и я с удовольствием употребила. Со сливками, сахаром и теплой булочкой с маслом. Хорошо быть молодой и тощей, не нужно думать о калориях!

Потом господин муж извинился и ушел на свою работу. Как невинно похвасталась Есения Карловна — он был начальником водного департамента.

— Это которые улицы от лошадиного навоза моют? — уточнил глумливо дядько, явно не простивший сестру за холодный прием.

— Нет, это которые обеспечивают горячую воду в домах. И даже отопление, — не повелась на провокацию тетя Яся. — Но не будем о техническом прогрессе, для тебя это, наверное, настоящая магия, хотя поверь, не так уж это все и сложно. Рассказывай, зачем приехал и ее, — кивнула на меня, — привез.

— Ну, главное ты уже знаешь. Миланка у нас теперь в разуме. Ее заезжий целитель сумел излечить. Девка она молодая, к тому же маг. В деревне ей скучно.

— В городе ей еще скучнее будет. Она ж ничего не умеет.

— А много ли уметь нужно? Читает быстро, пишет сносно, деньги считать умеет и свои, и чужие. Помнится, при таких же умениях ты замуж выскочила когда-то.

— Так одной грамотности мало, — поджала губки тетушка. — Нужны манеры еще, речь правильная. Хотя... она хотя бы ложку держать умеет. И мизинец не оттопыривает, уже хорошо. Да и за словом в карман не лезет.

— Вот-вот.

— Но где ж она работу найдет? И жить где будет — молодая, одинокая, без знакомств?

— А ты мне на что?

— В моем доме всяким там... сомнительным девицам не место. У меня высшее общество собирается, что я подругам скажу? Знакомьтесь, это вот моего деревенского брата воспитанница, помните, дочь того

ювелира, что свою жену зарубил? Это, конечно, произведет впечатление... но вряд ли меня потом пригласят в гости к княгине Озеровой, когда она в Буйск приедет.

— Да не буду я с вами жить, — возмутилась я. — Я не для того приехала, чтобы кому-то на шею садиться. Найду работу в той же ювелирной лавке, сниму комнатку у какой-нибудь вдовы. Справлюсь.

— А что ты делать умеешь? — уже куда более благосклонно посмотрела на меня Есения Карловна.

— С металлами работать в небольших количествах. Стальную конструкцию не смогу соорудить или ограду чугунную починить, а вот цепочки, кольца, всякие небольшие дефекты в металлах — справляюсь, — подумала и добавила: — А еще состав металла могу сказать. Поддельное золото от настоящего запросто отличу.

— В родителей пошла, значит, — кивнула тетка. — Ну и ладно. Вот что я думаю. О тебе тут мало кто помнит, я узнала лишь потому, что своими глазами видела, как Тамир тебя забрал. Остальные-то вряд ли знают, как тебя и звали. Поэтому мы скажем, что ты Милана... да хоть Верьева. Из деревни Медведевки. А приехала потому, что дар нужно с умом использовать.

Я кивнула. Пока в ее словах мне все нравилось. Я, конечно, все равно попробую узнать, что с моей семьей случилось, но это не срочно. Сейчас мне больше работа нужна, чем сведения.

— Что касается ювелирных мастерских... тут я тебя не порадую. Никто с улицы девку к себе не возьмет, даже мага. Нужно сначала место попроще искать. Да хоть к кузнецу любому, они обычно не привередничают. Мелкие огрехи закрывать тоже нужно.

Я снова согласилась. Верно, золото и серебро — не те металлы, которые чужачке доверить можно. У меня, конечно, документы есть, подписанные самим князем Озеровым. И разрешение на работу даже. Но кто на него смотреть будет?

— А к стекольщикам если? — нетерпеливо заерзал на стуле Тамир. — Зеркала делать будет...

— Так ее и взяли. Северяне только своих берут. А с нашими мастерами работать я бы не советовала. Вообще в большие цеха женщине лучше не соваться. Или на фабрику куда-то, где такие же, как Мила, будут, или в подмастерья.

— Значит, я в кузнечные лавки для начала схожу, — кивнула я. — Дядько, ты мне банк обещал. И комнату нужно снять.

— Сначала к стекольщикам!

— Ладно-ладно, — поспешила согласиться я. — В банк, к стекольщикам и потом уже кузнеца искать.

Тетка Яся дипломатично промолчала. По мне, так она могла бы на первое время предложить пожить у неё. Вроде решили же, что я не воровка и не убийца. Дом большой, комнат много, водопровод опять же. Но навязываться не буду. Не такой тётушка человек, чтобы с ней плохому.

Со стекольщиками вышло плохо. Люди они независимые, дерзкие. На чертежи поглядели, плюнули и делать отказались. Прибыли у них и так хватает, стекло — материал хрупкий, бьется нередко. А тут ради одного заказа надо прокатный стан строить, чтобы не прямой, а изогнутый лист вышел. Долго, хлопотно и вообще... некогда.

Дядько в сердцах обещал им санкции, в смысле, справедливое возмездие от князя Озерского. В ответ его просто-напросто выпнули из мастерских, хорошо, что не побили.

— Такие дела, Миланка. А я князю наобещал всякого... хоть на Север езжай за стеклом этим проклятым теперь.

— Не стоит, дядько, — вздохнула я. — Во-первых, тебя семья ждёт, а во-вторых — не довезешь же. Письмо князю отпиши и все на стекольщиков вали: дескать, заказ брать отказались и доброе имя князя поганым языком трепали. Пусть сам разбирается, ему сподручнее.

— Так и придётся сделать, — вздохнул Тамир. — Но стыдобища, конечно. Обещал и не сделал, эх! Вот кто меня за язык тянул.

— Смотри на это по-другому. Ты в нашем княжестве не хозяин. И стекольщики, кстати, тоже. Вот пусть князь их приструнит, патент отзовёт или чего там. Да они ему потом бесплатно заказ сделают и сами привезут! А ты молодец, но не при делах.

— Верно говоришь. Ладно, что мог, я сделал. В банк пошли, тут недалеко.

С банком управились быстро, банкиры — народ поговорчивее стекольщиков. Деньги положили на имя Тамира (тут я зубы едва не скрошила от злости, но вовремя вспомнила, что стоматологию ещё не изобрели), но в договоре написали, что я имею право пользоваться ими по своему усмотрению. Безграничный, так сказать, лимит. Пополнять счёт тоже право имею. И на том спасибо, конечно.

Дальше мы наскоро перекусили булкой с молоком прямо на улице и пошли искать кузнецов. В Буйске их было немало, вот только девку, даже и одарённую, никто брать в подмастерья не желал. Кто-то сразу посылал, кто-то мялся и смущался, а потом говорил, что жена не поймёт, а один кузнец дал добрый совет:

— Бабе к бабе идти нужно. Есть у нас тут одна дурёха, на Прохора Кривого работает. Туда и идите. Где одна девка, там и две.

— К Прохору так к Прохору, — решила я. — Темнеет уже и ноги гудят. Не возьмёт меня Прохор — пойдём домой.

— Выгонит тебя Яська, как есть выгонит, — озабоченно сказал дядько. — Вот я уеду, и выгонит. Может, домой воротишься?

— Справлюсь, — твёрдо ответила я. — Если что, горничной пойду. Или к стекольщикам.

— Кем-кем?

— Девкой кухонной. Полы мыть и прислуживать умею. В хорошем доме работы даже меньше, чем в постоялом дворе.

— Ишь, по-северному заговорила... горничной она пойдёт или к стекольщикам, ну-ну...

Значит, все он понял, просто ответ не понравился. Что ж, придётся проглотить. Не вернусь!

По-хорошему если, я понимала, что дядько меня и заставить может. Если он деньги из банка заберёт, а Есения Карловна меня зимой на улицу выгонит, придётся возвращаться. Не справлюсь. Но хотелось бы верить в людскую порядочность.

Мастерскую Кривого Прохора мы нашли далеко не сразу. Чем дальше шли, тем больше хмурился дядько. На вопросы не отвечал, только вздыхал и вертел головой.

— Ох и не нравится мне все это...

— Да что не нравится-то?

— Сдаётся мне, знаю я, куда мы придём.

— Это хорошо или плохо?

— Это закономерно.

От такого заявления я опешила и замолчала. Надо же, он какие заумные слова знает, а ещё притворяется деревенским неучем!

На окраине города, в цоколе старого дома была утопленная в снегу дверь с небольшим знаком на ней: наковальней и молотом, точнее, молоточком. Маленьким таким, с длинной ручкой. В низких окнах горел свет, но наклоняться и заглядывать было неловко. Поэтому мы просто спустились по лестнице и зашли.

Негусто, конечно. В углу навален дом металла, какие-то ржавые лопаты, прутки, я даже шлем, кажется, разглядела. Напротив входа —

широкий добротный стол. За столом — девушка, копошащаяся в каком-то механизме.

— Заказы сегодня не выдаю, — не поднимая глаз, пробормотала она. — Теперь уже завтра. И большое нынче не берём, Прохор Степаныч приболел. Могу по мелочи взять или магические артефакты.

Я как-то сразу поняла, что работы тут мне не найдётся, но все равно спросила:

— Доброго вечера. Подмастерье не нужен, случайно?

Девушка подняла на меня светлые, почти прозрачные глаза. Открыла рот, потом закрыла. Покачала головой с сожалением.

— Я сама — подмастерье. Не могу никого брать. А ты что умеешь? Маг?

— Ага. По металлу. Но слабенький совсем, только мелкие предметы могу.

Она широко улыбнулась.

— Это другой разговор, если по металлу! Я только плетения могу и немного молотом. Тонкая работа для меня сложная. Как зовут?

— Милана. Милана Верьева.

— Я — Аглая. Поди сюда, Милана Верьева.

Я оглянулась на странно задумчивого дядьку и подошла, стряхивая с рукавов полушубка снег.

— Вот, гляди, тут цепочка порвалась и зубчик сломался. Сможешь поправить? Сколько времени нужно?

— Цепочку хоть сейчас, — сказала я, разглядев, наконец, необычный предмет, похожий на часы, но вроде как более простой. — Да и шестерёнку могу, но нужен металл. Тут сплав интересный, никель, медь, кобальт. Откуда взять можно?

— Так это не серебро, что ли?

— Точно нет. По цвету похоже, но свойства совсем другие будут.

— Тьфу, пропасть! — зло отшвырнула механизм девушка. — Вот я дура! Купила как серебро! То-то у меня защитка не ложится!

— Погоди ругаться. Сколько тебе серебра нужно, чтобы защитка твоя легла? Полностью или только покрытие?

— Покрытия бы хватило. Но это разбирать надо, к лудильщикам идти, серебро где-то искать, шлифовать потом. А механизм тонкий, потом шестеренка цепляться будет, и что? Проще выкинуть. И дешевле так точно.

Выглядела девушка очень расстроенной, едва не плакала.

— Я правильно понимаю, что ты купила эту безделушку задешево, хотела починить и продать? — мне стало жаль Аглаю, захотелось как-то помочь.

— Угу.

— Дорого?

— А тебе какое до того дело?

— Я могу и шестерёнку восстановить, и покрытие ровное сделать.

Но даром работать не буду.

— Хм. А я уже заплатила. И заклинание могу вплести. Попролам?

— Попролам.

— Слушай, если ты сделаешь то, что обещала, я тебя найму.

— погоди, ты же сказала, что сама подмастерье!

— Мало ли что я сказала. Подмастерье я, когда мастер работает. А коли мастер пьёт семь дней в неделю, то я за него.

— Много ли платить будешь?

— Ну сама смотри. С заказов кормлю-пою Прохора, остальное — попролам. Но золотых гор не обещаю. Немногие ко мне идут, но зато все возвращаются. Заклинания я плету не хуже артефатора, а беру меньше. Потому что патента нет.

— Ты мне зубы не заговаривай. Хоть примерно скажи.

— Мало, — скривилась Аглая. — Но это я тонкую работу часовщику ношу, с ним делюсь. А если с тобой работать, то и быстрее, и веселее будет. Пять-шесть серебрушек в неделю получится. Три тебе, три мне.

Я оглянулась на дядьку. Он хмурился.

— Сдаётся мне, я с голоду помру, да, дядько Тамир?

— Не помрешь. Не успеешь. Замёрзнешь сначала насмерть, потому что на еду хватит, а на жильё уже нет.

— Так со мной жить можно! — радостно предложила Аглая. — Дом большой. Правда, я зимой в кухне сплю, потому что топить дороги выходит. Но места хватит.

— А дом чей? — спросил Тамир.

— Мой. Ну...

— Баранки гну. Врешь ведь.

— Вру, — вздохнула Аглая. — Ничей дом. Прав на него я не имею, но здесь раньше сестра моей матери жила с мужем. Они умерли оба. У

них дочка осталась, но где она, никто не знает. Вроде бы я — наследница. Но по закону должно двадцать лет пройти. Если не найдётся дочка, то документы оформлю. Продам его к чертям собачьим и на Север уеду, вот.

— А хозяйку прежнюю как звали? — прищурился Тамир.

— Тебе-то какое дело, дядя?

— Да вот такое. Место знакомое очень. Лавка тут раньше ювелирная была, верно?

— Была да сплыла.

— И сад вокруг. И забор.

— И что теперь? — Аглая начала злиться.

— А потом хозяин жену свою зарубил насмерть, а дочку не до конца. Было такое?

Девушка скрестила руки на груди и промолчала.

А я уже все поняла. Это что же, совпадение такое? Или судьба?

— Правильно ли я думаю, дядько Тамир, что это мой дом? — повернулась я к трактирщику. — Точнее, моих родителей?

Глава 10. Наследие

— Приехали, — сказала Аглая, поднимаясь и вытаскивая из-под стола тяжелый металлический прут. — А ну пошли вон отсюда, мошенники!

— погоди, стой, — заговорила я быстро. — Мы не мошенники!

— Так я и поверила! Прознали, что я сирота, что защитить меня некому, и заявили. Брать-то у меня нечего, так решили дом отобрать? Думаете, я вас боюсь?

— Конечно, боишься, — сказал дядько. — Слушай, что же это получается, если дом городу не отошёл, то и Ковальчик — не убийца?

— Не доказано, — тихо сказала Аглая. — Вроде как и не он. В суде сказали, что жену ещё можно понять, а дочку-то за что? Он ведь шибко ее любил. Дочка на него похожа была, только глаза, говорили, от матери достались. Ну и полицейские маги сказали, что кто-то ещё в тот день в доме был. А дядюшка в тюрьме повесился все равно, и дело так и закрыли. Дом вот... остался.

Я заплакала. Сама не знаю почему, ведь и родители не мои были, а Миланкины, только слёзы вдруг из глаз хлынули.

— Так чего, и в самом деле — ты дочка Марысина? — испуганно прошептала Аглая. — А бумаги есть?

— Есть. Я ее в свой дом забрал, в книге специальной расписывался, — сказал Тамир угрюмо. — В ратуше сохранилось, наверное.

— А говорили мне, что дочка того... дурочкой стала?

— Как видишь, поправилась.

— Ух ты! — настроение у Аглаи менялось стремительнее, чем небо осенью. — Так ты моя сестрица, что ли? Значит, не одна я на целом свете осталась? У-у-у!

И тоже заревела, бросившись меня обнимать.

Росточка она оказалась такого же, как я, метр с кепкой, да и сложение похоже, разве что бюст побогаче. Почему-то именно рост окончательно меня убедил: и в самом деле родня! Я вцепилась в неё, и несколько минут мы громко и самозабвенно рыдали под шумное сопение дядьки Тамира. А потом утёрли слёзы и деловито оглядели друг друга.

— Сестра, значит, — с довольным видом подытожила Аглая. — Металлистка. Металл слушаешь?

Я прикусила губу и кивнула. Металлистка, да... слушаю.

— Ну правильно, ничего даже удивительного, что мы друг друга нашли. С даром-то семейным нам просто небеса велели вместе работать! Ты давай, раздевайся, проходи. Ужинать сейчас будем. Дяденька, вы с нами?

Тамир помотал головой:

— Не, я домой пойду тогда. Не страшно одним-то ночевать будет?

— Так мы не одни, мы вдвоём.

Тамир смотрел на нас с сомнением, а я напонила:

— Юг же. Безопасность и все такое. Да кому мы тут нужны!

По лицу Тамира было очень заметно, что он не хотел оставлять меня одну. Пришлось мягко, но настойчиво его выпроводить. Это я уже потом подумала, что Аглая может быть той самой мошенницей, но было поздно. Я уже осталась с ней одна в незнакомом доме.

— Не обессудь, сестрица, чем богаты, — широким жестом Аглая смела свою работу на край. Достала из-под стола кувшин с молоком и кулёк с булками. — Да ты не балованная, как я погляжу.

Я поглядела на свой полушубок и кивнула. Некогда он был из зайца, но давно уж протерся, стал плешивым. Юбка тоже не блистала ни чистотой, ни претензиями на элегантность. Ну а валенки в любом мире валенки, с чего бы им красивыми быть?

— Ой, погоди, у меня ж еще яйца вареные есть!

— Ну, это настоящий пир. А чай?

Аглая выразительно поморщилась.

— Кипяток могу организовать. Чай кончился.

— Давай хоть кипяток. Здесь что-то не жарко.

— Дров мало. Но вот ты починишь артефакт, мы его продадим и купим чаю и дров, обещаю.

В хорошей компании любая еда вкуснее. Под неторопливый рассказ Аглаи, как она докатилась до жизни такой, ледяное молоко и вчерашние булки мне показались ничуть не хуже великолепного завтрака у тетки Яси.

Ничего сверхестественного, впрочем, кузина мне не поведала. Жизнь у нее была вполне обычная, до недавнего времени даже неплохая, во всяком случае лучше даже, чем у меня. Родители были

живы, отец — артефактор с патентом, мать по металлам магичила. Трагедия, случившаяся в моей семье, их не затронула, они вместе почти не работали. Более того, мой отец считался когда-то очень успешным, зажиточным. Заказов много, золото, камни драгоценные, клиенты из высшего света. Не до родни было, менее удачливой в жизни.

А года три назад отец Аглаи серьезно заболел, а следом слегла мать. Не то холера, не то еще какая-то дрянь, я не очень поняла. Аглая тоже слегла, но целители ее вылечили, а отец умер. Мать еще можно было спасти, но деньги в семье закончились. Аглая изо всех сил пыталась найти работу, даже и нашла — у того самого Косого Прохора, но платили ей мало... Словом, мать она тоже похоронила месяца три назад.

И осталось круглою сиротой, а тут я.

— Славно мы с тобой заживем, Милка, — радовалась сестрица. — Мы как нитка с иголкой будем, куда ты, туда и я. Куда я, туда и ты. Вдвоем-то всяко сподручнее.

— Да ты про дом расскажи, — попросила я, пряча озябшие пальцы в рукава. — Что с домом-то?

— Да в общем-то и ничего. Он нашим матушкам по наследству остался вроде как.

— Вот именно, что вроде как. Не владеет женщина собственностью на Юге. И жить самостоятельно не может, ей нужен опекун.

— В том-то все и дело. Половина дома на твоих родителях записана, половина на моих. Но твои когда-то откупились, весь дом стал Ковальчиков стал. Я в ратуше узнавала, документы мне показывали. Так что по-хорошему, ты единственная наследница. А по-плохому, если б ты не явилась, то я.

— Ты сама по себе не можешь.

— А то ж. Прохор Косой, как мой наниматель, теперь меня вроде как опекает. Ну... честно говоря, я за него бумаги подписала. Ему уж точно все равно. Пьет давным давно. Если и были у него какие клиенты, всех растерял. А я в минуты его просветления уговорила меня ученицей взять, обещала работать днем и ночью.

— А мне что делать? — растерялась я.

— Ну как, где одна бумага, там и две. Я уже умею подделывать Прохорову подпись. Тебя тоже ученицей оформим. Всего и нужно-то за

него взнос по патенту платить да следить, чтобы он не помер. А все остальное — наше личное дело. У меня и клиенты уже есть. Один так и вовсе большой заказ оставил, задаток внес. Да что я все про себя? Ты-то где жила?

Я ей кратенько рассказала очень подретушированную версию. Дескать, жила с дядькой, работала на постоялом дворе, надоело хуже горькой редьки. Дар есть, но кому он в деревне сдался? А потом студент один... короче, любовь у меня случилось. Он мне денег оставил немного, я и взбрыкнула. Уговорила дядьку меня в Буйск отвезти. Работу вот искала, а нашла дом свой и сестру.

— Студент, говоришь? — подперла щеку рукой Аглая. — А ты рискованная. Замуж потом как собираешься? Муж, когда узнает, пришибет ведь!

— Никак не собираюсь, — заверила ее я. — Больно мне мужики нужны! Вот стану богатой и известной, там подумаю. С деньгами меня, если нужда припрет, любой возьмет и спасибо еще скажет.

— И то верно. Я так же думаю. Единственное...

— Что?

Она наклонилась ко мне так низко, что коснулась грудью столешницы.

— На Север хочу. Там даже женщина патент получить может. А еще, говорят, женщина может собственностью владеть и жить самостоятельно!

— Теперь и я на Север хочу. Поехали?

Аглая погрузилась.

— Уже лечу. Денег на дорогу надо? Надо. На жилье надо? Надо. На одежду теплую, на инструменты, да и патент не бесплатный. Я все думала, что дом продам, а теперь не выйдет. Твой это дом. Ну, работать будем, откладывая, что думаешь?

— Думаю, что с домом надо решать, — вздохнула я. — Если сможем, то и продадим, и уедем.

— Решать надо, — согласилась Аглая. — Вот утром артефакт доделаем и в город пойдем. И в ратушу, и к скупщику заглянем. А пока спать.

— Рано еще, — запротестовала я. — Я сейчас поковыряюсь.

— А ты думаешь, у меня свечи бесплатные? — усмехнулась сестрица. — Нет, хватит работы на сегодня. Пошли, я тебе покажу, где я

ночью.

Дом мы все же обошли. Он был совершенно пуст. Если и оставалась раньше какая-то мебель, то ее давно продали или украли. От былой красоты немного осталось. Как я поняла, на цокольном этаже была мастерская раньше, кухня и пара кладовых, а сверху — хозяйские спальни, детская и гостиная. Сейчас тут было темно и сыро, крыша протекала, окна заколочены досками изнутри, обои отваливались клочьями, а пол прогнил. Что-то я сомневаюсь, что кто-то этот клоповник купит.

— Тут твоя детская была, — сказала Аглая, поднимая выше драгоценную свечу. — Чувствуешь что-нибудь?

— Ага. Крыса тут сдохла или голубь. Пошли отсюда, холодно.

— Совсем не помнишь, да?

— Совсем. Говорят, меня по голове ударили. Я потом долго не в себе была, но ничего, поправилась, — как “долго”, уточнять не стала. — Ничего из детства не помню, ни родителей, ни себя.

— Это и к лучшему. Я по матушке до сих пор плачу. Тебе легче.

— Может, и так.

Спать мы легли не раздеваясь, прямо на полу на кухне, рядом, под одним одеялом. Тут была куча соломы, поверх нее набросано какое-то тряпье. Но рядом тихо горел огонь в камине, в окно светила луна, и я была не одна. Все лучше, чем в конюшне или в больничной палате. Про спальню тети Яси ничего не скажу, тут все понятно. Но вечно прятаться под чужим одеялом невозможно, пора становиться взрослой. Второй раз, ха-ха!

Глава 11. Юг

В дверь долбили. Громко. Я с трудом продрала глаза, удивляясь: в кухне было светло. Рядом сонно зашевелилась Аглая:

— Да иду я, кого там демоны с утра притащили?

У неё изо рта шёл пар. Дом выстыл, конечно.

Она поднялась, кое-как оправила платье и побрела к входной двери. Я поплотнее укуталась в тонкое одеяло. В горле першило, в носу зудело. Вот и самостоятельная жизнь! Да и на юг мало похоже, что ж так холодно?

— Милка, это к тебе! — звонко крикнула Аглая.

Неожиданный поворот. Кто может быть «ко мне»? Пришлось вставать.

На пороге дома обнаружилась... тётя Яся. Я удивленно захлопала глазами.

— Утро... доброе.

— Утро доброе, я — нет, — отрезала женщина. — Меня пригласят войти, или будем беседовать через порог?

— А вам особое приглашение нужно? — удивилась Аглая. — Входите, конечно.

Тетка хмыкнула и вошла. Оглядела «мастерскую» с явным неодобрением на лице, щёлкнула языком.

— Две глупые молодые девки собрались жить вдвоём, — сказала она. — Без опекуна. Ну-ну.

— Две совершеннолетние магички открывают своё дело, — поправила ее Аглая. — Одна городская, одна деревенская. Работы не боятся, самостоятельные, на доме защитный артефакт... будет. Когда починим.

Я громко чихнула.

— Вижу, какие самостоятельные, — кивнула тетка. — Значит, так, Милана. Брат мой передал опеку над тобой мне. Точнее, Ратмиру, но по сути все равно мне. Так что я пришла поглядеть, где ты собралась жить.

— Так волновались, что ни есть, ни спать не могли? — съязвила я, опасаясь, что тетка придумает какую-нибудь гадость. — Прямо спозаранку примчались, угу.

— Почти полдень, девочка моя совершеннолетняя. Что я вижу: дом ветхий, окна битые, даже собаки нет. А что с едой? А спишь ты где? А водопровод тут есть? Или хоть ванная комната?

Ой-ой!

Тетка поперла как танк, даже храбрая Аглая от неё шарахнулась. Ну, я и сама понимала, что жильё у нас похоже на бомжатник. А сами мы — на цыган-попрошак. Коня не хватает краденого только. Но я верила, что все к лучшему, починим, покрасим, заработаем, в конце концов! Я только приехала же!

— А ты знаешь, что в домах ювелиров всегда есть тайники? — повернулась ко мне тетка.

— Чего?

— Нет тут никаких тайников, — ответила Аглая. — Я маг, я ни одного заклинания не почувала. Да и вообще все тут простучала.

Я с любопытством покосилась на сестру. Интересно, а мне она про тайники собиралась рассказывать? Почему-то сомневаюсь.

— Есения Карловна... — начала было я заунывно, надеясь, что тетка все же оставит нас в покое или хотя бы сообщит о цели визита, но была грубо перебита:

— Собирайся.

— Зачем? Куда?

— Поедем в ратушу, решать вопрос с домом.

— У меня работа. Некогда мне.

— Я вижу, — кивнула тетка. — Ну? Быстро! — перевела взгляд на Аглаю и рявкнула: — И ты тоже!

— А я зачем?

— Ты в этом доме живешь, причем незаконно. Нужно как-то решать это дело. И вещи я твои привезла, Мила. Пошевеливайтесь, красотки, если вы не хотите потом ножками в центр добираться. У меня брочка, там нагревательный амулет, меховая полость...

— Мы мигом! — встрепелась Аглая, потянув меня за рукав. — Ну чего застыла, как сосулька, одевайся, нас довезут на брочке!

— А артефакт? А заказы?

— Ой, успеем!

Одеваться нам было недолго: шаль повязать да полушубок натянуть. А валенки уже на ногах были. У Аглаи шубка была из

овчины, но тоже потертая, старенькая, зато на голосе настоящая шапка-боярка.

Тетушка уже восседала в повозке, причём на месте кучера.

— А не боитесь одна ездить? — весело спросила я, с лёгкостью молодости запрыгивая на сиденье и протягиваясь ноги в блаженное тепло. — Одинокая женщина на такой красивой бричке... Не пристукнут, так ограбят, не ограбят, так коня сведут...

— Глупости не болтай. Во-первых, мы на Юге. За каждой женщиной стоит мужчина, по моей бричке видно, что непростой. Связываться — себе дороже. Во-вторых, у меня защитка стоит.

— А в-третьих?

— А в третьих, я не какая-то там барыня, могу сама за себя постоять. И вообще-то управляюсь с лошадьми ничуть не хуже извозчика.

Она лихо присвистнула и щёлкнула вожжами. Толстенная гнедая лошадка бодро зацокала копытами.

Я улыбнулась: до чего ж мне нравилась теперь тётя Яся! Вот на кого я хочу быть похожей! И ещё она напоминала меня в прошлой жизни. Я, пожалуй, была не такой самоуверенной, ну так и муж у меня не был начальником водного департамента.

До центральной части города мы доехали быстро и с ветерком. Это вам не пешком в метель да по темноте. И вообще сегодня погода радовала: ярко сияло щедрое южное солнце, с крыш текло, мостовая блестела от луж. Хороший знак! Валенки только не промочить бы...

В ратушу нас пропустили сразу же — тетку здесь знали и побаивались. И к местному чиновнику, который должен был решать всякие насущные проблемы горожан, очереди не было. Даже странно, обычно в таких местах толпа народу.

— Просто сегодня не принимают простых горожан. А непростые свои вопросы решают не в ратуше. Поэтому я с вами и пошла, — пояснила тетка. — Так быстрее будет.

Она сама все объяснила пожилому мужичку в чёрном мундире, представившись моей опекушкой. Нам с Аглаей оставалось только стоять и кивать. Я понимала, что так, действительно, будет быстрее. Только зачем эти хлопоты тётушке? Скучно ей, что ли?

— Нет, дом в собственность барышни Ковальчик передать невозможно, — наконец заявил чиновник. — Она же девушка, к тому

же молодая. Вот выйдет замуж, тогда пусть приходит. На мужа и оформим.

— Как это на мужа? — возмутилась я, но тетка махнула рукой.

— Но ведь жить ей там можно?

— Закон не препятствует. Если девушка — сирота, за ее собственность отвечает город. Жить она там может, а вот продать или комнаты сдавать, или ещё какие сделки проводить — не положено.

— Верно, — кивнула тетка. — Двое их. Наследница и ее кузина. Вдвоём и жить будут. Но опеку над Милой Ковальчик официально передано моему супругу, Ратмиру Бронскому. Может ли мой муж распоряжаться домом?

— Исключительно в интересах опекаемой. Продать не сможет без разрешения города. А все остальное — пожалуйста.

— И мастерскую открыть?

— И мастерскую, и сдавать, и ремонтировать. Если, конечно, девушек на улицу не гонят и не обижают.

— Благодарю вас, господин. Мне бы оформить бумагу на разрешение мастерской и проживание кузины Аглаи.

— Не положено без вашего супруга, госпожа Бронская, но в порядке исключения все сделаю. Я ведь знаю, что вы — женщина исключительной порядочности и благоразумия.

Что ж, это все было лучше, чем ничего. И, наверное, гораздо быстрее, чем смогли бы решить мы с Аглаей.

Юг! Странная у них забота о сиротах. С одной стороны, нас считали не способными распоряжаться имуществом, а с другой — замуж всегда пожалуйста.

— А если муж захочет дом продать и деньги пропить? — спросила я тетку.

— Не сможет. Дом твой, действовать он сможет только в твоих интересах. Должен будет предоставить равноценное жильё.

— Словно я ребёнок, честное слово.

— Ребёнок-не ребёнок, а все лучше, чем оказаться на улице с голым задом.

— А на Севере считают, что женщина — тоже человек, — не утерпела я. — И сама может распоряжаться своей жизнью и имуществом.

— А на Юге ни одна девица не пойдёт на панель только потому, что ее кто-то обманул, — ответила тетушка. — Или останется на улице после какой-то беды.

Я решила промолчать, потому что опыта самостоятельной жизни пока не имела и вообще пока этот мир знала очень плохо. А Аглая просто закатила глаза.

— Девочки, голодные?

— Нет, — сказала Аглая.

— Да, — сказала я. — То есть нет, не слишком. У меня есть деньги, сейчас купим хлеба, чая и дров.

— Как знаете, — не стала навязываться и ставить нас в неловкое положение Есения Карловна. — Я вас обратно довезу, даже не возражайте. Мне полезно прокатиться, хоть из дома вышла и новую бричку выгуляла.

Мы согласились — не будем отказывать тетушке в такой малости. Хотя, признаться, она значительно облегчила нам жизнь.

Глава 12. Независимость

Артефакт я починила без труда. Все металлы нашлись, даже серебро. Аглая пожертвовала небольшим колечком, я посеребрила все поверхности механизма. Защитное заклинание встало как влитое, все заработало.

— Не пойму, а шестеренки тут зачем?

— Это сложный амулет, — с нежностью погладила корпус, похожий на чашку старинного школьного звонка, сестрица. — Можно установить время переключений заклинаний. Допустим, ночью он заблокирует двери и окна для чужаков, чтобы совсем никто не смог войти, а днем просто будет ограждать от злых людей. То есть посетители в мастерскую смогут войти, а украсть ничего не смогут и нас обидеть тоже.

— Что-то у моих родителей никакой амулет не сработал, — вздохнула я.

— Я думала об этом. Подобные модели давно уж придуманы. Уверена, что в доме ювелира не могло не быть охраны, это глупо, а твой отец глупцом не был. Значит, это был не чужак.

— Отец все же?

— Или отец. Или кто-то, кто внесен был в круг близких людей. Даже если отец — кто знает, не был ли он под каким-то воздействием?

Я кивнула. Все может быть. Истину мы теперь вряд ли узнаем.

— Ты хотела продать артефакт, — напомнила я. — Передумала?

— Ага. Лучше здесь, в доме повесить. Это для нашей же безопасности. А денег еще заработаем.

Тут я с ней согласилась. Правильно Аглая говорит. Безопасность прежде всего. И еще — уют.

О дровах переживать не пришлось. К вечеру к нам привезли целую телегу дров, сказали, что от тетки Яси. Какая заботливая! Подозрительно даже. Впрочем, может, у нее и вправду доброе сердце?

Раз были дрова, то можно было и поработать. В четыре руки мы за пару дней починили довольно серьезный семейный артефакт богатого Аглаинового заказчика, несколько цепочек и один медальон. Аглая восстанавливала рожок старого подсвечника с заклинанием против пожара в доме. В мастерскую приходили, в основном, люди небогатые

со всякой мелочевкой, почти ничего не стоящей: с медными кольцами, флягами, кувшинами и кастрюлями. Я справлялась с этим всем без проблем. Аглая пробежалась по старьевщикам и принесла несколько сломанных артефактов и каких-то корпусов и шестеренок. Даже если не выйдет все починить, что-то пойдет на запчасти.

Я с восторгом окунулась в работу. Мне так нравилось чувствовать себя значимой, независимой! А когда удалось продать один из починенных амулетов и получить первые деньги, мы с Аглаей устроили праздник и купили маленький чугунный чайник и пирожные.

Мы смогли, мы победили. Мир прогнулся под нас!

Правда, на следующий день изменчивый мир со щелчком упруго вернулся в свою прежнюю позицию.

В мастерскую явился тот самый заказчик, что оставлял сложный семейный артефакт и обещал за починку хорошо заплатить. Я видела его впервые. Что ж, вполне приличный мужчина в дорогом пальто, шляпе и высоких сапогах, с тростью и роскошными усами. Он долго вертел артефакт в руках, кивал, а потом убрал его в объёмный карман пальто и молча направился к выходу.

— Господин Гренков, а деньги? — пискнула ему вслед Аглая. — За работу ещё два золотых!

— Я считаю, задатка достаточно, — презрительно бросил господин.

— Да у меня материалов больше ушло, чем задаток!

Господин обернулся и холодно поглядел на Аглаю:

— Это не мои проблемы. Я заплатил столько, сколько считаю нужным.

— Но это грабеж! Я буду жаловаться!

— Ваше право. Идите в полицию. А я, в свою очередь, готов засвидетельствовать, что договор заключал не с какой-то девкой без патента на работу, а с хозяином мастерской, Прохором Косым. И ему все положенное отдал.

Аглая клацнула зубами, но замолчала. Мужчина вышел.

— Вот козел! — выдохнула она. — Отдал он! Воспользовался моей уязвимостью! Если в полиции узнают, что Прохора тут даже ноги не было, а я работаю без патента, тут штрафом не отделаешься. Могут и в тюрьму отправить.

— Да ну, какая тюрьма, — неуверенно сказала я. — За что? За то, что с голоду не померла?

— За то, что закон нарушаю, а значит, мошенница. Вот скотство, я на этот артефакт почти неделю убила! Да я три рубина в нем заменила за свой счёт!

— Вот это хоть немного компенсирует твои избытки? — я кивнула на край стола. Там лежали забытые заказчиком кожаные перчатки. На вид недешевые.

— Разве что самую малость, — немного повеселела Аглая. — О, от Бентина! Очень даже хорошо!

И спрятала перчатки в ящик.

Мужчина вернулся практически сразу же.

— Я забыл свою вещь, — надменно сказал он.

— Мы видим вас в первый раз, — ответила я спокойно. — Вы ошиблись дверью.

— Глупости, я здесь чинил артефакт.

— Ну что вы, как можно. У нас и патента нет. Вы, наверное, с Косым Прохором договаривались, вот и ищите свои вещи у него. А ещё раз к нам придёте, мы в полицию пойдём и скажем, что вы преследуете нас с мерзкими намерениями. Ах, одинокой девушке на Юге не к кому обратиться за защитой, разве что к властям!

— Я этого так не оставлю! — господин Гренков выскочил за дверь и хотел захлопнуть ее с грохотом, но не вышло — ее давно перекосило от влаги.

— Здорово ты его, — усмехнулась Аглая. — А знаешь, ты права. Если вернётся, я скажу, что он на меня как-то не так смотрел. И даже пытался дотронуться. Ну и мерзкий же тип!

С того дня мы всегда брали предоплату и подписывали с заказчиками бумагу о том, что они не против, если работу выполнит подмастерье, а не мастер. Можно сказать, этот глупый случай стал весьма полезным опытом. А перчатки мы, конечно, продали, причём денег дали за них много. Не два золотых, конечно, но лучше, чем ничего. Ну и моральное удовольствие получили.

Потихоньку мы обживались. Не сказать, что было легко, но ненавязчивая помощь тётушки Яси нас частенько выручала. Она и дров присылала, и еду, не часто, чтобы мы не расслаблялись, но иногда очень вовремя. Бывали дни, когда нам не на что было купить хлеб, и будто по

заказу — в дверь стучала служанка с корзинкой, в которой лежали сыр, масло, яйца, порой даже буженина. Мне кажется, тетка за нами следила, но поскольку она не лезла с непрошеными советами, я тоже свои сомнения не озвучивала.

Зима закончилась, снег растаял, солнца стало так много, что мы все реже покупали свечи. Аглая предлагала разбить за домом огород, но я наотрез отказалась. Никогда не испытывала тяги к земле, не хватало мне ещё огурцы с картошкой сажать. Как-нибудь заработаю и куплю, тем более, что продукты на Юге не такие уж и дорогие. Вот одежда — это да. Платья и обувь очень берегли, часто передавали из поколения в поколение. Если порвалось, то аккуратно штопали, ставили заплаты. Ткани были дорогие, да и отшивалось все вручную. Конечно, на Севере (ох уж этот Север с его технической революцией!) были уже мануфактуры, где даже кружево плели на огромных станках в несколько рук, а уж ткань и подавно, чаще встречались лавки готового платья. И фасоны были такие, что где нужно, просто утягивалось шнурками и ремешками, разве что длину и рукава подгибали.

На меня одежду подобрать не составляло труда, вот только на новую денег я пока не зарабатывала, а бу-шной брезговала. Поэтому я попробовала купить ткань и шить сама. Аглая долго смеялась над тем, что вышло в итоге. Что ж, у нас в мастерской прибавилось тряпок, они всегда были нужны.

Стремительная весна сменилась буйным летом, а нас ждало новое испытание. Здоровье Косого Прохора все же оказалось небесконечным. В один далеко не прекрасный день мы нашли его под пышно цветущим кустом акации — абсолютно и бесповоротно мертвым. Дело запахло керосином.

— Все пропало! — начала паниковать Аглая. — Мастерскую придется закрывать!

— Глупости, — оборвала ее я. — С чего бы?

— Прохор умер!

— И что? Как будто раньше он принимал деятельное участие в нашей работе!

— Но патент у него!

— Да.

— Раз он мертв, то все, патента больше нет.

— А кто знает, что он мертв?

Аглая захлопала глазами.

— Ты предлагаешь утаить его смерть? Но так нельзя. Мы должны сообщить властям, вызвать труповозов...

— Ну да, а еще проводить его в последний путь и носить цветочки на могилку. Голову включи. Кому мы что должны?

— По закону.

— Очень смешно. И что будет, если мы ничего не сделаем?

— Его найдет кто-то другой? — неуверенно предположила Аглая.

— По запаху.

— Не найдет, если мы его закопаем.

— Это... отвратительно!

— Но вполне выполнимо. Никто не узнает, Аглая. Он просто... ну... исчезнет.

— Я не уверена...

— Слушай, ему уже все равно, а нам его смерть грозит потерей работы. Так что давай, пошли за лопатами. Какая в сущности разница, где ему обрести последний покой? Тут он жил, тут он пил, тут ему будет хорошо.

Да, мы нарушили закон. Среди ночи выкопали яму, столкнули туда тело Прохора и закопали обратно. Разумеется, обе понимали, что рано или поздно его хватятся, но пусть лучше поздно!

Теперь мы были окончательно независимы. Ну и довольно ощутимая статья расходов “выпивка и еда для Прохора” исчезла, что тоже немного утешало.

От автора: у Айлин Лин новинка про любовь, приключения и тайны: [Старое поместье Батлера](#)

Всегда думала, что параллельные реальности — это вымысел. А уж чтобы самой оказаться в Ирландии семнадцатого века и заподозрить не могла. Но теперь я тут и зовут меня не Маша, а Грейс, и моя новая семья совсем не простая, а самая что ни на есть

аристократическая. И всё бы ничего, если бы папенька-граф не пропил всё состояние, оставив нас ни с чем, и даже без крыши над головой. Но я не кисейная барышня, характер волевой и сообразительности всегда хватало, да и профессия у меня в прошлой жизни была нужная, востребованная, так что без хлеба не останемся. Главное живы-здоровы, остальное заработаем!

Глава 13. Зеркала

Несмотря на то, что смерть, а точнее, пропажу Прохора никто не заметил, мне было беспокойно. Казалось, что я сижу на пороховой бочке. Каждый новый заказчик, который задавал закономерный вопрос о “хозяине” мастерской, казался мне подозрительным, я начинала паниковать. Дошло до того, что Аглая перестала выпускать меня к людям, потому что я краснела, бледнела и заикалась. Она полностью взяла все организационные вопросы на себя, я работала теперь только с металлом.

А потом к нам заявила лично тетушка Яся.

— Что ж, — сказала она, оглядывая наше скромное жилище, постепенно обретавшее уют. — Вы справились. Я слышала о вашей мастерской только хорошее.

— Спасибо, — вежливо сказала я. — Не желаете ли чаю?

— С удовольствием.

Она с царственным видом прошла по мастерской. Не так давно мы с Аглаей заказали полки и ящики для заказов. На одной стене теперь была полка с тем, что уже готово, на другой — с тем, что взято в работу. Каждый ящик был подписан. Еще мы вели журнал учета заказов, куда скрупулезно заносили каждую шестеренку, каждый грамм материала. Разумеется, это была моя идея. Аглая считала это бессмысленной тратой времени. Но мне удалось ее убедить, что это нужно для того, чтобы потом не возникало вопросов у заказчика. Мало ли, какие гадкие люди снова попадутся на нашем пути? А еще, возможно, мы когда-нибудь получим собственный патент. Тогда все записи предъявим комиссии.

Тетку заинтересовала полка с заказами, она подошла к ней, протянула руку... и отдернула, зашипев.

— Оно дерется! — в голосе Есении Карловны было возмущенное удивление.

— Это действие защитного артефакта, — любезно пояснила Аглая. — Мы его усовершенствовали. Теперь он защищает вообще все в этом доме. Гости могут получить какие-то предметы только из наших рук.

— Однако... и на какую площадь действует ваша защитка?

— Наша — на весь дом, от крыльца до флюгера на крыше, но можно сделать любого размера.

— А сделай-ка мне, дитя, такую штуку в кабинет. И небольшую, чтобы спрятать ее от посторонних глаз. Как-то ее нужно настраивать?

— Разумеется. В заклинание можно вплести несколько человек, кстати.

— В вашем — ты, Мила и ваш мастер?

От упоминания мастера я вздрогнула, но тетка, к счастью, вовсе не смотрела в мою сторону, а развлекалась тем, что протягивала руку к полкам и отдергивала ее.

— Да, именно так. Лучше не рискуйте, может сдетонировать.

— Убьет?

— Парализует. Сначала на несколько часов, потом и на сутки может.

— Замечательная вещь. Я заказываю такой. Сколько будет стоить?

— Для нашей благотельницы, разумеется, бесплатно, — сладко пропела Аглая, а я вытаращила глаза. Слово “бесплатно” в устах моей меркантильной сестрицы прозвучало очень фальшиво, буквально резало слух.

— Так уж и бесплатно? — прищурилась тетушка.

— Ну, не так уж... Мы будем вам очень благодарны, если вы покажете свой кабинет своим подругам.

— Принимаю ваши условия. Сколько нужно времени?

— Неделю, наверное, — вздохнула Аглая. — Там плетение сложное и запчасти искать будем.

— Неужели вы создаете механизмы сами?

— Ну да. Охранки все примерно одинаковые. И заклинания стандартные. Я только размеры меняю и количество камней-накопителей.

— Значит, артефакты нужно заряжать?

— Раз в два-три года рекомендуется, — кивнула Аглая, умолчав о том, что она придумала плетение, при котором заклинание подзаряжается само собой, если в помещении работают маги. — Маленьких артефактов хватает надолго. Если брать кроху — для ящика стола или шкатулки, то вообще начального заряда лет на десять хватит.

— Для шкатулки мне тоже нужно, — оживилась тетушка. — Образцы есть?

— А вот есть! — торжественно заявила Аглая, выставляя на прилавок небольшую серебряную шкатулку с чеканкой на крышке. — И не ищите, артефакт внутри, встроен в узор. Все равно не найдете.

— Дорогая вещь очень, — покачала головой тетка. — Серебро? Сразу видно, что работа очень тонкая. Сколько тут металла, пара фунтов?

— Чай стынет, — напомнила я со смешком. — Зря я, что ли, заваривала?

Кому как не мне было знать, что шкатулка была из замечательного сплава, который я называла мельхиором: медь, никель и немного железа. Серебро там тоже было в виде покрытия.

— Ой, успеем, — отмахнулась от меня тетка. — Я покупаю шкатулку. Но какой в ней секрет? Как ее активировать?

— Тут сразу две охранки, — усмехнулась Аглая. — Дно съемное. Но если нерадивую или вороватую служанку просто стукнет, то дно не сможет открыть никто, кроме главной хозяйки.

— Сколько?

— Скажи ей, — потребовала я. — Есения Карловна, там не так много серебра, как вы думаете!

— Да плевать. Тут дело не в серебре. Сколько?

— Пять золотых, — с трудом выдавила из себя Аглая. Она считала, что это очень дорого, хотя подобные штучки опытные мастера продавали и дороже.

— Меня устраивает. Вот что, девочки... Я ведь зачем приехала... Не чай же распивать, в самом деле! Через неделю у меня ужинает князь Озеров. Вы приглашены. Обе. К восьми пришлю за вами бричку.

— К-князь? — побелела Аглая.

— Что, ему стекло нужной формы откатали? — догадалась я. — Ладно, мы приедем.

— Мила, а может, не надо? — прохрипела сестрица. — Кто мы и кто князь?

— Ой, да брось. Князь — отличный мужик. Тебе понравится.

— Я передам князю твои теплые слова, — прищурилась тетка. — Вот пять золотых, шкатулку я забираю. Ну, до вторника. И постарайтесь выглядеть прилично, пожалуйста. Особенно это касается тебя, Милана.

Аглая не хотела идти в гости. Она считала, что такие как мы, князю вообще на глаза не должны показываться. Князь все же хозяин здешних земель. А мы для него — как тараканы на кухне. К тому же это нужно приличное платье покупать, а у нас нет лишних денег.

Насчёт платья я все ее убедила. Хоть один приличный наряд иметь просто необходимо. А вдруг тётушка организует нам рекламу среди своих подруг, и придётся ходить в приличные дома — настраивать артефакты? Причём ходить буду точно не я, а Аглая... В общем, купили мы две юбки и две блузки. Почти одинаковые. У меня белая с кружевным воротником, у Аглаи бежевая с вышивкой. Ростом мы обе с ней не вышли, а что в груди она богаче, так это не важно, блузки свободные. Мы с ней — рабочий класс, нам платья с корсетами и декольтами всякими мало что ни к чему, так и не положены по статусу. Да и было бы что демонстрировать!

Блузки и юбки были новыми, а вот жилет Аглая нашла в лавке поношенной одежды. Он был вполне приличным, из колючего лилового бархата, с облезлыми, правда, пуговицами, которые я быстренько покрыла тонким слоем серебра. Оказывается, от моего дара вон как много пользы! Могу реставратором костюмов подрабатывать...

Вдохновившись успехом, я купила в ломбарде помятую латунную брошку в виде птички. Ее мы тоже в четыре руки привели в порядок. Теперь жилетка выглядела достойно, почти даже роскошно. Дополнили образ Аглаи экзотические серебряные серьги в виде шестеренок (да, верно, мы их слепили из того, что нашлось в мастерской и собой ужасно гордились).

А я выделяться не стала. Я же не артефактор, которому нужно выглядеть с иголки. Мне, к счастью, по домам ходить точно не придётся.

В назначенный час за нами прибыла бричка. Мы, красивые и слегка напуганные, гордо в неё уселись и позволили отвезти себя прямо в волчье логово, в смысле, тётушкин дом. Нас встречали. Сам хозяин дома подал мне руку, помогая степенно сойти возле крыльца, а не бодро прыгать вниз, задирая юбки до колен, как я обычно делала. Помог он и Аглае, которая ужасно покраснела и едва не запуталась в подоле. Вот

что за странная женщина: иногда такая бойкая и деловая, громко торгующаяся на рынке и водящая задушевную дружбу со всеми старьевщиками, она отчаянно пугалась всех, кто выше неё по социальной лестнице! А ей нужно привыкать, не все же нам торговать дешевыми амулетиками и чинить ручки кастрюль, пора осваивать новые горизонты.

Князь Озеров мне искренне обрадовался, схватил за плечи и расцеловал в обе щеки, будто я была его любимой внучкой.

— Миланочка, как ты похорошела! Настоящая невеста! Сразу видно, что ты на всем месте!

Я не знала, что на это ответить. Промямлила:

— Спасибо.

— А представь мне свою подругу!

— Это Аглая, моя кузина. Она маг-артефактор.

Аглая зашипела было, но тут же скромно улыбнулась князю.

— Женщинам на Юге не дают патенты, — сахарно улыбаясь, сообщила я, не обращая внимания на тычки в бок. — А жаль. Аглая не только ремонтирует артефакты, но сама их создаёт!

— Я показывала вам шкатулку, — поддержала меня тетка. — Девочки сделали ее сами!

— Восхитительная безделушка, — кивнул Озеров. — Я всегда говорил, что Милана очень одарённая девушка. Она, кстати, обещала мне заняться зеркалами!

Я вздохнула. Зеркала, да. Судя по чертежам, там работа на износ. С моим резервом мне не меньше недели понадобится.

— Я помню о ваших зеркалах, Святогор Велемирович, — вздохнула я. — Что, прижали вы стекольщиков?

— Да уж прижал, золотце, ещё как прижал! Вздумали мне отказывать! Я им объяснил, кто тут хозяин.

— И стекла нужной формы сделали?

— А как же!

Краем глаза я заметила, что Аглая с Есенией Карловной удалились. Не иначе, как охранку пошли примерять. Мы же с князем и хозяином дома расположились в гостиной на диване. Ратмир деликатно, не разжимая губ, зевал. Зеркала его явно не интересовали.

— А для чего вам все это, Святогор Велемирович?

— К князю положено обращаться «ваша светлость», — деликатно поправил меня Ратмир.

— Не мешай девочке. Сами разберёмся. Сама как думаешь, Милаша?

— Вообще не представляю, — призналась я. — Ну... трубу хотите сделать, чтобы за звёздами наблюдать? Или за соседями?

— Ха-ха, мысль забавная, но нет. Я хочу сигналы передавать навроде почты. Чтобы рычажки были, можно было разноцветными фонарями разные буквы обозначать. Ну и короткий свет, длинный свет... разный угол передачи...

Опа! Дедушка зеркальный телеграф придумал? Ничего себе!

— А маги на что? — не утерпел Ратмир.

— Маги не везде есть. Ты вот маг, а я нет. Милана маг, а жена твоя — нет. Понимаешь? Я хочу, чтобы для всех было, не только для магов.

— И самописный артефакт на выходе поставить, — задумчиво произнесла я. — Чтобы сигналы знаками обозначал. Потом просто бумагу прочесть нужно будет.

— Самописец? — встрепенулся князь. — И как я сам не догадался? Ведь человек и ошибиться может, и уснуть, а артефакт нет! Да... Мне нужен артефактор! Но сначала, конечно, зеркала. Фонари цветные есть, азбуку сигналов я давно придумал... А ты говорила, что сестричка твоя сама артефакты делает? Надо с ней поболтать будет.

Я потупилась. Ну а что? Уверена, если Аглае задачу поставить, она что-нибудь смастерит такое. *От автора: показываю эксклюзивную новинку от Наталии Журавликовой [Как приручить хозяина дракона](#)*

Наталия Журавликова

КАК ПРИРУЧИТЬ
ХОЗЯИНА
ДРАКОНА

Вместо обещанного мне наследства я получила картину, написанную конюхом, а фамильное богатство отошло моей находчивой кухне. И она тут же выпнула меня из дома, где я выросла. Чтобы не вылететь еще и из академии магии, мне пришлось искать работу. И надо же, единственный подходящий вариант – стать нянькой огромного дракона. Его хозяин - молодой герцог, чемпион всех престижных драконьих гонок и самый завидный жених в королевстве. Чужой жених. Он просто помешан на своем средстве передвижения, а значит, очень придирчив к моей работе. Отказаться от возможности служить у него я не могу. Пришлось побороть свою боязнь драконов и идти к чудищу в няньки. Тем более, огнедышащему питомцу я понравилась. А вот невесте герцога – наоборот.

Ужин прошёл плодотворно. Князь с жаром рассказывал, какие перспективы откроет его изобретение, я мысленно подсчитывала, сколько нужно серебра, и воздавала должное мастерству кухарки, тётушка и ее муж сидели с испуганным видом, а Аглая зато совершенно перестала бояться князя, а напротив, затеяла с ним спор.

— Цветные фонари — это слишком сложно, — уверяла она. — Достаточно одного цвета. Короткий сигнал и длинный сигнал.

— Ага, тире и точка, — поддакнула я. — Цветом можно просто обозначать новости. Типа «красный» — это архиважно. А зелёный — до утра подождёт.

Князь, кажется, был потрясен тем, что женщины говорят умные вещи. Он сопротивлялся, но, по-моему, только для вида.

На самом деле Аглая просто хотела максимально упростить задачу приёма сигналов, но в целом она права. В моем мире (ох, каким он мне уже казался нереальным!) телеграф работал именно с азбукой Морзе. Похоже, тут он будет использовать азбуку Озерова. Разве это не замечательно? Сегодня телеграф, завтра паровоз, послезавтра радио...

Князь Озеров не скупился ни на деньги, ни на добрые слова. Работать с ним было одно удовольствие. С раннего утра до поздней ночи он торчал у нас в мастерской, распугивая клиентов и контролируя процесс создания зеркал. Он мне не мешал: когда я в работе, мало что замечаю вокруг. Землетрясение бы не заметила даже, а вот пожар — запросто. Так что князь был, скорее, пожаром.

Аглае было тяжело, весь огонь она приняла на себя. Постоянно болтать, да ещё о технических новинках, она не привыкла. Но выбора у неё не было: платил князь щедро и каждый день, да ещё кормил нас до отвала, заказывая обеды из лучшего ресторана Буйска. Его совершенно не смущало, что туалет у нас был системы «будка на заднем дворе», вода в колодце, а в доме имелось всего два стула и те колченогие. Главное, что у него были зеркала.

Некоторые из них были огромные и причудливо изогнутые. Некоторые ровные и поменьше. Одно было больше меня размером, с ним я возилась несколько дней. Мы с огромным трудом разместили его во дворе на подпорках на радость соседям. Я каждую ночь вскакивала и

проверяла, не кинул ли какой весельчак камень. Охранки охранками, а от снаряда высокой дальности ни один амулет не спасёт.

Обошлось. Не то соседи у нас приличные, не то авторитет князя Озерова был непререкаем, но на его сокровища никто не покусился.

А под конец, когда я уже заканчивала свою часть работы, когда большие зеркала уже обернули тканью и бережно уложили в деревянные ящики с сеном, князь со вздохом сказал:

— Знаю я, что девки южные сильные да одарённые, но против обычая не пойду. И без того меня за спиной всячески ругают, говорят, что на старость лет из ума выжил. Если я вам патенты выпишу, то мне усадьбу подожгут, не меньше.

Аглая резко погрузилась. Она уже несколько дней собиралась с духом, чтобы спросить про патент. Князь, конечно, лукавил. Никакую усадьбу ему бы не подожгли. Но что было, то было, про него и вправду многое уже болтали. Как бы сам государь не вызвал на серьёзный разговор. Скажет ведь, что пора сыну власть передавать...

— Ну обождите, не кисните! Вот поставлю свой зеркалограф, вот покажет он свою полезность, приедет сам государь на чудо чудное взглянуть и спросит: кто те мастера, что работу такую проделали? А я скажу: то Аглая Серая и Миланка Ковальчик. Как же это так, государь-батюшка, что такие справные девки без патента до сих пор!

— Да когда это ещё будет, — уныло пробормотала Аглая. — Мы уж состаримся...

— Ну, есть у меня ещё к вам предложение, — князь хитро прищурился, огладил бороду и брякнул: — У вас товар, у нас купец!

Мы с Аглаей дружно икнули. Нет, вот такого нам точно не надобно!

— А что, вы красивые, молодые, а Семка мой холостой. На кого из вас укажу, ту и возьмет.

— Не возьмет, — припомнила я кудрявого щекастого Симеона: на три головы меня выше и косая сажень в плечах. — Ему другие девушки по нраву — чтобы статные и румяные, не то что мы, птички-невелички.

— Так то нравятся, а то жена, — пожал плечами Озеров. — Зато какие перспективы! Будет одна из вас княгиней, сколько хочешь потом мастера да выдумывай. Любые материалы под рукою, никакие патенты не нужны! Не хотите? Зря. Семка у меня покладистый, не обидел бы.

Я криво улыбнулась и развела руками.

— Не в обиду, княже, не по мне шапка. Я вообще замуж не хочу, сама себе хозяйка. За Аглаю, впрочем, не скажу.

— Да я как бы тоже... хозяйка, — вздохнула сестрица. — Но за честь и уважение спасибо, — и поклонилась в пояс. Подумав, я тоже поклонилась.

— Глядите ж. Потом вас к себе в усадьбу выпишу, когда нужда придет, еще раз спрошу. Пока же вы — птицы вольные. Хозяйки, ишь ты.

К счастью, князь и не подумал обижаться, что мы отвергли его щедрое предложение. Пригнали еще телег, погрузили зеркала. Я села прямо на землю, и радуясь, и печальясь, что такая работа окончена. Наконец-то высплюсь! Заглянула в мешок, оставленный князем в качестве оплаты... и с визгом на ноги вскочила:

— Аглайка! ты смотри!

Сестрица подбежала и тоже заглянула. Неверяще на меня поглядела:

— Это ж сколько тут денег! Хватит дом починить! Хватит новый купить!

— Хватит, чтобы до Севера доехать, — ответила я тихо. — И на жизнь в первые дни, и на патент хотя бы один.

Глава 14. Птицы вольные

Решение далось нам нелегко. Все же привыкли мы уже в Буйске, обжились. Дом свой опять же, тетка, родительские могилы. Я-то на кладбище ни разу не была, а для Аглаи это было важно. Да и после работы с князем клиентов у нас изрядно прибавилось. Заходили из любопытства, что-то заказывали, потом обычно возвращались.

Впрочем, именно это и стало решающим фактором.

— Сдается мне, Миланка, что под нами земля дрожит, — сказала в один из теплых летних вечеров сестрица. — Что-то мне страшно.

— А это Косой Прохор лезет из ямы под акацией, — кивнула я, много думавшая о том же самом. — Слишком мы стали на виду. Очень скоро нашей мастерской заинтересуется полиция и спросит: а где Прохор? А когда он последний раз налоги платил?

— Да ну тебя, — фыркнула Аглая. — Какие налоги? За патент отчисления идут, этого достаточно. А за дом я еще зимой заплатила. Но ты права. Спросят.

— Мы ведь все равно хотели на Север.

— Хотели, — уныло согласилась сестра. — Но тут так хорошо дело пошло... Жалко все бросать.

— Напомни мне, что по закону за мошенничество бывает?

— Суд. Штраф выпишут. И это если про то, что мы Прохора прикопали, никто не узнает. А если узнает, никто не придумает, что это мы его упокоили. Но работать нам точно больше не дадут. Отправят во вдовый дом на содержание. Так и придется замуж за княжича Озерова выходить. Если он возьмет судимую жену, конечно.

— Ну и решай, чего ты хочешь больше — быстрых денег и мимолетной славы прямо сейчас или спокойно жить и работать еще очень долго, да еще и с патентом.

— Тут и думать нечего, Милана. Собираем пожитки и вперед, на Север!

Как будто было что собирать... На двоих две приличные юбки и пара штопанных платьев с чужого плеча. Валенки да полушубки, от которых на Севере проку мало. Деньги, серебряные слитки, запасные части для механизмов и амулетов. Заказы раздали, дом закрыли тем

самым артефактом собственного производства, попрощались с тёткой Ясей...

Тетка, кстати, нас очень поддерживала, полностью соглашаясь, что на Севере у нас гораздо быстрее получится добиться успеха. Подарила почти новый саквояж, обещала довести на своей бричке до станции дилижансов и вскользь спросила:

— Дом-то бросаете? Оставьте мне ключи. Я проверить буду.

— Что там проверять? — удивилась Аглая. — Не стащили ли печку? Не подгрызли ли мыши стулья? Мы особо и не обживались.

— Ну мало ли, — пожала плечами тетка. — Вломится кто...

— Не вломится, — успокоила ее сестрица. — Я амулет настроила, никто крупнее птицы не подойдёт. Все же я его люблю, свой дом.

— Да и мало ли, как все сложится, будет куда возвращаться, — кивнула я. — Не то, чтобы мы в себя не верим, но лучше перебдеть, чем недобдеть.

— Вот вроде непонятно что сказала, а я все поняла, — пробормотала тетка. — Ну ладно, желаю вам удачи на новом месте. Пишите мне непременно.

— И вам напишем, и князю Озерову, — кивнула Аглая.

— И на деревню дядьке Тамиру нужно бы, — поддакнула я, подумав, что телеграф — это не так уж и плохо. Гораздо быстрее, чем письмо. Вот только даже если его введут в эксплуатацию, простым людям он долго не будет доступен. Военные, полиция и торговля важнее.

До северных провинций добрались без происшествий, почти с комфортом даже. Мы решили не мелочиться и ехать напрямик в Устинск, самый развитый город Синегорья. Там находился Северный Магический Университет, а значит — можно было подумать и об учебе. Я-то считала, что нам нужны не только патенты на работу, но и какие-никакие дипломы или хотя бы сертификаты о прослушанных курсах. Чтобы в своей мастерской в рамочку повесить.

Дураков ехать на Север в разгар лета кроме нас было немного. Наоборот, Север ехал на Юг, греться на солнце, купаться в теплых неторопливых реках и наслаждаться фруктами, ягодами и свежими овощами. Я слышала, что даже лекари считают, что это необходимо для здоровья. Студенты едут ближе к осени, купцы предпочитают на своих экипажах добираться, более вместительных и с охраной, у людей

побогаче тоже транспорт имеется. В общем, кроме нас с Аглаей в восьмиместной закрытой карете ехало только трое мужчин, что искали работу, но и те сошли в Большеграде, а дальше мы спали, вытянувшись на сидениях в полный рост.

Остановились в гостинице, неприятно удивились ценам, для начала решили найти квартиру или комнату. Здесь было немало доходных домов: плати в срок и живи спокойно. Шустрая Аглая нашла квартирку в одном из них, в мансарде под самой крышей, без кухни и уборной, но зато недорогую и с окном. Общая уборная была этажом ниже, в доме был водопровод даже с горячей водой, поэтому мы недолго сомневались и переехали.

С мастерской было сложнее. Без патентов нам не найти было даже угол. К счастью, и люди, и деньги везде одинаковые. Мы (снова Аглая) нашли человека, который за определенную плату организовал экзамены. Сдать их не составило бы труда ни мне, ни сестрице, но цена на патент была такая, что пока решили: получает разрешение на работу Аглая как маг-артефактор 3-го разряда. Самый низший разряд позволял ремонтировать амулеты и самостоятельно производить и продавать простейшие устройства.

Женщинам в Устинске работать не воспрещалось. Князя Синегорские выдавали разрешение каждому, у кого был магический дар, рекомендательные письма и нужная сумма денег, не обращая внимания на первичные половые признаки. С одной стороны, я была им горячо благодарна. С другой — догадывалась, что далеко не все этому рады. И даже многие женщинам подобное положение дел не слишком нравится. К примеру, нашей новой соседке.

Я вот толерантная, ко всему привычная. В прошлой жизни каких только фриков не видела, а для Аглаи было шоком, когда женщина, что снимала каморку с крошечным слуховым окном рядом с нами в мансарде, сообщила нам, что работает в борделе. Впрочем, тут его называли домом утех, а его работниц — Утешительницами. И смешно, и грустно. У Рейны была маленькая дочь лет трёх на вид, которую она оставляла по ночам одну. Девочка не плакала, никак виду не подавала, что вообще существует, но мне было не по себе.

Аглая пыталась было нашу соседку наставить на путь истинный, но получила грубый отпор. Рейна просто послала ее туда, где она бывала явно ежедневно. На Юге так было не принято. Там уж если

ссорились, то долго, громко и с удовольствием. А тут послали, дверь хлопнула и дальше демонстративно игнорировали.

Я же догадывалась по виду Рейны, что ее занятие удовольствия женщине не приносит, здоровалась с ней, интересовалась дочкой, пару раз передала маленькой Хлое булочек или пончиков и незаметно узнала историю соседки. А ещё заполучила ключ от ее каморки и по утрам малышку иногда проверяла и оставляла ей завтрак.

Под мастерскую нам каким-то чудом удалось снять крошечный подвальчик почти в центре города. Рядом булочная, до университета недалеко, цены мы не допили, заказами не брезговали даже самыми крошечными, словом, дело пошло. Через три месяца уже переехали в нормальное помещение, с приёмной и комнаткой для работы — с большим окном, полками, столом, стульями и даже крошечной раковиной за ширмой. Можно и умыться, и детали какие-то почистить. Прекрасное место!

Мы начисто вымыли окна, полы и даже стены, заменили стол в приёмной, повесили занавески, зеркало, новые светильники и копию патента Аглаи в рамочке на стену.

Жизнь определённо налаживалась. Не сказать, чтобы много зарабатывали, но нам хватало и на оплату квартиры, и на налоги, и на приличную зимнюю одежду и обувь, и на ужины по пятницам в маленьком ресторанчике. При этом мы ещё откладывали что-то на мой счёт в банке, планируя, что через год я пойду вольным слушателем в университет, а там тоже получу патент. Не то, чтобы он был мне очень нужен, но лишним всяко не будет, мало, как жизнь повернётся. А вдруг Аглая все же возьмёт и выйдет замуж за княжича Озерова?

Глава 15. Нежданная встреча

Заказов, как я и говорила, нам хватало. В основном работала я, потому что не столько приносили артефактов, сколько сломанных механизмов или украшений. Ювелиры брали дороже. Но я не жаловалась: сестра взяла на себя всю административную часть. Она работала с людьми, платила патентные отчисления и арендную плату каждый месяц, вела бухгалтерию и вдобавок покупала нужные материалы. Вот и в тот зимний день я ковырялась в очень ветхой охранке, которую проще было выкинуть, чем починить, но заказчику этот старый артефакт был чем-то дорог. Что ж, будем чинить.

— Госпожа артефактор, я к вам с необычным вопросом, — раздался мужской голос в лавке. — У меня не артефакты, но работа тонкая. Я был у ювелиров, они со сталью не работают, а за серебро запросили денег как... ну... за серебро.

Я усмехнулась. Так оно обычно и бывает. Интересно даже, что там за работу мне подкинет судьба. Если с магией не связано, просто тонкая работа по металлу, то точно — ко мне.

Так и вышло. Аглая чем-то мелодично позвякала, а потом позвала меня:

— Милка, сюда иди! Тут, кажется, по твоей части!

Я поднялась и сняла фартук. Мимоходом взглянула в зеркало, поправила выбившуюся из-под косынки прядь волос. Вышла в лавку, моргая — здесь было довольно сумрачно.

— Тут, кажется, медицинские инструменты, — сообщила Аглая. — Погляди, что скажешь?

Но я во все глаза таращилась не на грудку серебристого металла за прилавком, а на юношу в серой казённой форме целителя. Студент, судя по лампасам — последний, четвёртый курс. Волосы чёрные, затянутые в хвост, серьёзные темные глаза, нос с горбинкой... Да неужели?

Узнает ли меня? Я все же изрядно изменилась.

С трудом пряча глупую улыбку, кивнула подруге:

— Я здесь. Что тут у нас?

— Милана? — удивился Асур. — Милана!

Его глаза вспыхнули радостью. Он широко распахнул руки. Больше не сомневаясь, я со смехом бросилась в его объятия. Ах, мой

хороший! Как же я рада этой встрече!

Асур так крепко стиснул меня, что я почувствовала: он тоже счастлив меня видеть.

— Милка, а ведь я тебя искал! По весне на постоянный двор заезжал, а дядька твой сказал, что ты уехала. Но ни адреса не дал, ни даже намёка какого-то. Наоборот, ещё мне влетело, что я честных девиц соблазняю!

Я немного отстранилась, заглянула ему в лицо и широко улыбнулась:

— А что, разве он не прав?

— Да кто кого там ещё соблазнял? Я был невинной жертвой!

— Первый раз — возможно...

Громкое покашливание Аглаи заставило нас отскочить друг от друга. Мне даже хватило совести покраснеть. В глазах Асура плясали бесенята.

— Это твой знакомый, Милана? — спросила подруга сурово.

— Да, мой... друг.

— Ясно. Скидку на работу дашь, я так понимаю?

— Сначала погляжу, смогу ли.

Пришлось делать то, ради чего, я собственно, выползла из своей берлоги. Хм, и вправду медицинские инструменты: щипцы, пинцеты, зажимы, этот, как его... скальпель. О, какая прелесть! Я повертела в пальцах круглое крошечное зеркальце на изогнутой серебряной ручке:

— Ты зубы лечишь, да?

— Как догадалась? — удивился Асур. — Да, я сам придумал. Так удобнее смотреть.

Зеркальце, к сожалению, было расколото.

— Уронил?

— Кошка опрокинула инструменты, гадина лохматая. Залезла через окно, я даже и не видел, как. Мало того, я ещё и наступил на все это, пока бестию проклятую выгонял. Теперь у меня есть кошка и нет инструментов. Зеркальце особенно жалко, я его на заказ делал в Синегорье, здесь за такую тонкую работу никто не берётся. И ладно оправа, так ведь само стекло нужно. Я к Химсонам ходил даже, думал, может иностранцы смогут. Говорят, нет. Это выдуть нужно, потом серебрить. А у них только прокатка. То есть попробовать могут, но и

результат не гарантирован, и цена... ой-ой какая цена. Мне-то в часовой мастерской смастерили.

— Да сделаю я тебе зеркальце, — успокоила его я. — Это прямо мой профиль. Ты мне стёклышко только найди. Хотя я сама до стеклодувов сбегаяю.

— Ты ж мое сокровище! Не зря мне к вам зайти посоветовали!

— И денег с тебя за работу не возьму, только за материалы...

— Мила, ты сейчас меня обидеть хочешь? — начал было Асур, а Аглая просто очень выразительно посмотрела.

— Дослушай сначала! Ты же целитель? У нас у соседки дочка которую неделю кашляет... а мать там... ну, в общем, ей не до этого.

— О, ты хочешь, чтобы на Хлою посмотрел целитель? — обрадовалась Аглая. — Это правильно. Я сама собиралась лекаря найти.

— Сможешь? — взглянула я на Асура.

— Конечно.

— Тогда зайдёшь за мной вечером? Я обычно до шестого часа работаю.

— Идите сейчас, если у господина целителя есть время, — предложила Аглая. — Заказов немного, завтра доделаешь. Все равно пасмурно.

Я кивнула. Она права, у меня работы и нет почти. С цепочками господина Емельяна я закончила ещё утром, а защитный артефакт для мясника пусть теперь поглядит сама Аглая, что там для магии еще нужно.

— Я сегодня совершенно свободен, — кивнул Асур. — Думал, что весь день потрачу на поиски мастера, но мне повезло. Так что пойдём.

— Я заказ оформляю, Мил?

— Да, оформляй. Сколько мне серебра понадобится, я потом посчитаю. Но вряд ли много.

И пока Аглая переписывала в тетрадь количество изделий, я надела сапожки, пальто и шаль. Можно было выходить.

На улице крупными хлопьями шёл снег, мгновенно превратив нас в пушистые сугробы. Асур нашёл мою руку и обхватил своей горячей ладонью. Этот простой жест тронул меня до глубины души. Надо же, не забыл. Рад. Это ведь для меня он — первый во всех отношениях, а я кто? Просто подавальщица, одна из мимолётных любовниц.

— Ты изменилась, — сказал мне целитель. — Расцвела, похорошела. Я очень рад.

— Это благодаря тебе. Твой кошелёк мне очень помог.

— Не вздумай возвращать деньги, обижусь насмерть.

— Даже и в мыслях не было.

Мне хотелось идти с ним за руку долго-долго. Как будто мы и не расставались. Как будто он всегда был рядом! А ведь знакомы были один день... точнее, ночь. Но какая это была ночь!

Он ведь тоже изменился. Стал даже выше ростом, шире в плечах. Красивее — уж точно. А надёжность и спокойствие в нем были уже давно.

Мне немного неловко было вести его к себе. Сейчас я прекрасно понимала глубину социальной пропасти между нами. И это у меня была квартирка, я сама на неё зарабатывала! А раньше — служанка и княжеский родич. Ну глупость невозможная!

— Тут не очень хорошее место, — предупредила я Асура. — Мы стараемся даже еду в дом не приносить, крысы потому что потом приходят.

— Милан, я целитель. Всякое видел, поверь.

— Угу, верю.

Я провела его по скрипучей лестнице под самую крышу, в мансарду. Здесь было тепло и довольно тихо. Ну и у нас с Аглаей чисто. Мы и дома-то почти не бываем, только в лавке.

— Тут можно куртку повесить. А руки мыть этажом ниже только, в общей уборной.

— Кухни нет? — Асур снял верхнюю одежду и повесил на гвоздь, вбитый в стену. Расстроено поглядел на заснеженные ботинки, с которых уже натекли лужи воды.

— Я вытру, не волнуйся. Нет, кухни тут ни у кого нет, только на первом этаже в больших квартирах. Там и уборная своя для каждого жильца. Мы с Аглаей только кофе дома варим, ну или чай. У нас горелка каменная есть. Хочешь кофе?

— Может быть, потом. Где там твоя соседка?

Я переобулась в войлочные домашние туфли, которыми снабдила меня тётушка Яся, разложила мокрую от снега шаль на отопительной трубе, сняла большой ключ с крючка и только потом прикоснулась к его руке:

— Пошли.

Могла бы просто позвать, но мне нравилось его трогать. Так я сама себе напоминала: он тут, он рядом, он настоящий. Не мои глупые мечты, а тот самый Асур. А целитель, кажется, совершенно не возражал.

Я отперла соседнюю дверь, хмурясь. Хлою совсем не было слышно. Уснула, что ли? Утром, когда я уходила, кашляла так громко...

— Рейна ещё не приходила, — пробормотала я. — Надо хоть каши девочке сварить.

Отодвинув ногой валяющиеся на полу тряпки, я прошла в крошечную комнату со скошенным потолком и маленьким тусклым оконцем. Жильё в мансарде было самое дешёвое. Но мы с Аглаей не жаловались, наша комната была и больше, и светлее. А ещё у нас шла центральная труба отопления, на которой так удобно было сушить вещи.

Здесь было ощутимо холоднее.

Хлоя, как и всегда, лежала на тюфяке возле самого ската, где у неё была довольно уютная берлога. Рейна все же заботилась о дочери... иногда. Часть потолка и стены была обита старыми коврами и отделена выцветшими бумажными гирляндами.

Я пригляделась и угадала: дело плохо. Девочка была бледной и неподвижной, какого-то воскового цвета. Глаза закрыты. Живая — грудь ещё вздымается. Но надолго ли?

А Асур и вовсе непристойно выругался и упал на колени прямо на нечистый пол.

— Чаю мне, крепкого, горячего и очень сладкого. И потом тряпки и воду тёплую.

Глава 16. Резерв

Я побежала в свою квартиру. Все было ясно: целители быстрее всего восстанавливали резерв сладким. Значит, сил Асуру понадобится много и быстро. Конечно, есть ещё способ... для всех магов подходящий. И я вовсе не против этим способом воспользоваться, но думать об этом сейчас, когда за стенкой больной ребёнок, было неловко. Я повернула рычажок горелки, чиркнула спичкой. Налила в железный ковшик воды из кувшина, поставила на огонь. В маленький чугунный чайник щедро насыпала лучшей заварки. Тут, конечно, чай с травами и с лимонными корками, мы с Аглаей такой любим, но не думаю, что Асур будет возражать. Сразу и сахар добавила, шесть ложек с горкой.

Вода в ковшике закипела быстро, я залила ее в чайник. Теперь надо подождать. Что там Асур просил, воды? Холодной, тёплой? Ведро, может, кастрюлю? Много не мало! Я схватила железное ведро и с грохотом рванула вниз на третий этаж. К счастью, уборная была свободна. Набрала тёплой воды, потащила наверх, сразу к Рейне в каморку. Уж тряпка у неё точно найдётся.

— Вода!

— Поставь где-нибудь, — сипло ответил Асур, даже не обернувшись. Его голос мне очень не понравился.

Побежала за чайником. Налила в самую большую чашку горячий ароматный чай.

Асур был даже не бледный и не зелёный. Лицо у него было землисто-серое, дышал тяжело, рубашка и жилет на спине взмокли от пота. Руки целителя дрожали так сильно, что он и чашку держать не мог. Я опустилась на колени рядом с ним, напоив его. Не думаю, что он вообще почувствовал вкус чая.

— Ещё?

— Да, пожалуйста. Мил... мне бы полежать немного, голова кружится. А тут грязно.

— Конечно. У меня полежи.

Я поглядела на Хлою. Она все ещё спала, но лицо порозовело, и дыхание было глубокое и чистое.

— Кажется, твои услуги обойдутся дороже моей работы, — попыталась пошутить я.

— Глупости не болтай. Я бы и бесплатно помог. Ребёнок же. Запустили вы ее. К ночи бы умерла, совсем на грани.

— А теперь?

— Я не уверен. Мне резерва не хватило. Это тот случай, когда уже никакие лекарства не помогут. Но стало гораздо лучше, сама же видишь.

Он поднялся, опираясь на мое плечо. Пару раз клацнул зубами. На всякий случай укрыл ребёнка каким-то пальто.

— А вода зачем? — вспомнила я.

— Пол вымыть хотел. И ее обтереть. Но это потом уже. Не смогу.

— Я вымою, — тут же пообещала я. — Пошли, у меня есть ещё чай. И тёплая труба.

— Отлично.

Мы добрались до моей квартиры. Асур обессиленно упал в кресло, откинул голову и закрыл глаза. Я налила ему ещё чая. Он пил его теперь медленно и сам.

— Вкусно. Только сладкий до тошноты.

— Ты же сам просил.

— Да, должно помочь.

— У тебя рубашка мокрая насквозь, а из окна дует. Простудишься ведь.

— Не страшно, на кафедре вылечат, — устало усмехнулся юноша.

Я присела на подлокотник кресла и принялась расстёгивать его жилет. Он не сопротивлялся. Но когда я коснулась шеи, собираясь развязать платок, неожиданно цепко перехватил мои руки и распахнул глаза.

— Что задумала?

— Я знаю, как маги восстанавливают резерв быстрее всего, — честно призналась. — Я и сама маг.

— В благотворительности не нуждаюсь, — скривил он губы, вжимаясь в спинку кресла и отворачиваясь от меня. — Сейчас подремлю чуть-чуть и приду в норму.

— А кто говорит о благотворительности? — шепнула я, обхватывая его лицо ладонями и поворачивая к себе снова. Склонилась так низко, что наши носы соприкоснулись. — А может, я сама хочу?

— Ну если сама... — мурлыкнул он мне в лицо. — Даме отказывать неприлично.

Наши губы соединились быстро и едва ли не со щелчком, как два магнита. И ладно он, целитель с пустым резервом, но на меня-то что нашло? Мне даже не хватило терпения стащить с него рубашку, сразу потянулась к ремню! Хваталась за плечи, терлась об него как кошка, запускала руки в чёрные волосы, выгибалась, подставляя шею и полуобнажённую грудь его жадным губам. Какая там прелюдия, какие изысканные ласки? Он просто задрал мне юбку, сдёрнул белье и усадил на себя верхом. А я с пугающей готовностью его приняла, громко застонав. Тут же испугалась, вспомнив:

— Там ребёнок!

— Она крепко спит. Не услышит.

— Неловко.

— Ни разу не приводила никого?

— Нет, ты первый.

— Впечатлён.

— Я заметила...

Как же с ним было легко! Я снова потянулась к его губам абсолютно без всякого стеснения. Выгнулась, ощущая его всем естеством, снова звучно застонала. Ему этого оказалось достаточно, чтобы прекратить разговоры.

Чуть позже Асур снял меня с колен, усадил в кресло, натянул штаны и со счастливым блеском в глазах ускакал. Я растерянно поглядела ему вслед. Как так, он что, сбежал? Но целитель вернулся почти сразу, весело насвистывая.

— Я чаю ещё заварю? Только без сахара. Когда твоя подруга возвращается?

— Вообще-то кухня. Как стемнеет, так и вернётся. Иногда до ночи работаем, но это если вдвоём. Сегодня Аглая одна пойдёт, значит, рано будет.

— Понял, — достал часы из кармана, щелкнул крышкой и констатировал: — Часа три у нас есть. Где тут труба? Рубашку высушу.

— А... где ты был? — Проведал пациентку. Теперь я точно уверен, что с ней все будет хорошо.

От автора: представляю вашему вниманию замечательную книгу Натальи Палей [Бессовестно прекрасная](#). Книгу можно

читать только на е, она близится к концу, там уже много, много глав!

НАТАЛИ ПАЛЕЙ

БЕССОВЕСТНО
ПРЕКРАСНАЯ

У мисс Беллы Харрис есть все — любящая семья, положение в обществе, ум и работа, о которой она мечтала. Единственное, что расстраивает девушку — ее внешность. До пятнадцати лет Белла росла нескладной и невзрачной девочкой, и ее это вполне устраивало, а после, с каждым годом, девушка все больше стала напоминать ту, которую высшее общество королевства из-за скандальной репутации звало не иначе, как «бессовестно прекрасная леди». Но мисс Белла Харрис не желает отвечать за грехи бабушки... И чужая кукольная внешность ей тоже не нужна...

Он быстро разделся, повесив рубашку и жилет на металлическую планку, которую я когда-то «приварила» к вертикальной трубе отопления. Вытряхнул заварку в ведро для помоев, сполоснул чайник. Я поджала ноги, не спеша застегивать пуговицы на платье. Наблюдала за ним с умилением. Как грациозно он двигался, как уверенно! Вот только с тех пор, как мы в первый раз встретились, Асур похудел ещё больше.

— Ты вообще ешь? — не утерпела я.

— Стараюсь, — пожал он плечами.

— Смотреть ведь страшно, кожа да кости.

— Так я целитель. Это у боевиков мышцы, они много упражняются. А я ночами книжки штудирую, а днём на лекциях или по больным мотаюсь. Некому меня кормить, никто обо мне не заботится...

Прозвучало забавно, даже немного обижено. А Асур лукаво на меня покосился.

— Напекаешь, что у тебя никого нет?

— Зачем же намекаю, говорю прямо. Чай будешь?

— Буду. Вон там на полке в железной коробке — орехи есть. И немного изюма.

— О, спасительница!

— Крышка притертая, осторожно.

— Помню-помню, чтобы крысы не приходили. Хочешь, я тебе кошку подарю?

— Нет, спасибо, куда мне? Я редко дома бываю. Кошка — это что-то уже серьёзное, уютное. А тут...

Я со вздохом огляделась.

— Да нормально все! — утешил Асур. — Полки есть, вешалки для одежды тоже. Стол, кровати, кресло даже. Жить можно. В общежитии хуже.

— А почему ты в общежитии живёшь? — удивилась я. А ведь и вправду, у него отличные дорогие ботинки, дубленая куртка на меху, шапка... и тут же форма университетская самая обычная. Как-то странно. — Ты ведь родич каких-то там князей.

— Угу. Потому что дурак. Отец мне финансирование урезал. Совсем. Приходится за четвёртый курс самому платить. Тут не до

квартир и не до ресторанов, сама понимаешь.

— За что урезал?

— Да я жениться отказался, — легкомысленно бросил целитель. —
Поссорились мы с отцом.

— Что так? Невеста нехороша?

— Невеста как невеста. Не хочу просто. Сам жену выберу, без всяких указок. Когда решу, что пора.

— Ух какой грозный! — восхитилась я.

Он взял стул, сел напротив меня и серьезно сказал:

— Мила, я младший сын младшего сына. К тому же целитель, не боевик и не природник. Толку от меня немного, одно только имя. Поэтому отец и подумал, что может за меня решать. А я, такой неблагодарный, отказался его слушаться. Тогда он по больному ударил: или учеба и свадьба, или вертись как хочешь. Я выбрал второй вариант.

— Справляешься?

— Вполне. Не первый курс, последний. Много уже знаю и умею. Патент получил ещё год назад. Работаю помощником лекаря 3-го ранга. До операций и самостоятельной практики пока не допускают, но лекарства готовлю и зубы лечу. Ну и магия, конечно. О чем задумалась?

— Сколько тебе лет?

Не утерпела.

— Двадцать три. Поздно начал учиться, но в целители раньше семнадцати все равно не берут. Я первый раз экзамены завалил, понадеялся на дар. Потом ничего, с лучшими учителями готовился.

Теперь мне было ясно, почему он такой худой. И почему его так расстроили сломанные инструменты. И почему он с такой лёгкостью согласился на их починку взамен на исцеление моей соседки.

— Ты потрясающий, — честно сказала я, влюблённо глядя на него.

— Я? Шутишь? Это вон Ганс, мой сосед, потрясающий. У него резерв крошечный, зато он лучший химик на курсе. Или Богдан, который из деревни пешком до университета добирался. Или даже ты: из подавальщиц в артефакторы, а ведь женщина, тебе в десять раз сложнее. А мне отец все оплачивал, и подготовку, и первые три года, и квартиру даже.

— В прошлом году ты все деньги мне оставил, — напомнила я.

— Не последние были, — отмахнулся Асур. — У меня счёт в банке.

Он забрал у меня пустую чашку, нагло слопал последний орех из банки, бросил быстрый взгляд в сторону кроватей и спросил:

— Ну, я пойду?

— Спать больше не хочешь?

— Нет. Спасибо. Резерв почти в норме.

— Почти?

— Почти. Я же ещё немного в девочку влил.

Я прикусила губу, раздумывая, как его задержать. Не то, чтобы мне было мало... хотя я бы не отказалась повторить. Просто расставаться с ним ужасно не хотелось. Я ещё не надышалась своим неожиданным счастьем.

— Мне можно остаться? — прямо спросил Асур, прекрасно заметив мои колебания.

— Останься.

— И... исправиться, наверное, да? Я был непозволительно небрежен.

— Очень небрежен.

— Груб.

— Безобразно груб.

— Слишком быстр.

— Отвратительно быстр.

— Но тебе ведь понравилось?

— Да. Но ты можешь лучше...

— Я в этом уверен. Какая из кроватей твоя?

Аглая громко топала на лестнице, потом долго возилась возле двери.

— Заходи, он ушёл, — крикнула я.

Она тут же вошла, стряхивая с себя снег.

— Отлично, я боялась, что поставлю вас в неловкую ситуацию. Это ведь тот самый целитель?

— Да, тот самый.

— И вы с ним опять...

— Угу.

— Мил, ты понимаешь, что добром это не кончится? Вы совсем не пара. Он — княжич. А ты вообще никто.

— Пока он не княжич, — опустила я глаза. — Он с семьей поссорился, живет самостоятельно в общежитии. Работает.

— Почему поссорился?

— Жениться отказался.

Аглая закатила глаза.

— Ты ведь не думаешь, что из-за тебя? Не думаешь, правда?

— Конечно, нет! — возмутилась я. — При чем тут я?

Но внутри все равно шевельнулся червячок сомнения. А может, может... не забыл же он меня за все это время!

— Слушай, сестрица. Он никогда на тебе не женится. Даже если сейчас его отец денег не даёт, так это временно. Случись что — и все князя Синегорские примчатся на помощь. Такие, как ты, в их семью никогда не войдут.

— Да знаю я! — на губах осела горечь. — Не дура же.

— А я вижу, что дура, — припечатала Аглая. — Ты и раньше о нем рассказывала так сладко, что даже голос менялся. А теперь и подавно растаешь. Ладно, репутация — это дело десятое. Кому мы с тобой нужны? А если ребёнок будет? Хочешь вон, как Рейна с Хлоей?

— Не хочу, — вздохнула я. — Но я и не буду. У меня есть ты. И тётя Яся. И Тамир с Ганной.

— У Рейны тоже кто-то где-то есть. Только с незаконнорождённым ребёнком ее на порог не пустили. А ведь она не всегда в доме утех работала. Была горничной сначала. Это сейчас, чтобы прокормиться, ей приходится вот так.

— А вино она пьёт тоже, чтобы прокормиться? — ядовито спросила я, уже понимая, что да, так и есть. Рейна просто сломалась. Каково ей вести такой образ жизни? — Ладно, прости, ты права, конечно.

— Слушай, Мила, — сестра нежно на меня посмотрела. — Я ничего против твоего Асура не имею. Может, он и вправду хороший. Только будь осторожна, пожалуйста. Пусть твой студент тебе противозачаточные пилюли добудет, он, наверное, сможет.

Я тяжело вздохнула. Нужно, тут Аглая права. Но в аптеках чудо-средство от нежеланной беременности не продают. Пилюли может выписать хороший врач, если посчитает, что женщине нельзя рожать. Ну, или за большие деньги. Ведь если женщина не замужем, то само собой разумеется, что детей у неё быть не может. Она же не предаётся

разврату, верно? А в замужестве дети — это благословение, чем больше, тем лучше. От деторождения может оградить только болезнь... или полное воздержание.

Исключение делалось только для Утешительниц, в смысле тех, кто работал в домах утех. Каждая Утешительница стояла на учёте в департаменте здоровья, им пилюли выдавались строго под роспись. Конечно, они их продавали... а потом вытравливали плод. Многие умирали, а кто выживал — платил штрафы. Избавление от нерожденного ребёнка считалось преступлением.

Надо сказать, мало кого это останавливало. Хотя и сиротские приюты никогда не пустовали.

Может быть, у Рейны спросить — нет ли у неё знакомых, кто продаст мне пилюли? Или все же у Асура? И неловко вроде, и странно как-то. Да и вообще, неизвестно, вернётся он ко мне или нет.

У-у-у, Милка. Давно ли у тебя мозги размякли? Ведь говорила, что не будет такого никогда. А маразм подкрался незаметно, в таком юном возрасте. Какие дети? Зачем? От Асура? Что значит «почему бы и нет»? Что значит «привязать его к себе»? Нет-нет, даже думать об этом не стоит.

Хотя это даже не звоночек, это набат огромный и громкий. Я влюбилась по уши. Похоже, что прямо там, в свой первый же день в этом мире. Просто успешно себе врала. А теперь глазоньки открылись.

Почему же мне так хочется плакать, нет, даже выть в голос? Разве любовь — это не самое большое чудо во всех мирах? И ведь вернётся он, непременно вернётся, я это чувствую. Он был по-настоящему рад мне. А в постельных делах мы друг другу идеально подходили. Тем более, он целитель, он резерв расходует куда быстрее и чаще меня.

А я хорошая, удобная. Подарков не попрошу, истерик устраивать не буду, накормлю, обогрею, спать уложу. До конца учебного года ещё несколько месяцев, и эти дни будут моими. Потом, конечно, Асур уедет домой. Скорее всего, помиритесь с отцом. Женится на той, которая достойна растить его детей. Станет лекарем, да не простым, элитным, будет князей всяких лечить, а то и государя, ему по статусу положено. А я тут останусь, в своей лавке. Оно и правильно. Уж если любить — то самого лучшего. Замуж мне не нужно, ребёнка, если уж очень захочу, рожу или из сиротского дома возьму. Сейчас мне важно накопить на патент, а для этого нужно работать не покладая рук.

Все, я успокоилась. Я умница, красавица и трудяжка. И завтра мне ещё инструменты чинить, так что хватит ныть. Ужин и крепкий сон — вот о чем нужно думать.

Глава 17. Целитель

Стекло для зубного зеркала я нашла быстро — заглянула к знакомому часовщику. У него этих стёкол полная чашка. Диаметр побольше, конечно, но много не мало, мне уменьшили под нужный размер. Пытался содрать за тонкую работу просто невозможные деньги, но я его знала хорошо, поэтому сговорились на бартер, как очень часто бывает в наших профессиях. Ссориться нам было нельзя, мы слишком часто друг друга выручаем всякими мелочами. Я починила ему несколько особо тонких шестеренок, он обточил мне стёклышко, мы расстались крайне довольные друг другом.

А дальше уже просто: металл поддавался мне с какой-то даже радостью. Видимо, магия моя чувствовала, что я выполняю не просто рутинный заказ, а что-то важное, приятное. Сломанное починила, скальпель заострила, а потом ещё покрыла рабочие поверхности слоем серебра. Я ведь помню ещё, что серебро обеззараживает. Надеюсь, Асур не рассердится на мое самоуправство. Не так уж много ушло металла на покрытие, слой-то небольшой.

Он не пришёл ни днём, ни ближе к вечеру. Занят, наверное. Я со вздохом сложила его инструменты на полку готовых заказов и сообщила Аглае, что на сегодня закончила. Ничего срочного не осталось, да и устала очень, резерв на исходе.

Сестра взглянула в окно и коротко бросила:

— Иди домой. Я буду через пару часов.

Она возилась с каким-то сложным артефактом, даже мастерскую закрыла. С заклинаниями всегда лучше работается в одиночестве и полной тишине, а я шуршала, брякала и напевала. Пойду, пусть заканчивает.

— Я еды куплю, — кинула ей, накидывая пальто.

— Угу.

— Не задерживайся!

— Угу.

— Если уже стемнеет, иди по фонарям, не проулками.

— Вали уже, я все знаю.

Удовлетворённая своими успехами, я вышла на улицу. Было ещё светло. Скоро Излом года, самая темная ночь. А после день начнёт

прибавляться. Снег ещё долго не растает, на Севере зима длинная. Здесь считается, что новый год начинается именно в день зимнего солнцестояния. В этом есть смысл. Мне нравятся северные обычаи. Скоро улицы украсят бумажными фонарями, чтобы отпугнуть злых духов, а в ночь Излома все будут шуметь, петь и танцевать, запускать шутихи, обниматься и пить вино. Старый год нужно проводить так, чтобы он побоялся вернуться, а новый — встретить с радостью и почтением, как рождение младенца.

М-м-м, кстати о младенцах... Нужно все же поговорить с Асуром. Надеюсь, я все правильно придумала про наши отношения.

Уже поднимаясь по скрипучей лестнице домой, я услышала голос Рейны в соседней квартире. Не раздумывая, постучалась к ней. Дверь распахнулась.

Рейна была полураздета и не слишком трезва. В комнате пахло перегаром и почему-то корицей. Щеки соседки нездорово пылали, на шее виднелись кровоподтеки.

— Чего тебе? — неприязненно спросила она.

Я подумала, что Рейна все ещё удивительно красива: глаза у неё большие, яркие, лицо тонкое, пухлые губы, густые каштановые волосы, гладкие и блестящие. Не сказать, чтобы она за ними как-то ухаживала, но они все равно сияли.

— Я вчера приводила к твоему ребёнку целителя.

— Я знаю. И что? У меня нет денег ему заплатить. Тебя никто не просил. Хлоя бы сама выздоровела, ей уже было лучше.

— Я не прошу денег.

— Тогда чего явилась? Мне в ножки тебе поклониться, добродетельница?

— Достаточно простого спасибо, но я не об этом. У тебя дома грязь. Помой полы, вытри пыль. И хоть иногда выводи ребёнка погулять.

— Может, ещё и мясом ее кормить каждый день? — хрипло засмеялась Рейна, но ее смех быстро перешёл в надсадный кашель.

— Ты болеешь?

— Не сдохла и ладно.

— Если ты умрешь, что будет с Хлоей?

— В сиротском доме не хуже, чем здесь. Даже лучше. Там мясо дают иногда, знаешь ли, и гулять выпускают в сад. То, что я дочь туда

не отдала сразу — большая ошибка, сломавшая две жизни.

Я моргнула. Не ожидала такого ответа. Для меня само собой разумелось, что ребёнку лучше с матерью, чем в приюте, если мать хоть как-то заботится о нем. Несмотря на работу и пристрастие к алкоголю, Рейна не была плохой матерью. Она как-то обмолвилась даже, что откладывает деньги на обучение Хлои в закрытой школе для девочек. Тогда она сможет не волноваться о дочери и найти работу получше.

Вряд ли ее мечта сбудется. Ни в один порядочный дом не возьмут бывшую Утешительницу, а заработать даже на год обучения очень сложно. Но не мне ее разочаровывать.

— Поверьте целителю, госпожа, разница огромная, — раздалось из-за моей спины. — Мила, я насилу тебя догнал. Бежал за тобой от самой мастерской!

Я обернулась с глупой улыбкой: пришёл!

— А, за деньгами явились? Пусть вон Милка рассчитывается как хочет, я никого ни о чем не просила, — бросила Рейна, даже не пытаясь прикрыть распахнутый ворот кофты.

— Послушайте, вы это всерьёз — про приют? — Асур отодвинул меня в сторону. — Студентов часто водят в приют, там всегда есть практика. А дети все равно мрут как мухи. Тесно, грязно, холодно. Питание неплохое, но сильные отнимают еду у слабых. Особенно много умирает младенцев, потому что лучше материнского молока ничего ещё не придумали.

— Слушай, целитель, — устало поглядела на него Рейна. — Что мне с того? Хочешь помочь — дай мне денег. Не хочешь — вали.

— Сколько вам нужно денег? — спокойно спросил Асур. — Надолго их хватит?

— А ты готов взять меня на содержание с ребёнком? Я могу, если платить хорошо будешь и не будешь бить.

Я слегка напряглась. Все же Рейна гораздо красивее меня. Впрочем, у Асура денег не хватит на содержанку.

— А другим местом зарабатывать слишком сложно, да? — Асур выразительно оглядел ее с макушки до пяток, задержав взгляд на полуобнажённой груди, очень красивой, но не слишком чистой. Рейна вдруг густо покраснела.

— Да где я тебе работу с ребёнком найду, умник? — горько воскликнула она. — Кому я нужна-то? Я ж гулящая девка, это как клеймо! Не вдова, не мужняя жена — значит, шлюха. И дочь моя — безотцовщина.

— Если я дам тебе работу, ты обещаешь, что не вернёшься к своим нехорошим занятиям?

— Если ты дашь мне работу, где меня примут с дочкой, я ноги тебе целовать буду.

— Хорошо, подожди до завтра. Я напишу письмо и дам тебе денег на приличное платье и билет на дилижанс в Синегорье.

— А?

— Горничной к князьям Синегорским пойдёшь.

— Не возьмут, прогонят.

— Возьмут, слово даю. Письмо мое покажешь и возьмут. А теперь иди и вещи собирай.

Изумлённая и напуганная Рейна убралась в свою квартиру, а я с укором посмотрела на Асура:

— Ты всем подряд, что ли, деньги оставляешь?

— Нет, только красивым девушкам. Шучу, не дуйся. Я просто себя ценю и люблю. Не хочу, чтобы мои усилия по спасению этого ребёнка пропали тщетно. Жалко девочку, она ни в чем не виновата. Кстати, я тебе чай принес и конфет. А то вчера все сладкое у тебя съел. Пригласишь?

— Конечно.

Едва он вошёл, как я прижалась к нему вплотную. Какие конфеты, какой чай? У нас есть лишь час до возвращения Аглаи!

— Мила, ну что ты... я же не такой!

— Такой-такой. Поцелуешь?

Сдался, обхватил меня обеими руками, крепко прижимая к себе и жадно, нетерпеливо целуя. Так я и поверила, что он не такой! Это в двадцать-то с небольшим? Да ещё и целитель? Не верю его словам. Верю рукам, губам, сбитому дыханию, глухим вздохам, тихим стонам сквозь зубы. Верю неторопливым ласкам, чутким пальцам, сводящим с ума губам. Верю своему сердцу. *От автора: большие книги хороших и разных! Сегодня я показываю ["Невесту для "Сердца Дракона"](#) от [Александра Блик](#), [горфэ](#), юмор и маг.детектив*

Орден
Дракона

Невеста
для «СЕРДЦА
ДРАКОНА»

АЛЕКСАНДРА БЛИК

Жадничать плохо! Именно так я и думала, когда уплетала чужие эклеры. Чего я не знала – это что их хозяин способен нехило так испортить мне жизнь. Спустя полгода я оказалась на отборе невест. И всё из-за пирожных! Злопамятный драконище ткнул в договор и насильно вписал в список участниц. Ну ничего. Я ещё отыграюсь. Этот дракон у меня ещё плакать будет! Главное не сдаться на полпути... И не влюбиться в самого несносного мужчину столицы.

Глава 18. По уши

— Ты инструменты забрал?

— Нет. Не успел. Зашёл, а Аглая сказала, что ты только ушла. Я за тобой побежал.

Вот об этом я говорю. Не драгоценные инструменты ему нужны, а я. Будь я юной дурочкой, могла бы решить, что целителю восстановление резерва важнее и лекарств, и инструментов, но весь мой прошлый опыт уверял: не в этом случае. Отказала бы я Асуру, и он бы отступил, даже не обидевшись.

— Глупый ты мальчишка, — с нежностью сказала я, заваривая чай и выкладывая из горшочка на металлическую тарелку холодную кашу с мясом. — Ужинать будешь.

— Нет, что ты! Не нужно!

— Я не спрашиваю, я предупреждаю. Сейчас вернётся Аглая, и поужинаем все вместе. Кстати, о Рейне: она не виновата в своей судьбе. Ну, или виновата, но не меньше, чем тот мужчина, который ее соблазнил и бросил беременную.

— Мне все равно, — сказал Асур. — Это ее жизнь. Просто я могу помочь, а значит — помогу. Меня отец так учил: чем выше статус, тем больше нужно помогать. Князья много берут, но должны и служить своему народу.

— Хороший у тебя, наверное, отец. Я бы хотела с ним познакомиться.

— Кто знает, как жизнь повернется, — усмехнулся юноша. — Может, и познакомишься. О, Аглая, привет. Тебе чаю налить? С сахаром или с конфетами будешь?

— Привет, студент. Глупый вопрос к магу-артефактору после рабочего дня!

— Понял, и с тем, и с другим.

— Ну, не зря тебя в университет взяли. Мил, я булочек ещё купила. Слушай, целитель, я палец прищемила, можешь залечить по-быстрому?

И Аглая продемонстрировала опухший бордовый палец с почерневшим уже ногтем.

— Не вопрос. Как это ты так?

— Артефакт не хотел поддаваться. Как тяпнул меня... Асур взял кисть Аглаи в свои ладони, а я резко отвернулась и потянулась к горелке, чтобы помешать кашу. Мне было неприятно, что он к ней прикасается, пусть даже как целитель. Я ревновала.

— Что, теперь весь наш сахар съешь? Резерва много ушло?

— Не волнуйся за сахар, у меня с резервом все отлично.

Ну ещё бы, мы очень старались. У меня вот тоже резерв наполнен до краев, даже кончики пальцев покалывает. Того и гляди, начну притягивать железо, как магнит.

— Ясно, — хмыкнула Аглая и взглянула на меня вопросительно: — Вопрос решила?

— Нет пока, — я почувствовала, что щеки начинают пылать. — Не было времени.

— Резерв восстановить время было, а поговорить нет?

— Дамы, вы о чем? — Асур уже хозяйничал вовсю, уверенно и ловко. Достал с полки тарелки, разложил кашу, разлил чай в три чашки. Раскрыл бумажный пакет с булками, высыпал в блюдце конфеты. — Или не моего ума дело?

— Твоего как раз.

— Аглая!

— Что? Ты же стесняешься.

— Я не стесняюсь. Просто...

— Асур, мне бы не хотелось, чтобы Мила повторила судьбу Рейны, — ляпнула Аглая, заставив меня скрипнуть зубами. Ну зачем полезла, да еще вот так грубо?

— Почему она должна ее повторить? — спокойно спросил юноша. — Ты имеешь в виду ребёнка или работу в доме утех?

— Ребёнка, конечно! Если уж вы собрались на постоянной основе резерв восстанавливать, Миле нужны пилюли.

— Аглая, — Асур опустил подбородок на сцепленные в замок руки и уставился на мою сестру. — Я же целитель. И мужчина. Я могу сделать так, что никакого риска не будет. Собственно, я так всегда и делаю.

— А если все же... ошибёшься? И Мила забеременеет? Что, бросишь ее? Или избавишь от плода?

— Если я ошибусь, — холодно сказал Асур, — то отвечать за последствия своих ошибок буду сам. Свою женщину с ребёнком я не

брошу никогда. Ешь, а то остынет.

А вот теперь мне показалось, что он заговорил, как князь Синегорский. Пусть и младший сын младшего сына, но князь. Забавно, он назвал меня своей женщиной. Это приятно.

Не скрою, меня радует его позиция. И забота. И это каменное спокойствие. Ведь еще так юн, а настоящий мужчина. Заботливый, не жадный, добрый. Как это я разглядела такой алмаз в навозной куче? Не иначе, как судьба.

— Спасибо за ужин, дамы, — Асур обаятельно улыбнулся и поднялся. — Мне пора. Ещё конспект повторить нужно. Мила, я завтра тебя встречу, можно?

— Конечно, — я пошла его провожать. — Приходи в любое время.

Он бросил быстрый взгляд в сторону Аглаи, а потом стиснул меня в объятиях и жадно поцеловал. Мне отчаянно захотелось сказать те самые слова, но я прикусила язык. Нет. Не стоит ставить его в неловкое положение. Не сегодня. Может быть, никогда. Мои чувства — это мои проблемы. *От автора: у Полли Нарии новинка: [Пушистая катастрофа](#)*

для [ректора](#)

Волею судьбы я попала в иной мир. Здесь у меня другое тело, сильная магия и внимание со стороны ректора-красавца. Мечта? Как бы не так! Сила сбивает и грозит выжечь изнутри, а ректору я нужна лишь, чтобы снять проклятье. Не более того. Тут можно даже не фантазировать. И только четверо пушистых друзей со мной и в горе, и в радости. Но я сильная. Я справлюсь.

На следующий день он все же застал меня в мастерской. Аглая безропотно пропустила его в нашу рабочую комнатку — а ведь никого и никогда не пускала.

Я сидела за столом, восстанавливая музыкальную шкатулку с «сонной» мелодией. Ее включали детям и больным, чтобы сон был крепким и безмятежным. Чары простые, легкие, а механизм довольно тонкий, к тому же сильно, почти безнадежно изношенный. Но шкатулка передавалась из поколения в поколение, поэтому ее принесли нам на реставрацию.

Появление целителя я почувствовала всем телом. Словно теплее стало. Но не обернулась, хотя пальцы вздрогнули и застыли над серебряным цилиндром.

Над моей головой зашуршала ткань, и на стол легла белая роза. Живая, настоящая, с длинным колючим стеблем и нежными лепестками. Я все же обернулась.

Он улыбался. Щеки румянились с мороза, кончики волос, выбившийся из вечного хвоста, покрыты инеем, на меховом воротнике быстро тающие снежинки.

— Это тебе.

— Зачем, не стоило... — начала было я, но тут же себя оборвала:
— Спасибо. Мне безумно приятно!

— Я рад.

Слова он растерял, что ли?

Живая роза среди зимы — какой красивый жест, какое безумное расточительство! И где только нашёл? В Устинске не было цветочных лавок, да и цветы никто никому не дарил, особенно зимой, разве что актрисам театра. Как Асуру вообще пришло в голову?

Он распахнул пальто, а я прижалась к его груди. Я небольшого роста, чуть выше его плеча. Мне так удобно обнимать его за талию, пряча руки в тепле пальто!

— Ты за инструментами?

— Я за тобой. Одевайся, пойдём погуляем.

— У меня работа.

— Я отпросил тебя у Аглаи. Она сказала, можно.

— Ну, если Аглая отпустила... — я хихикнула. — Прости. Мне нужно доделать механизм. Там осталось дел на полчаса.

— Я подожду.

— Хорошо. Постараюсь побыстрее.

— Не торопись. Я пока прогуляюсь до булочной. Тебе что принести?

— Плюшку с корицей можно? И пирог с яблоками для Аглаи. Деньги возьми у меня в кармане пальто.

— Как-нибудь разберусь с деньгами, — недовольно фыркнул он. — Ты не хочешь больше ничего сделать?

— А что?

— Где мой приветственный поцелуй? — он строго сдвинул брови, а потом приподнял мой подбородок и быстро чмокнул в губы. — Вот так-то лучше.

— Разве это поцелуй? — закатила я глаза. — Вот накормишь меня — и я займусь твоим образованием.

— И когда ты успела получить опыт в поцелуях? — голос Асура вдруг заметно похолодел.

— Он чисто теоретический, — поспешила утешить его я. — И вообще, я пошутить попыталась!

— Не смешно получилось. Я побежал, работай спокойно.

Сосредоточиться на механизме шкатулки у меня получилось не сразу. Он что, ревнует? А я дала ему повод? Глупо как-то, мы друг другу никто... Роза еще эта. Такие подарки просто так не дарят. У нас будут длительные отношения или что? Чего Асур от меня хочет вообще?

Не верю, что он взял и разом в меня влюбился. Не того я полета птица. Он из княжеского рода, к другим девушкам привык. К нежным, утонченным, умеющим держать лицо в любой ситуации, в роскошных платьях, с прическами и украшениями. А тут я — ну пусть вполне симпатичная, но до леди явно не дотягиваю. И одеваюсь скромно, и за кожей не особо ухаживаю, и выругаться непотребно могу. Из нежного во мне только кончики пальцев, я их берегу, регулярно увлажняю кремом, смазываю маслом, никогда не забываю перчатки. Мне важно, чтобы пальцы были чувствительны, чтобы улавливали малейшую шероховатость материала. Я слышала, что шулеры вообще

обрабатывают подушечки наждачной бумагой, но пока до такого я не дошла.

Что он во мне видит? Я бросила механизм, понимая, что работать больше не смогу, разволновалась. Заглянула в зеркало придирчиво. Лицо как лицо, обычное. Щеки появились, румянец. Глаза светлые, брови ровные, не слишком густые, обычные совершенно. Нос вздернутый, губы тоже обычные. И волосы приятного каштанового цвета, но не сказать, чтобы красота неопиcуемая. Та же Рейна намного меня ярче, эффектнее.

Что сказать, у меня перед дамами высшего света одно преимущество: я не особо обременена нормами морали. С одной стороны, в прошлой жизни у меня был достаточный опыт отношений и совсем другое воспитание. А с другой — мне просто ужасно нравился этот мальчишка. Я сама хотела близости с ним, ему не нужно устраивать передо мной ритуальные танцы. Может, поэтому и приходит?

— Ты готова? — он снова появился внезапно со своей шальной, счастливой улыбкой. — Пошли, там солнце, такая редкость для Севера!

И мы пошли. Солнце отражалась в витринах и окнах, слепило глаза, заставляла пушистый снег сиять как серебро. Мороз щипал лицо, румянил щеки, бодрил и веселил. Асур потащил меня в парк, где я ни разу и не была, потому что одной гулять скучно, да и работы всегда достаточно. Мы прошлись по аллеям, полюбовались заснеженными лапами ветвей, посмотрели на детей, катающихся на коньках на заледеневшем пруду.

— Ты умеешь кататься?

— Откуда! Мы, южные люди, столько снега и не видели. У нас не так часто бывают сугробы. А речки порой за зиму и не встают вовсе. Опасно на коньках.

— А на санках с горы в овраг?

— Смешно, но нет.

— Я тебя прокачу обязательно... когда-нибудь. Все, пошли домой, уже темнеет. Мне еще на работу сегодня.

— Где ты работаешь?

— Лекарем в ночную в центральной больнице.

— И давно ты так?

— Сегодня первый день.

— Ты опять отдал все деньги очередной красивой женщине? — поддела его я.

— Ага. Купил билет на дилижанс Рейне и ее дочке. И дал еще на теплую добротную одежду.

— Что ты за человек такой?

— Смею надеяться, что хороший.

Он проводил меня до дома, поцеловал украдкой и сбежал, а я вдруг остро пожалела, что потратила время на прогулку. Лучше б, пока нет Аглаи, мы занялись кое-чем другим. Понятное дело, что в общежитие к нему мне хода нет. А вот ему ко мне можно.

Дни снова завертелись сумасшедшей северной метелью, безжалостной и ослепляющей.

Рейна с Хлоей уехали, в их каморку никто так и не поселился. Маленькая, неудобная, холодная. Жильцы стали стаскивать туда свой хлам, и мы с Аглаей стали единственными обитательницами мансарды.

Асур приходил ко мне каждый день после занятий и забирал с работы. Даже Аглая смирилась и выдала ему запасные ключи от нашей квартирki. Мы иногда гуляли, а иногда отправлялись прямо домой.

Асур был молод, но не бесконечно вынослив. Ему требовался и сон тоже, не только наполнение резерва. Ночами работал, днём учился, после учебы приползал ко мне. Врал, что выспался на какой-то из лекций или ночью больных было мало, удалось подремать, затаскивал меня в постель — он был горяч и жаден до удовольствий, а потом отрубался намертво на несколько часов.

Он спал, а я ложилась рядом, прижималась лбом к его голой спине между лопатками и просто лежала рядом с ним, вдыхая запах тела. Эта пронзительная нежность захватывала меня с головой. Мне казалось, что я живу только рядом с ним. Без него — пусто и холодно. Когда он целовал меня вечером и убегал на свою службу, время застывало, как муха в янтаре. Я механически разговаривала с сестрой, без аппетита ужинала, плохо спала. Утром шла на любимую работу, и там время начинало разгоняться. Час, два, три... вжух! И над дверью звонил колокольчик. Сердце подскакивало, ладони потели.

— Я принёс еды! — громко объявлял Асур.

Как-то быстро и прочно сложилось, что он кормил нас с Аглаей обедом, а мы его — ужином. Голодным не отпускали, это жестоко для любого человека, не только для целителя в ночную смену. Ещё и с собой норовили положить конфет, или орехов, или пирожок в карман сунуть.

Асур стал членом нашей семьи — без шуток. Да он теперь буквально жил у нас! Даже смену одежды притащил. Переживал, что практически не бывает в общежитии, а у него там кошка. Аглая была не против животных, и кошка переехала к нам. Красивая черепаховая животинка с роскошным хвостом оказалась не таким уж и декоративным существом. В первое же утро перед дверью лежали две крупные крысы, к счастью, дохлые. На следующий день — ещё три. Кошку я назвала Матильдой. Это была кличка ещё из прошлой жизни, вызывающая у меня смутную ностальгию. Асур почему-то засмеялся, впервые услышав это имя, но объяснять ничего не стал.

Матильда быстро стала любима соседями, за ней приходили, ей приносили лакомства. Она извела всех крыс в нашем немаленьком

доме. С ней вообще не было никаких проблем, кроме ключев чернo-желто-белой шерсти повсюду. Но за это мы ее великодушно прощали.

Первое время Аглая смотрела на меня с жалостью и качала головой.

— Это ж надо же! Ты ведь говорила, что никогда не вляпаешься в любовные отношения?

— Я не знаю, как это вышло, — вздохнула я, поглаживая подушечками пальцев серебряный кулон на цепочке со знаком медиков — перевёрнутый треугольник, а в нем глаз. Я из остатков серебра делала подарок Асуру на Излом года. — Это сильнее меня. Видимо, боги решили пошутить и даровать мне то, чего я больше всего боялась.

— А я тебе даже завидую, — призналась Аглая. — Никогда не понимала, что такое «любить». Как вообще можно потерять голову? Как это — когда жить не можешь без кого-то?

— Ужасно, — с отвращением скривилась я. — Словно у тебя кусок оттяпали. Раньше я была целая, а теперь только половина. И знаешь, что самое ужасное? Рано или поздно мне придётся жить без него. А я уже разучилась.

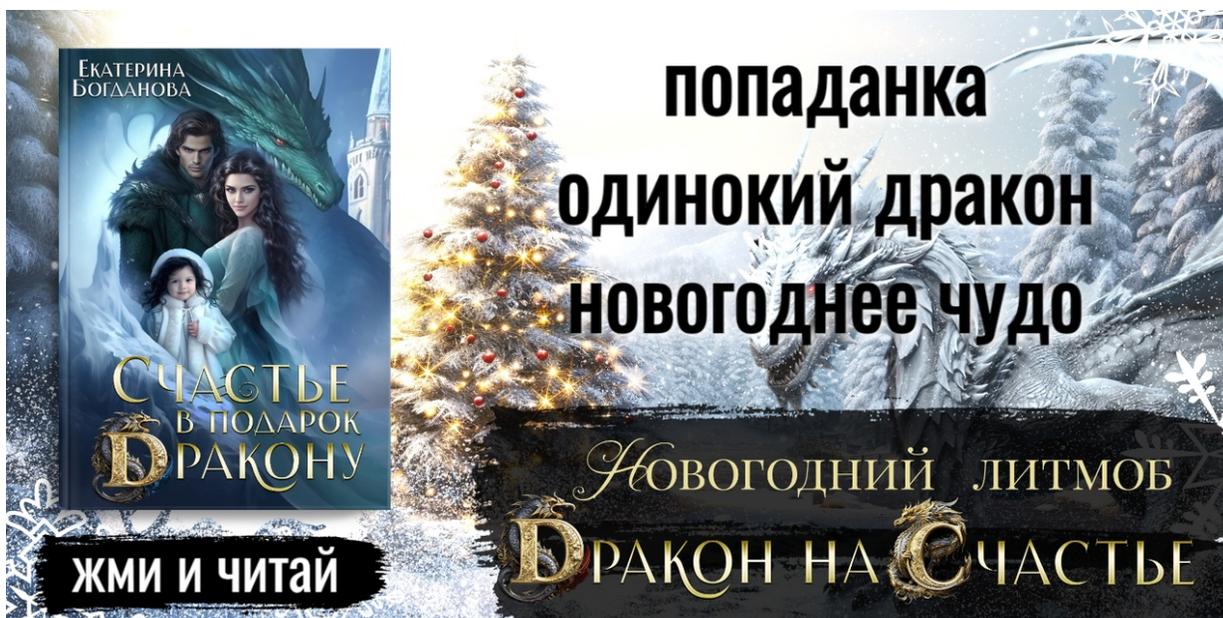
— Ну зачем ты... он, кажется, тебя тоже любит. Может, женится, — в глазах сестры была откровенная жалость. — Всякое же бывает...

— Не хочу, чтобы женился. Ему выбирать придётся между мной и своей семьей. А я не позволю. Женщин много разных, а семья только одна. И так вон его финансирования лишили, разве это дело? Измучился уже, устаёт как лошадь. Спит урывками. Лучше б женился и учился спокойнее.

— Что тяжело досталось, то больше ценится, — назидательно произнесла Аглая. — Ты его в пуховое одеяло завернуть хочешь, а ещё металлистка. Разве не знаешь, как хороший кинжал делается? Сталь сначала молотом бьют, потом точат, потом калят и в масло опускают. Тогда она твёрдая и острая будет. Так и люди.

— И сталь ломается, — покачала я головой. — И люди тоже. Не пережать бы.

От автора: у Екатерины Богдановой бесплатная и эксклюзивная новинка - [Счастье в подарок дракону!](#)

Под бой новогодних курантов я загадала судьбоносное желание - стать счастливой. А где-то очень далеко, в волшебном мире, маленькая девочка, дочь одинокого дракона, отчаянно пожелала счастья своему папе. И вот я уже в другом мире, под ёлочкой, как подарок. Только бы распаковывать сразу не принялись. Ой, что будет... Вот так "С Новым Годом"!

Глава 19. Два князя

Излом зимы мы внезапно встретили вдвоем с Асуром.

В Устинск приехал князь Озеров собственной персоной и решительно потребовал Аглаю.

— Никак замуж тебя сватать будет опять, — шепнула я сестре, но она отмахнулась.

— Устанавливают в Большеграде зеркалограф. Нужен еще один приемный артефакт. Я отказываться не стала, платит князь щедро. Поеду с ним, это на неделю, не больше.

— Ты меня бросаешь? — картинно заломала руки я, а сестрица засмеялась:

— Я даю тебе свободу. Асур за тобой присмотрит. И отпуск. Закрою мастерскую на это время, отдыхай.

Отпуск? Какое сладкое слово!

Асуру идея провести вместе целую неделю чрезвычайно понравилась. Он тоже взял отпуск в больнице. Это, наверное, были лучшие дни моей жизни. Мы много гуляли, он учил меня кататься на коньках. По вечерам Асур готовился к защите выпускной работы, уже скоро он закончит университет и сможет заниматься частной практикой в полную силу. Я просто сидела с ним рядом, читала книги, что-то мастерила, бегала за едой в ближайшую таверну. Потом мы спали в обнимку, и это было настоящее счастье.

В самую длинную ночь в году мы даже не вышли на улицу, нам был никто не нужен. За окном смеялись, кричали, запускали фейерверки, а мы погасили свечи и пили какое-то недорогое, но очень вкусное вино в полной темноте, закусывая жареными куриными ножками и салатом, который я попыталась приготовить по старой памяти: с горошком, вареным картофелем, солеными огурцами и копченым мясом. Лука зеленого не нашла, зато с майонезом заморочилась. Не сказать, что оливье получился таким, как нужно, но мы все съели, и Асур нахваливал.

Я подарила ему медальон, в который Аглая вложила небольшое накопительное заклинание. Если понадобится, Асур сможет пополнить резерв. Он принес золотые сережки, да не просто из ювелирной лавки,

а явно сделанные на заказ хорошим мастером. Лаконичные, с маленьким прозрачным камнем голубоватого цвета.

— Надеюсь, это не бриллианты?

— Они самые.

— С ума сошел? Ты опять потратил все деньги на женщину?

— Мне приятно тратить деньги на свою женщину.

— Я — твоя женщина? — в глазах предательски зашипало.

— Конечно. А ты не заметила? Какая невнимательная!

— Люблю тебя, — я кинулась ему на шею, все же заплакав.

— И я тебя люблю, мой маленький мотылек.

Это определенно была лучшая ночь в моей жизни.

Но все хорошее рано или поздно проходит. Через пару дней должна была возвратиться Аглая, и Асуре нужно было выйти на работу, и каникулы в университете заканчивались.

Мы проснулись от того, что дверь колотили. Этакая странность случилась впервые с тех пор, как мы с Аглаей переехали в Устинск. Обычно никому не было до нас дела. Асур пошевелился, выбираясь из моих объятий, зевнул, потёр лицо руками. Стук повторился, и на этот раз к нему добавился грозный бас:

— Открывай быстро, негодный мальчишка! Долго мне ждать?

— Демоны, это отец, — испуганно прошептал юноша. — Откуда он тут?

— Чей отец, твой отец? — я кубарём скатилась с кровати, хватая сорочку. — Когда ты обещал, что познакомишь нас, я как-то по-другому себе это представляла!

— Ага, я тоже.

— Открывай, я слышу, что ты там!

— Пять минут, отец! — крикнул Асур. — Я... я не одет!

— И чего я там не видел?

— Я не один!

— А вот об этом я и прибыл с тобой поговорить. Открывай уже, иначе все соседи узнают о твоей личной жизни!

Я выругалась шепотом. Все же от знакомства не отвертеться. Панталоны, юбка, блузка. Асур как мог мне помогал. Про чулки пришлось забыть, не успею. Сунула ноги в войлочные домашние туфли,

пригладила, как могла, волосы. Подозреваю, что отцу Асура я все равно не понравлюсь, что в чулках, что без.

Мой мужчина даже не стал одеваться. Босой, в расстёгнутых штанах прошлепал к двери, впуская в нашу каморку высокого худого мужчину в длинном чёрном пальто с роскошным меховым воротником.

— Оболтус! — сходу обозвал мужчину Асура, громко ударив тростью об пол.

Я порадовалась, что соседи снизу, скорее всего, на работе.

— Чем обязан? — холодно и спокойно спросил Асур, медленно надевая рубашку.

Мне ужасно хотелось сбежать, но вообще-то это была моя квартира, поэтому пришлось остаться. Сначала я просто переминалась с ноги на ногу, разглядывая незванного гостя, а потом решила — да к черту. Что я им тут, девочка-сиротка что ли?

— Чай на троих делать, я так полагаю? Ваша светлость, у нас тепло. Пальто можно повесить на гвоздь за дверью. Вы с лимоном будете?

Мужчина с узким лицом, хищным носом с горбинкой и тёмными глубокими глазами посмотрел на меня с таким изумлением, будто вдруг заговорила дверная ручка. В довершение картины со стула с громким ммрыком спрыгнула Матильда и прошлась вокруг отца Асура, оставляя на полах чёрного пальто рыжие и белые длинные шерстинки.

— Я не светлость, — наконец, разомкнул узкие губы гость. — И даже не сиятельство. Полагаю, что благородие, но мне не слишком нравится, как это звучит, особенно из уст молодой девушки. Можете называть меня Рудольф Генрихович.

— Я поняла. Чаю, Рудольф Генрихович? Но у меня только с мятой и лимоном.

— Благодарю, не откажусь.

Взгляд «папеньки» красноречиво задержался на разобранной постели, потом он расстегнул пальто, достал из кармана часы и вздёрнул брови насмешливо. Ну да, почти полдень. Ну да, мы все еще в постели. И что? Я не обратила никакого внимания на эту пантомиму, а Асур залился румянцем.

— Как ты меня нашёл? — задал он вопрос. — И, главное, зачем?

Гость аккуратно отодвинул ногой Матильду и таки разделся. Я как-то сразу поняла, что мой Асур не потолстеет никогда — ему не в кого.

— Мотя, оставь человека в покое! — посоветовала я кошке. — Не до тебя. Сходи лучше погуляй, подыши воздухом.

Кошка посмотрела на меня с презрением, дернула хвостом и запрыгнула на окно. Асур открыл створку, ее выпуская.

— Я поехал сначала в общежитие, — его благородие уселся на стул и с любопытством поглядел вслед кошке. — Мотя — это... Матильда, я правильно угадал?

— Да, но это не то, что ты думаешь. Имя Милана предложила.

— Милана, хм...

— Так зачем ты приехал?

— Жениться ты не собираешься, это я уже понял. Но ребёнка признать придётся, Асур.

— К-какого ребёнка? — Асур вытаращил глаза. — Ты в своём уме?

— Твоего ребёнка, сын. Я не так тебя воспитывал, ой, не так!

— Ваш чай, Рудольф Генрихович. Вот тут конфеты. Сядь, Асур. Так у тебя есть ребёнок?

— Клянусь, нет! — горячо ответил юноша. — Я бы знал! Я всегда контролировал!

— Верю, — кивнула я. Конечно, мне даже в голову не могло прийти, что у него, кроме меня, не было ни одной женщины, но он и вправду очень серьезно относится к вопросу предохранения. Я полностью полагаюсь в этом плане на него. — Рудольф Генрихович, объяснитесь.

— А что тут объяснять, когда он присылает в родовой замок любовницу с трёхлетней дочкой? Понятно же, чей ребёнок!

Я хмыкнула и спрятала ухмылку в чашке с чаем.

Асур нахмурился:

— Это что, Рейна так сказала? Что она моя любовница?

— Нет. Она вела себя очень достойно. Сказала, что хочет работать горничной...

Асур тоже все понял, прикусил губу, чтобы не рассмеяться.

— И ты сразу бросился призывать меня к порядку? Может быть, даже лишать наследства? Можно спросить, а тебе что, вообще ни разу в голову не пришло, что это совершенно чужая мне женщина?

Отец нахмурился и покачал головой:

— Девочка много про тебя рассказывала. Что ты красивый, добрый и хороший. Ну и энергия твоя от неё... фонит.

Асур кивнул с невозмутимым видом:

— Ну да. Я же целитель. А Хлоя сильно болела. Я в неё весь резерв влил, — подумал и добавил: — Дважды.

— Так это не твоя дочь? — лицо отца удивленно вытянулось. — Зачем тогда ты из прислал к нам? Зачем письмо это: обязательно пристроить к делу, позаботиться, не прогонять?

— Отец, — Асур все же дрогнул губами, разбивая маску спокойствия. — Ты же сам сказал: не так ты меня воспитывал. Они попали в трудную жизненную ситуацию. Отец ребёнка не признал. Идти некуда. Я девочку с того света не для того вытаскивал, чтобы она с голоду померла. В общежитие к себе тащить их глупо, работу тут дать я им не могу, содержать тоже. Вот и отправил в замок к тебе.

— Мать твоя чуть с ума не сошла от радости, — помолчав, пробормотал отец. — Она думала, что у неё внучка наконец-то. Сам же знаешь: четверо сыновей, шестеро внуков. С девчонкой в замке носятся как со стеклянной вазой.

— Дело ваше, — улыбнулся Асур. — Сами себе придумали, сами и выкручивайтесь.

— Прости, — неожиданно сказал отец.

— Да ладно, что уж. Забавно вышло.

— Что ж, девушку свою представь тогда. Я-то ведь думал, ты из-за Рейны жениться отказался, а тут вовсе и не Рейна...

— Это Милана. Она маг-металлист.

— Интересная барышня. Кто такая, из какой семьи? Учится? Работает?

— Сирота, — нехотя ответила я. — Семья самая простая. Работаю в мастерской артефактора с сестрой.

— Откуда родом?

— Из Буйска.

— С Юга, значит, приехала. Неужели сама? Что ж там, на Юге, плохо было разве? Наши девушки, наоборот, говорят, что там проще

жить.

— На Юге было хорошо, — вздохнула я. — Но патент на работу получить не вышло. Не дают там женщинам патенты. Вот мы с сестрой денег накопили и сюда приехали.

— Давно приехали?

— Этим летом.

К счастью, он не стал спрашивать, как мы познакомились с Асуром. Не знаю, что бы я на это ответила. Вообще замолчал, только чай прихлебывал.

Асур заметно нервничал. По лицу не видно было, но я его знаю: ложкой громко звякнул, чашку не аккуратно поставил, сидел весь напряжённый. Мне тоже этот визит не понравился, но Рудольф Генрихович вёл себя очень прилично. Никак не показывал, что я ему не по душе. Вон, даже чаю с нами выпить не побрезговал.

— А сестра ваша где? — спросил наконец гость.

— Уехала в Большеград с князем Озеровым. Она опытный артефактор.

— А, зеркалограф? Наслышан. Странное изобретение, но если с умом подойти, довольно полезное. Хотя, конечно, Озеров — известный чудаков. Одна его паровая мельница чего стоит! Раньше над ним смеялись, а теперь на Юге на хлебной бирже такую поставили. Сразу зерно в муку мелют и на месте продают. Быстро, качественно, никакого мошенничества. Может, и из зеркалографа толк выйдет.

Я была рада, что отец Асура знаком с изобретениями Озерова. Приятно, что ни говори. Но рассказывать о том, что я тоже определённым образом причастна к зеркалографу, я не стала. Даже Асур не знает. Работа моя была чисто техническая. Вот Аглая — она да, она едва ли не полноценный партнёр князя! *От автора: декабрь - месяц драконов! У [Натальи Белецкой](#) новинка - [Арка истинных. Секрет владыки драконов](#)*

НАТАЛЬЯ
БЕЛЕЦКАЯ

АРКА ИСТИННЫХ

СЕКРЕТ
ВЛАДЫКИ
ДРАКОНОВ

Шла на работу – попала в другой мир. Якобы тут моя истинная пара. Теперь на меня будет предъявлять права какой-то левый мужик. И отказаться, блин, нельзя! Ведь если я это сделаю, то обреку его на страдания и смерть. Как по мне, перспектива не очень. Хотя, может, не все так плохо?

Глава 20. Два князя (продолжение)

Асур с отцом ушли, оставив меня в одиночестве. Мне было неуютно и горько.

Хороший у него отец, вежливый. Не стал закатывать скандала. Любит сына, это понятно. Вон, примчался блюсти его честь и достоинство.

Наверное, у меня в прошлой жизни тоже были хорошие родители. Я их не помнила, оно и понятно — теперь это ни к чему. От меня прежней остались только какие-то жизненные навыки, немного нужных знаний и зачем-то комплексы. Я ведь и раньше, кажется, влюблялась. Возможно, не так сильно, как сейчас — сильнее любить просто невозможно. Но любила, брала и отдавала, совершала ошибки, мечтала о семье и о детях. Только помнится мне, что семья у меня была бестолковая какая-то, и в больничной палате у меня появлялись только врачи.

Хотела бы я семью с Асуром? Не знаю. Не представляю, как бы это было. Свой дом? Мастерская? Кабинет лекаря? Где — тут, на Севере? Или вернуться на Юг в старый дом на окраине Буйска? Тут мне нравилось, но зима порядком надоела, а ведь снег будет лежать ещё месяца три, не меньше. Наверное, когда-нибудь я хотела бы вернуться домой. И если мы с Асуром расстанемся, то непременно и вернусь. Тем более, на патент я почти уже накопила. На счету в банке лежала весьма приятная сумма.

Одной в квартире было неуютно. Матильда вернулась с прогулки, мокрыми лапами пробежалась по полу, запрыгнула на Аглаину кровать и свернулась клубком. Я взяла тряпку, принесла воды. Что ж, если ты не знаешь, чем заняться — приберись в доме. Заодно и в мысли порядок придёт.

Асур не вернулся к ночи, не пришёл и на следующий день. Я уже места себе не находила. Что ему наговорил отец? Хотелось ехать к нему в общежитие, а то и в больницу, но я себя пока держала в руках. Нет, он не может меня так просто бросить! Даже если захочет — сначала объяснится. Я верила в его благородство.

Когда в дверь постучали, я ринулась открывать, даже не вспомнив, что у него были свои ключи.

За дверью снова оказался отец моего любимого.

— Я пришёл поговорить с вами, Милана.

— Проходите, — отошла в сторону я, впуская его в квартиру. Чаю предлагать демонстративно не стала, уселась в единственное кресло. Матильда немедленно запрыгнула ко мне на колени. Я запустила дрожащие пальцы в густую шерсть и молча уставилась на гостя.

Он понимающе усмехнулся, расстегнул пальто, кинул на стол перчатки и сел на стул.

— Вы ведь догадываетесь, о чем будет разговор?

— Разумеется.

— Поймите меня правильно, Милана, вы хорошая девушка. Я даже не могу вас осуждать за то, что вы с моим оболтусом явно спите. Да, это неправильно, но вы маг и он маг. Потому на Юге женщинам до сих пор и не дают патентов — чтобы хоть как-то блюсти нравственность.

— Я его люблю, — горько и безнадежно сказала я, понимая, что это так себе оправдание. Мало ли, кто кого любит.

— И это я вижу. Он вас тоже, наверное, любит. Но вы не пара. Извини, вы никогда не войдете в наш круг. Это невозможно.

Я стиснула руки. И это он ещё не в курсе про мое прошлое. Если б знал, что ещё полтора года назад я была деревенской дурочкой — разговаривал бы по-другому.

— Что вы от меня хотите?

— Сколько?

— Что? — я моргнула и выпрямила спину.

— Сколько денег вы хотите, чтобы уехать и никогда больше не появляться рядом с моим сыном?

— Я не продаюсь.

— Тысячу золотых? Десять тысяч? Сто?

Я задохнулась от изумления. Подобные суммы мне даже не снились. В том кошельке, что оставил мне Асур после нашей первой ночи, было около семидесяти золотых. И это было очень много для меня прошлой. Я могла жить полгода без забот и хлопот. Десяти тысяч мне, наверное, хватит на всю жизнь. А сто... да врет он. Нет у него таких денег!

— Я сама заработаю столько, сколько мне нужно. А любовь и совесть продавать — это подло.

— Понимаю... — он с серьёзным видом кивнул, а потом ударил по больному: — С вами он не будет счастлив. Он привык к совсем другой жизни. Домашний мальчик, любимец семьи, жил даже не в недостатке, в богатстве. Никогда не голодал, не знал ни в чем нужды. Если он выберет вас, а зная Асура — выберет, то семья от него отречётся. Ему придётся и дальше работать по ночам в больнице, вы этого хотите? На сколько его хватит? На год, на два? Потом появятся дети, верно? Он будет работать на износ, чтобы вас прокормить. Особой карьеры не сделает просто потому, что целителей много, дар у него не сказать, что велик.

— Будет жить, как тысячи других людей, какой кошмар, — пробормотала я.

— А вы будете жить с ним. И выбирать, купить ботинки себе или сыну. И копить на образование ребёнка всю жизнь. И голодать порой. И ваши дети, конечно, тоже будут магами, но им придётся работать по ночам и учиться. Замкнутый круг, Милана. Не вырваться.

— То есть вы мне предлагаете отказаться от Асура, чтобы ему было хорошо? — насмешливо спросила я. — А я? Мне все равно вариться в этой каше. Выживать. Много и упорно работать. Копить на новые ботинки. Голодать. Но теперь в одиночестве?

— Возьмите деньги, и вы оба станете свободными и успешными.

— Не в деньгах счастье.

— Вы просто ещё очень молоды и не понимаете жизни.

— Я не буду решать за Асура, — твёрдо сказала я. — Пусть он сам выбирает. Как он скажет, так и будет. Скажет уйти — я уйду. Скажет остаться — останусь.

— Дура вы, Милана, — поднялся Рудольф Генрихович. — Я думал, вы умнее. Что ж, воля ваша. Пожалеете ещё, но обратно время не вернёшь. Счастья и удачи желать не буду. Все равно мне не поверите. Прощайте.

Он ушёл, даже не хлопнув дверью, оставив после себя грязные лужи на только что вымытом полу. А я ещё долго сидела, глядя в окно и совершенно не видя, что там происходит на улице.

А потом вернулась Аглая — очень вовремя. Мне так ее не хватало!

Она была не одна, с ней вместе явился князь Озеров. Ну правильно, второй по счёту князь за день в нашей каморке, бывают в жизни совпадения.

— Ты чего сидишь в темноте, свеч не зажигаешь? А где Асур, на работе, да? Ой, Миланка, у меня такие новости!

Я попыталась улыбнуться, хотя больше хотелось плакать. Наверное, даже получилось.

— Рассказывай. Княже, вы к нам в гости или по делу? Раздевайтесь, садитесь вот в кресло. Знакомьтесь, это Матильда Крысолововна, наш новый член семьи.

— Я замуж выхожу, Милка!

Я схватилась за спинку кресла.

— За Симеона, что ли?

Аглая с блаженной улыбкой мотнула головой.

— За Данила!

— Это мой старшенький, — любезно пояснил Озеров. — Младший свободен. Беру вас обеих, хочешь?

— Спасибо, но мое сердце отдано другому. Как так вышло?

— Данил — студент университета, целитель, кстати. Приехал увидеться со Святогором Велемировичем... Ну вот как-то так вышло.

— Пойди, а я? — до меня вдруг разом дошло. — Ты меня бросаешь?

Э-э-э, мы так не договаривались! Патент — у Аглаи. Мастерская — у Аглаи. За квартиру и то Аглая платит. Что я делать-то буду одна? Как выживу?

— У тебя Асур есть.

— Нет у меня Асура, — нахмурилась я. — Там его отец приехал, ну и... короче, я ему совершенно не понравилась.

— Асур сам так сказал?

— Нет. Пока не сказал.

— Ну и посмотрим, кого он выберет. Если отца, то тут все понятно. Поедешь с нами в усадьбу Озеровых. А дальше уже решим. А если вы с Асуром вместе будете, то не больно-то я вам и нужна, третий лишний все равно. Да ты не переживай, до свадьбы время еще есть. Данилу университет закончить надобно, до тех пор он в Устинске останется, а я не решила пока. Хотелось бы побыстрее вернуться на Юг, но тебя я не брошу.

— Значит, у меня четыре месяца на то, чтобы свой патент получить, — кивнула я, немного успокоенная. — Завтра в банк схожу, там должно быть достаточно денег на уплату пошлины. А экзамен всяко сдам, чего там не сдать-то?

— Вот и правильно, деточка, — прогудел князь Озеров. — Так и нужно. А что за Асур-то? Не мальчик ли целитель, что летом у нас гостил?

— Он.

— Хороший, — одобрил князь. — И с Данилкой они друзья. Умный, спокойный, мне почечуй вылечил.

Я с трудом удержала благодное выражение лица. Представлять Асура, лечащего почечуй у тучного князя, мне не хотелось, но картинка лезла в голову сама.

— А что, отец его против, говоришь? Ох уж эти северные князья, голову высоко носят. Нет бы радоваться, что девочка работающая да даровитая, а им что подавай? Чтобы присесть умела и вилками для рыбы пользоваться. Не бойсь, милая, у меня за столом и вовсе ложкой можно есть, никто не осудит.

Да я уже давно поняла, что князь Озеров — человек, не особо заикленный на приличиях. Проще говоря — свой в доску. А казалось

бы, что Рудольф Генрихович, что Святогор Велемирович — оба знатного рода, оба взрослые мужчины, оба отцы сыновей. Но одному я не по нраву, а другой меня сватает своему сыну. Жаль, что их местами поменять нельзя, я бы от такого свекра, как Озеров, не отказалась!

— А хочешь, я с этим Синегорским поговорю как князь с князем? — щедро предложил Святогор Велемирович. — Спрошу, чем ему моя любимка не угодила! Морду набью может даже...

— Морду — это как-то не по-княжески, — усомнилась я.

— Думаешь? На саблях придется? Так я ж его порешу случайно. Я этих танцев не умею, да и возраст уже, здоровье не то. Поэтому бью точно и быстро, чтобы больше не встал.

— Спасибо, Святогор Велемирович, за заботу, — улыбнулась вымученно я. — Если все прям плохо будет, непременно позову вас на помощь.

Глава 21. Сомнения

Князь ушёл. А сомнения остались.

Аглая вся светилась и была просто бессовестно счастлива. Что бы там у нее ни произошло с Данилом Озеровым, это явно пошло ей на пользу. Неужели я была вот такой же — еще пару дней назад?

— Надо уже начинать шить платье, — щебетала она. — На Юге, наверное, жениться будем, там принято красное, как кровь. А на Севере — белое как снег. Какое мне больше пойдет, Милан?

— Да ты у меня красавица, тебе любой цвет к лицу, — меланхолично ответила я, глядя в потолок. Я лежала на кровати с самого утра. Двигаться не хотелось.

Асур опять не пришел.

— Нет, ну ведь тут еще смысл глубокий заложен, — не унималась счастливая Аглая. — Кровь — это символ рождения, новой жизни. Ну и той крови, что проливается при первой брачной ночи. А снег — это смерть и непорочность. Почти то же самое: девушка умирает, женщина рождается.

Я вяло подумала, что если вдруг пойду замуж, то, наверное, в черном. Никакой непорочности во мне больше нет. И крови не прольется, разве что я Асуру спину расцарапаю во время брачной ночи. Никого другого я своим мужем представить не могла.

— Красное шей. Ты южанка и он южанин. Так привычнее. А белое на брачную ночь приготовь.

— И верно! — Аглая просияла. — Скажи, это ведь не страшно? Я на тебя с Асуром смотрю и понимаю: не может это самое быть отвратительным, верно? Иначе б ты не улыбалась, не радовалась так каждому вашему дню?

— Не страшно, — я стиснула кулаки так сильно, что ногти впились в мякоть ладоней. Только бы не завывать! — Но от мужчины многое зависит. Если он терпелив и нежен, то его жене хорошо будет.

— Я буду этого ждать!

Все, мои нервы не выдержали. Я вскочила с кровати, фальшиво улыбнулась и громко сказала:

— За обедом сбегая. Ты пока отдыхай. Вещи разбери с дороги.

— Давай я с тобой схожу?

— Не нужно. Я недолго. Подышу, мне полезно.

Натянула пальто прямо на домашнее платье, замоталась в шаль, сунула ноги в валенки (так было быстрее) и вылетела на лестницу. Убедилась, что дверь плотно закрыта, упала на ступеньки и сдавленно завyla в коленки. Он не пришёл! Он больше меня не любит! Аглая выйдет замуж, ее сразу позвали, а я так и останусь одна до самой смерти! Переживу, конечно, но как же больно!

— Ты чего на лестнице сидишь? Простудишься ведь, а мне тебя лечить потом. Или твой коварный план в этом и заключается?

Я подняла зареванное лицо:

— Асур?

— А кто ж ещё? Мил, ты плачешь? Что случилось? Тебя кто-то обидел?

Асур мгновенно меня поднял, с тревогой вглядываясь в лицо. Он стоял на ступеньку ниже меня, и наши лица были на одном уровне. Я уткнулась носом в его ухо и выдохнула:

— Ты пришёл.

— Конечно, я пришёл. Как я мог не прийти?

— Я думала... думала, что ты меня бросил! — честно выпалила я.

— Вот просто взял и бросил? Разве ты перчатка? Солнце мое, ну ка погляди на меня! — он пальцем приподнял мой подбородок. — С чего ты такую глупость придумала?

— Ты не приходил, а твой отец сказал, что все равно не позволит...

— Во-первых, я — не мой отец. Я мужчина и сам решаю, с кем мне быть. Его я спрашивать буду в последнюю очередь, должна бы уже понять. А во-вторых, моя недоверчивая, я никогда не сбежал бы без объяснений. Это подло и трусливо, а я не подлец и не трус. И мне сейчас впору оскорбиться твоими словами.

— Ты не приходил! — возмутилась я. — Что мне нужно было думать?

— То, что после Излома года больницы переполнены? — как-то даже насмешливо спросил Асур. — Что мне передохнуть некогда? Переломы, ожоги, обморожения, отравления... хоть запрещай эти праздники.

— Мог бы и маякнуть как-то, — проворчала я, успокаиваясь.

Это ещё не конец. У меня осталось время. Как минимум четыре месяца...

— Мяукнуть? — повторил он в недоумении. — Я что, кот?

— Маякнуть.

— Мая... что? А, от слова «маяк». Это ваше южное наречие, да? Впервые слышу. Мог бы, — он вздохнул и снова прижал меня к себе. — Обязан был хотя бы записку послать с мальчишкой. Но забыл. Помнил, думал об этом... а потом меня отвлекали. Прости.

— Прощаю, — я потерлась об него, словно кошка. — Мне в булочную надо. Сходишь со мной?

— Я уже все принес. Пирог с мясом, молоко, вафли еще твои любимые. Пошли?

— Ага. Аглая тебе будет рада.

— Она уже приехала, да? — в его голосе прозвучало явное разочарование.

— У тебя совершенно пустой резерв, — догадалась я.

— Я просто очень соскучился.

Я задумчиво прикусила губу. У меня все ещё был ключ от каморки Рейны. Пустой, не считая сломанной мебели.

Я потянула Асура за собой, открыла дверь и втокнула его внутрь.

— Ты что задумала?

— Я тоже соскучилась.

Стянула с него пальто, бросила на трехногий стул. Свое кинула туда же. Принялась отстегивать чулки.

— Мил, это как-то...

— Ты не хочешь? — пальцы заledenели, сердце болезненно заколотилось где-то в горле.

— Хочу, конечно, как я могу не хотеть?

Его руки обхватили меня за талию, аккуратно разворачивая. Губы коснулись шеи.

— Руками на стол обопрись.

Я послушалась. Асур не стал заморачиваться с раздеванием, просто закинул мне на плечи тяжелую юбку. Первое же движение бедер опалило как огнем. Я тихо застонала, прогибаясь.

— Молчи, услышат.

Всхлипнула, цепляясь пальцами за край столешницы. Одна его рука притянула меня еще ближе, другая легла на губы. Снова мощный, глубокий толчок. Я мычу ему в ладонь беспомощно. Смешок в волосы

и крепкие зубы, ухватившие кончик уха. Пальцы, скользнувшие вниз по животу.

Вот уж не ожидала, что заманив его сюда, я сама окажусь жертвой! Он теперь двигался очень медленно, дразнил меня зубами и пальцами, подводил к краю и застывал, а я билась, мычала и подавалась бедрами ему навстречу. Как у него это получается? Почему мне каждый раз сносит башню в его руках?

— Все, я больше не могу, — хрипло шепнул Асур, и этих слов оказалось достаточно. Мгновенно закружилась голова, вспыхнули искры под плотно закрытыми веками, тело изогнулось немыслимой дугой. Я молча закричала, а он сжал меня сильно-сильно, выдыхая.

Асур

Когда отец сказал, что Милана ему не пара, целитель разозлился. Семья уже выбрала для Асура невесту, Матильду Славич. Хороший, древний род, пусть и не княжеский, но близкий к государю и славящийся сильными магами, среди которых были и целители. Против Матильды Асур ничего не имел, она была хорошенькой девочкой с темными вьющимися волосами и круглым личиком, красиво танцевала, неплохо пела и играла на нескольких музыкальных инструментах. Умела вести хозяйство и командовать слугами. А что еще приятнее, она была единственным ребенком в семье и за нее давали неплохое приданое.

Матильда Асуру даже нравилась. А вот тот факт, что кто-то, пусть даже старший в роду, распорядился его жизнью — не нравился. Может быть, у них с Матильдой даже что-то получилось бы, если бы их так решительно не сталкивали друг с другом.

По сравнению с Матильдой, Милана, разумеется, была не так уж и прекрасна. У нее не было должного воспитания, она могла ругаться, не умела толком готовить, носила безобразную одежду и совершенно не уважала старших. Это приводило Асура в восторг. Она была настоящая, живая.

Но отец говорил:

— Ты, конечно, можешь спать со своей Милкой. Но женись все равно на порядочной девушке. Зачем тебе гулящая жена?

— Она не гулящая. Она только со мной. Она меня любит.

— Даже спорить не буду. Но ведь она с тобой спит. Ты точно уверен, что ты был ее единственным мужчиной?

— Какая разница? — Нет, Асур не был уверен. Но до сегодняшнего дня ему было плевать.

— Ну как... Вот заявится ее прежний любовник, ты уверен, что она к нему не уйдет? Даже если ты у нее один, то кто сказал, что она всегда будет тебе верна? У нее нет самого главного для жены: чистоты и целомудрия. Сегодня она любит тебя, а завтра полюбит другого. И что? А так же запросто раздвинет перед ним ноги.

— Оскорбляя мою женщину, ты оскорбляешь меня.

— Неужели? — отец смотрел прямо и насмешливо. — Мне кажется, у меня есть причина. Если это твоя женщина, отчего же ты на ней не женился до сих пор? Что тебя остановило? Уж точно не мой запрет!

— Я... — на этот вопрос Асур затруднялся ответить. В самом деле, что? — Женюсь после получения диплома.

— Что изменит твой диплом?

— У меня будет работа. Я смогу ее содержать.

— Да ну? Я так понял, твоя девушка работает и сама себя содержит. Не думаю, что она станет висеть у тебя на шее.

Асур молчал. Впервые у него не было слов. Отец нашел нужную болевую точку.

— Мальчик мой, ты не женился на ней, потому что и сам все понимаешь. Зачем жениться на той, которая и так дает тебе все, что ты захочешь? Она лишь игрушка для тебя. Пополнение резерва? Отлично, тебе это нужно. Игра в любовь? Тоже неплохо. Ты научишься понимать женщин.

— Я не играю, я люблю!

— Хорошо, любишь. А женишься все равно на той, которую уважаешь. Которая создаст уют в твоём доме. Которая родит и правильно воспитает твоих детей. Которую не стыдно будет представить своим друзьям. Которая не ведёт себя в постели, как уличная кошка... Ведь она же ведёт, верно? Она просто маленькая шлюха.

— Не смей!

— Порядочная женщина не должна получать удовольствия в постели. Супружеский долг — это для зачатия. У порядочной женщины совсем другие интересы.

— Ты, кажется, позабыл, что я целитель? — Асур немного пришел в себя от этой ошеломительной атаки. — И разбираюсь в физиологии женщин чуть больше, чем ты. Так вот, мой невежественный родитель, ты будешь удивлен, но и монашка, и Утешительница устроены совершенно одинаково. И если одна из них не получает удовольствия в постели — в первую очередь проблема в мужчине. Просто ты хреновый любовник, вот и все.

— Никто не жаловался, — процедил сквозь зубы отец, багровея.

Но Асура уже понесло:

— Я так понимаю, в постель к матери ты не приходишь с самого дня моего зачатия? А зачем ее тревожить, ведь она порядочная женщина. А ты, как порядочный мужчина, конечно, ходишь к Утешительницам? У мужчины же потребности, верно? И резерв, ты же маг-природник, тебе нужно пополнять резерв?

— Я не изменяю своей жене.

— Тогда мне ее жаль. Столько лет терпеть грязные поползновения... может, даже притворяться... ведь она не должна получать удовольствия в постели с мужем!

— Наш разговор зашел в тупик, — легко поднялся отец, в очередной раз восхищая Асура своей выдержкой. — Полагаю, мне пора возвращаться в Синегорье. А тебя ждет работа.

— Рейну приставьте там к какому-нибудь делу, — усмехнулся целитель. — А то выдумали себе глупостей.

— Это да, — кивнул отец. — А реальность оказалась даже интереснее.

Отец ушел, но семена, кинутые его рукой, все же зацепились за добрую почву. Асур попытался разобраться в себе: а что он в самом деле чувствует к Милане? Любовь ли это? Ему тепло рядом с ней, интересно, весело. Они почти не ссорятся — просто не из-за чего. Она ни в чем его не упрекает, ничего не просит, сама зарабатывает деньги, сама покупает себе нелепые юбки и всякие чулки-перчатки.

С ней уютно. А без нее — плохо, тоскливо и холодно.

Наверное, это и есть ответ?

Хотел бы он, чтобы Милана была с ним всю жизнь, чтобы родила детей? Жить в одном доме? Вместе делить постель — не только при счастливом случае. Не таясь, не стыдясь — называть ее своей?

Сложный вопрос. У Асура до этого дня была лишь одна цель: защитить диплом и стать полноценным целителем. Для этого приходилось скудно питаться, экономить на одежде (счастье еще, что отец был не столь мелочен, чтобы забрать пальто, сшитое у семейного портного), работать по ночам до изнеможения. Милана появилась в его жизни будто бы незаметно, как-то сама по себе. Он ее не искал, не добивался, не ухаживал за ней. Она просто была: как снег или как магический дар. И, признаться, даже если отбросить в сторону все его непонятные чувства, от неё было немало пользы. С ней он и в самом деле перестал забывать ужинать, а уж как раскачал резерв!

Однокурсники ему откровенно завидовали. Девушки были не у многих, а такие, чтобы не отказывали — их просто не существовало в природе. Остальные ходили в дом Утех или перебивались случайными связями с горожанками и прислугой.

Между прочим, чем это могло закончиться, Асур прекрасно разглядел на примере Рейны.

Все же ему несказанно повезло с Миланой!

После двух дней в больнице он понял: отпускать ее нельзя. Мало ли, что там хочет отец! В одном этот старый моралист прав — Асур безобразно небрежен к своей девушке. Прямо с работы целитель завернул в ювелирную лавку и на все имеющиеся у него деньги (это уже вошло в дурную привычку) купил самое красивое кольцо, да ещё попросил, чтобы камень переставили. Пусть будет голубой алмаз как в сережках. Сегодня же он наденет кольцо Милане на палец.

Он нашёл ее плачущей на лестнице, понял, что она плачет из-за него, и ещё больше убедился: так и должно быть. Но когда девушка затянула его в каморку и без стыда и скромности предложила себя, слова отца больно царапнули в душе. А что, если он в чем-то прав? Жена должна быть чиста и добродетельна...

И кольцо осталось лежать в кармане пальто.====*От автора:*
просто показываю новую книгу [Аликс Гифт](#) [Ты же дракон](#)

АЛИКС
ГИФТ

ТЫ ЖЕ
ДРАКОН

Шла на работу – попала в другой мир. Якобы тут моя истинная пара. Теперь на меня будет предъявлять права какой-то левый мужик. И отказаться, блин, нельзя! Ведь если я это сделаю, то обреку его на страдания и смерть. Как по мне, перспектива не очень. Хотя, может, не все так плохо?

Глава 22. Неприятности продолжаются

— В общем, Аглая выходит замуж! — торжественно объявила я, разливая чай в три чашки. Снова. Как я уже привыкла.

Асур вздрогнул и посмотрел на меня как-то странно. Кажется, даже напугано. Я безмятежно улыбнулась: ему можно не волноваться. Я не буду даже намекать. Прав был его отец: ему со мной оставаться — испортить все будущее.

— Вы оба приглашены, конечно, — широко улыбнулась сестрица. — Милана так и вовсе меня под венец поведет, у меня, кроме нее, никого нет. Свадьба в конце весны будет, когда Данил университет окончит.

— А почему откладываете? — спросил Асур.

— Мы не откладываем. Просто всему свое время. Да и жениться хотим на Юге, там же вся родня. Подготовиться же нужно, платья пошить. Гостей позвать, пир закатить, чтобы все, как у людей.

— Ну, тогда все правильно, — кивнул Асур. — Поздравляю!

Радостным он не выглядел. Надеюсь, не придумает себе лишнего. Хотя это моя прерогатива, конечно. Надо его как-то отвлечь от тягостных мыслей.

— Мне бы в банк сходить, — тронула я любимого за рукав. — Сопроводишь? Деньги сниму, заплачу пошлину за патент. Скоро мне придется окончательно стать самостоятельной. Буду сама себе хозяйка.

— Конечно, не вопрос, — Асур с готовностью поднялся. — Пойдем, пока не стемнело.

Наверное, я была счастлива. Мы снова были вместе, шутили, улыбались друг другу. Он помог мне надеть пальто, подал перчатки: пальцы нужно было беречь. Я положила руку ему на локоть, мы чинно шли по улице, словно добропорядочные горожане. Но на душе у меня было беспокойно. Что-то я делала не так. Понять бы, что.

В банке нас ждал сюрприз, и не сказать, чтобы приятный. Денег на счету не оказалось. Ни одного серебряного, что уж говорить о золоте.

— То есть как — счет закрыт? — хлопала я глазами. — Когда? Кем? Погодите, я же считала — там было больше двухсот золотых. Куда они делись?

— Госпожа, счет открывали не вы. Он был на имя Тамира Верьева. У меня нет данных, кто и когда снял все деньги, если вы настаиваете, я напишу письмо в Буйск. Но... тут ведь все очевидно. Кроме вас и открывателя счета прав не было ни у кого. Если вы не снимали деньги...

— Я не снимала!

— Значит, господин Верьев.

— Но... — я едва удерживалась, чтобы не заорать. Юноша в плоской шапочке банковского служащего, стоявший за конторкой, точно не был ни в чем виноват.

— Погодите, это не может быть ошибкой? — вмешался Асур, аккуратно приобняв меня за плечи и отодвинув в сторону. — Кто-то что-то не так записал? Утерян документ?

Юноша вздохнул:

— У нас единственный в Урусе патент на банковское дело. Восемь отделений. Единый свод документов. Вот смотрите, — он достал из шкафа, увешанного охранками, огромную книгу, открыл ее... — Это близнец. Их всего девять — по одному в каждом филиале и одна — в государственной канцелярии. Здесь вписан каждый вкладчик и каждый кредитор. Я открываю страницу “Тамир Верьев и Милана Ковальчик, Буйск” и вижу — на счету чистый ноль. Это значит, что вклад закрыт. Когда и по какой причине, мне неизвестно. Основные бумаги по этому вкладу хранятся там, где его открывали — в Буйске. У нас есть в картотеке записи по суммам, которые вкладывались тут, в Устинске. Но вряд ли вам это как-то поможет.

Мне снова захотелось плакать.

— Пожалуйста, отправьте запрос в Буйск, — попросил Асур.

— Это будет стоить десять серебряных.

Юноша растерянно взглянул на меня.

— У меня с собой столько нет, — шепнул он.

— У меня тоже. Спасибо, я завтра зайду и заплачу.

Мы вышли на улицу. Снова шел снег. Как же он мне осточертел!

— Я не ожидала от дяди Тамира такой подлости, — всхлинула я. Отсутствие денег на счету стало последней каплей. Я задыхалась от обиды и жалости к себе. — Он ведь мне был почти как отец!

— Ш-ш-ш, разберемся, — Асур привлек меня к себе, глядя по плечу. — Может, все же ошибка.

— А может, дядька просто украл мои деньги, воспользовавшись тем, что я далеко? Ну и проклятыми законами Юга, конечно.

Асур вздохнул.

Все было — хуже не придумаешь. Я осталась у разбитого корыта. У меня не было ни денег, ни патента. Да и сестры скоро не будет. Вот тебе и самостоятельность!

— Я что-нибудь придумаю, — решительно сказал Асур. — Может, с отцом поговорю. На самом деле у меня есть деньги, только они под контролем семьи.

— То есть они есть у твоего отца?

— В целом, да, — неохотно признал он.

Я закусила губу и запрокинула голову, загоняя обратно слезы. Что же мне делать?

Аглая, узнав о пропаже денег, ругалась как сапожник.

— Я так и знала, что этот Тамир — мошенник! И тетка Яся твоя — тоже подозрительная какая-то!

— А она тут при чем?

— А зачем ей ключи от нашего дома нужны были? Чего она к нам лезла постоянно?

— Она просто заботилась о нас.

— Да ну? Какая ей с того выгода?

— Ну... она человек хороший? — предположила я. — Асур вон мне денег дал в тот самый первый день. Потом Хлою вылечил. Потом Рейне работу дал. Ему с этого никакой выгоды не было.

— Ты Асура с теткой Ясей не сравнивай. Он совсем другой. Хотя ладно, плевать на тетку. Слушай, а не мог отец Асура напакостить? Он ведь князь Синегорский. Поди и в канцелярию к государю вхож.

— Да ну, это мелко как-то, — усомнилась я. — Да и не князь он, а кто-то пожиже.

— Пожиже... — повторила Аглая. — Тонко подмечено. Ладно, не реви только. Мы что-нибудь придумаем.

— Что? Пошлина — двести золотых, Аглая! Где мне их добыть? Хоть в дом Утех иди, так ведь никто столько не заплатит!

— погоди! — Аглая полезла под матрас, достала оттуда свой кошелек и пересчитала все монеты. — Ну вот, у меня в общей сумме —

двадцать пять золотых. В банке еще пятьдесят. Ой! А если у меня тоже деньги украли? А банк уже закрыт, я до завтра не узнаю!

— Оплата квартиры, еда, материалы, — напонила я. — Нам очень нужны заказы. Но даже если они у нас будут, даже если я буду есть только морковку и капусту, мне все равно столько не накопить за три месяца!

— У нас есть почти половина. И знаешь что? Нужно поговорить с князем. Он ведь в Буйске практически хозяин.

— Не надо, — запротестовала я. — Стыдно.

— За что? За то, что тебя обманули и ограбили? Почему это тебе стыдно? Ты ни в чем не виновата.

— Не надо князю говорить. Сама справлюсь. Будет мне урок — никому доверять нельзя.

— А мне? — обиженно надула губы Аглая.

— Только тебе. Но ты — сестра, ты особенная для меня.

Аглая кивнула, ссыпая монетки в кошель.

— Там еще пирог остался, будешь?

Глава 23. Патент

Аглая обещания не сдержала. Наверное, я даже не могу ее в этом винить. Если бы у нее случились неприятности, то я б звонила во все колокола, которые найду. Я б очень постаралась ей помочь.

Она же, переживая за меня, рассказала о ситуации князю Озерову.

Мне князь нравился. Он был простой в общении, прямой, шумный. Но я не обольщалась: за фасадом доброго дедушки Мороза, щедро раздающего подарки хорошим деткам, скрывался коварный и хитрый ум. Князь — натуральный шахматист, который не только просчитывает все ходы наперед, но еще и грамотно анализирует сложившуюся на поле ситуацию. Мы с ним уже работали вместе, он знал, на что я способна — и не побрезговал лично заявиться в нашу комнатушку с предложением, от которого я не должна была отказаться.

Я налила ему чаю — дурацкая привычка из прошлой жизни, а князь положил передо мной бумагу. Я молча притянула ее к себе, пока не понимая, что он от меня хочет.

— Патент выдан потомственному магу-металлисту Милане Ковальчик... установлен 3-й уровень... с ограничениями по месту работы... Это что за хер... патент такой! — подняла глаза на Озерова и прищурилась. — Вы, драгоценный князь, мошенник и лгун!

— А лгун почему? — заинтересовался Святогор Велемирович. Против мошенника он не возражал.

— Вы меня уверяли, что не можете подписывать патенты!

— Что значит не могу? Очень даже могу! Я ведь князь! Ничем не хуже Синегорских, кстати. Ну подумаешь, дед мой был из крестьян, а у них роду почти тыщца лет, но это совсем не значит, что у них кровь благороднее моей!

— Хорошо, — устало согласилась я. — Вы не можете подписывать патенты женщинам.

— И снова неправда. Я могу. Только не хочу. Потому что меня не поймут.

— А это вот что тогда? — я тряхнула бумагой, хмуря брови.

— Патент. Для тебя. Бесплатно и без экзаменов, заметь. Ты разве не рада?

— С ограничением!

— Для твоего же блага! Будешь у меня под присмотром, а не на этом проклятом Севере, где у тебя воруют деньги со счётов и всякие проходимцы портят тебе жизнь.

— Асур не проходимец! — тут же ошетибилась я.

— Ну конечно. Только с тех пор, как ты с ним связалась, ты о будущем своем совсем не думаешь. Любовь любовью, а разум терять — последнее дело!

Я сердито бросила на стол бумагу:

— Не нужен мне ваш патент! Не такой ценой! Не хватало мне в крепостные по доброй воле идти! Я сама себе хозяйка, а не вот это вот все!

— Не знаю, кто такие крепостные, но у тебя в голове не мозги, а щучья икра! — вспыхнул князь. — На раздумья тебе три дня! Хочешь одна с голой задницей на Севере остаться? Вперёд, мешать не стану.

Я долго ещё сидела возле окна и молча смотрела на падающие с неба хлопья снега. Как все по-дурацки! Казалось бы, в любых мирах: стремись, усердно работай — и все получится. И получилось ведь почти! Мастерская есть, опыт какой-никакой имеется, жить есть где. На патент накопила, мужчина даже есть — полный набор! Что живем небогато — так не голодаем же! На все хватает. Мне всего-то... не знаю, сколько, но чуть за двадцать. Вся жизнь впереди, а я уже многого добилась. А теперь как в игре-ходилке, меня вернули на старт. Деньги украли, любимый как-то охладел, мастерскую придётся закрывать. Остался только опыт...

Давно я уже не вспоминала теорию. Научилась интуитивно чувствовать металлы, разве что теперь я более точно работала с материалами. В Урусе были и справочники, и свои таблицы, и официальные составы сплавов. Теперь у меня были тонкие весы и книга, по которой я контролировала результат. Это в кастрюле без разницы, сколько процентов меди в ручке, а в некоторых артефактах заклинание могло не лечь, и такое бывало. Конечно, есть универсальный материал — серебро. Но иногда требовалось что-то более изысканное или, наоборот, простое. Артефакты встраивали в настенные панели, в часы, в шкатулки, даже в браслеты. Часто — незаметно. Поэтому мы с Аглаей работали и с золотом, и с медью, и с платиной, и с прочими металлами.

На самом деле я очень хотела прослушать курсы металловедения и артефакторики в университете. Денег они стоили не смертельных, а в работе бы оченьгодились. Но теперь мне это было недоступно.

Ладно, не конец света. Найду другую мастерскую, устроюсь подмастерьем, накоплю денег, куплю этот гребаный патент. И никаких больше банков! Под матрасом надежнее.

Предложение князя Озерова я не хотела рассматривать всерьёз. Оно было... не знаю. Хорошим. Вовремя. Бесплатным. Но ограниченным по территории — только во владениях князя. То есть строго на Юге, далеко от университета и от Асура.

Просить целителя ехать со мной я не имела никакого морального права. Я ему не жена, лишь любовница. А уехать одной означает расставание навсегда. Я не готова.

Бумага, оставленная Озеровым на столе, постоянно притягивала мой взгляд. Я оделась и вышла из дома от греха подальше.

В чем-то князь прав. С того дня, как в мою жизнь вернулся Асур, я стала работать меньше и небрежнее. Аглая, вон, умчалась в любимую мастерскую ещё на рассвете, а я до сих пор прохлаждаюсь. В своё оправдание могу сказать лишь то, что заказов для меня пока не было.

Расставаться с сестрой мне отчаянно не хотелось. Я ее полюбила всем сердцем. Да и работали мы в паре куда эффективнее, чем поодиночке. К тому же отпускать ее в Буйск одну я серьезно опасалась. Ну куда она — и в княжны? Она ж даже вилку правильно держать не умеет, не говоря уже о прочих манерах. А танцы? А всяческие знакомства? А умение носить эти их бальные платья с декольте? А каблуки, в конце концов? Я тоже немного умела, но я хотя бы свое место знала.

Ох, Аглайка, ведь натворишь ты делов! И неизвестно, как тебя свекровь примет, такую-то простую, некуртуазную. А тебе даже поплакаться некому будет. Ох, как же я хочу поехать с ней хотя бы на время, чтобы стать ей поддержкой: такой же, как она стала мне в первые дни в Буйске! Но... Но! Слишком много но! На одной чаше весов — патент и сестра. На другой — все мои достижения на Севере и Асур. Что же мне выбрать?

Зимний Устинск строг и красив. У него чистые широкие улицы, дома — чаще двухэтажные, каменные, крашенные белой краской. Окна небольшие, узкие, но рамы непременно разноцветные, то желтые, то зеленые, то лиловые. В городе, где восемь месяцев в году лежит белый снег, яркие краски не роскошь, а средство для поднятия настроения.

Устинск — город деловой. Здесь нет места праздности, как в том же Буйске. Да и не больно-то нагуляешься, когда метель, или снег с дождем, или гололед. На каждом углу трактиры или ресторанчики, или просто кофейни, чтобы замерзший человек мог согреться за миской или чашкой чего-то горячего. Много мастерских, немало и магазинчиков готового платья. А еще здесь самый большой в Уресе университет, а значит, полно молодежи.

Я брела по улицам и понимала, что совершенно не знаю этого города. Никогда я не пыталась стать его частью, проникнуться его духом. Я все делала не так, наступая на любимые грабли, отыгрывая привычный сценарий. Нет бы мне наслаждаться жизнью, напоминая себе о том, что мне дан второй шанс, нет бы стать эгоисткой! Вертеть мужчинами вместо того, чтобы их любить, получить патент самой, а не уступить сестре, в конце концов, открыть новый счет здесь, на Юге и перевести на него деньги... А я в который раз задвинула себя и свои амбиции на задний план.

Дура!

Много работала, хваталась за любой заказ, одержимая единственной целью — стать независимой и накопить хоть немного денег. Я пробегала мимо разноцветных рам, мимо подвальчиков, откуда заманчиво тянуло густым ароматом кофе и выпечки, мимо витрин с мехами и перчатками. Мне все это было не по карману. Я как хомяк, озабоченный выживанием, бегала в своём колесе и тащила каждую заработанную монетку в банк.

Гуляла я только с Асуром, который, казалось, знал Устинск и любил его.

А теперь было поздно. Вот-вот должен был настать тот момент, когда можно было выдохнуть и расслабиться, но все рухнуло. У меня не осталось ничего. И, кажется, никого.

За полтора года я ни разу не пила здесь кофе — на чай еще сподобилась разориться и то не на самый дорогой, но кофе мне мыслился ненужным расточительством. Я все думала: вот заработаю денег, вот получу патент... Ну да, и продолжу копить, теперь уже на книги, на обучение, на свою квартиру или даже дом. Найдутся ли у меня время и деньги на удовольствия?

Я решительно свернула к первому же подвальчику, на стене которого красовалась лаконичная деревянная табличка со схематическим изображением дымящейся чашки. Толкнула тяжелую дверь. Под потолком звякнул колокольчик.

Здесь было довольно тесно, всего лишь небольшой прилавок и три круглых столика с плетеными стульями. Стены из бурого кирпича ничем не прикрыты. Осветительные артефакты тусклые, явно давно не заряженные.

— Что желает госпожа? — из-за стойки поднялась пожилая черноглазая женщина в чепце. Такие давно не носит прогрессивная молодежь. Я вспомнила, что точно такой же чепец был у матушки Ганны.

— Кофе сколько у вас стоит? — спросила я, пересчитывая монетки, найденные в кармане. Не густо, но и не пусто.

— Один серебряный.

Это было дорого. За один серебряный я могла купить целый фунт чаю, которого мне хватило бы на два месяца, не меньше. Но... черт возьми, куда уж мне теперь экономить? Уже наэкономилась. Положила на прилавок серебряную монету.

— Давайте.

Я расстегнула пальто, размотала шарф и села на хлипкий стульчик. Хозяйка или работница, кто их тут, на Севере, разберет, молча исчезла за темной дверью, даже не спросив, какой сорт кофе я предпочитаю, нужны ли мне сливки или, может, специи. Наверное, и кофе тут неважный. Впрочем, я все равно не разбираюсь. Острой стрелой мелькнуло яркое воспоминание. Когда-то я не то, чтобы любила кофе, он был для меня символом счастья. Я пила его в особые моменты: летом на залитой солнцем веранде, на бескрайнем берегу теплого моря, с детьми в уютной кофейне. Иногда на свиданиях с человеком, который мне по-настоящему нравился. Иногда после успешно сданного экзамена. Не чаще двух раз в месяц. И никогда — по утрам или на ходу.

Потому что иначе кофе потерял бы свою магию. И простят меня поклонники этого благородного напитка, я любила со сливками, специями и сиропом. Этакое жидкое пирожное.

— Ваш кофе, госпожа, — передо мной, провалившейся в чужие уже воспоминания, возникла большая керамическая чашка с молочной пенкой.

Я попробовала и мечтательно улыбнулась: точно то, что нужно.

— Как вы узнали, какой кофе я хочу? — спросила я у черноглазой женщины.

На миг возникло предчувствие чего-то волшебного. Вот сейчас она скажет, что умеет читать мысли, что у нее особая магия подавать каждому человеку то, что ему поможет, но...

— Так вы же девушка молодая, — равнодушно ответила черноглазая. — Мужчины пьют черный и крепкий, женщины постарше любят заморские специи, а малышки вроде вас хотят сладкого и нежного.

Я фыркнула, поморщившись. Неужели все так просто? Я настолько предсказуема? А как же сорт, степень обжарки, купаж и что там еще? Просто “девочки любят сладкое”, ага.

Станным образом кофе не потерял от этого своей прелести. Я долго еще сидела, глядя в окно, где самые разные ноги взметали снег. Валенки, щегольские сапожки, мужские остроносые ботинки... Детские валеночки, собачьи лапки, голуби — целиком. Одни ботинки заставили меня встрепенутся. Я оставила пустую чашку и выскочила, даже не запахнув пальто, крикнув вслед знакомому силуэту в черном пальто:

— Асур!

Как я узнала его по одним лишь ботинкам? Зачем побежала следом? Это лишь человек. Не воздух, не магия, не вода. Просто мужчина, без которого я почему-то не мыслила своей жизни.

Он обернулся. Усталый, с кругами под глазами, с обветренными губами. Опять после ночной смены и лекций? А не поссорился бы с отцом, все могло быть совсем по-другому.

— Мила? Откуда ты тут? Почему без шапки и расстегнутая?

— Я кофе пила... там, — махнула рукой в сторону кофейни.

Он неловко накинул мне на волосы шаль и обмотал вокруг шеи. Застегнул пальто.

— Ты как ребенок, — укорил.

— А ты? Опять не спал и не ел, да? Смотреть страшно.

Я взяла его за руку и потянула в сторону ближайшего трактира.

— Мил, оставь. У меня сейчас не очень с деньгами. К тому же это лишнее, не нужно трат. Я все посчитал. Если не брать еду в ресторане, не покупать чай, а варить самим каши и овощи, за четыре месяца мы вдвоем накопим тебе на патент.

Я решительно втолкнула его в трактир:

— Ты целитель! Тебе нельзя без мяса и сладкого! Хозяин, горячий обед! Что сегодня? Чечевичный суп с копчеными ребрышками? Да, давайте. И второе тоже. И крепкого чаю.

— Дурочка, — Асур тяжело опустился на лавку, не раздеваясь, откинул голову на чёрную бревенчатую стену. — Ну вот зачем?

— У меня есть патент, — вырвалось у меня. — Патент мага-металлиста третьего уровня.

Целитель встrepенулся, широко раскрыл глаза.

— Ты нашла деньги? Все же банковская ошибка?

— Нет, князь Озеров подписал, у него есть такое право.

— Это замечательная новость! — Асур по-настоящему обрадовался, бледное его лицо даже порозовело. — Тогда нужно это отметить! Эй, хозяин! Еще две порции пирога с черникой!

— погоди, — я коснулась его руки. — Есть нюанс. Патент князь выписал с ограничением. Только для работы в его владениях.

Улыбка Асура увяла. Он задумался.

— Ты уже все решила?

— Нет. Я сначала хотела с тобой посоветоваться, — и это была чистая правда.

— А что я могу тебе сказать? — он вздохнул и потер лицо руками.

— Разве что попросить подождать четыре месяца, пока я закончу учебу.

— Боюсь, Озеров ждать не захочет. Я ему нужна прямо сейчас.

Он снова вздохнул.

— Ты ведь понимаешь, что князь пользуется твоим уязвимым положением?

— Ага. Это в его стиле: выкрутить руки и сказать, что так и было. Но лучшего варианта у меня сейчас нет.

Я выжидающе поглядела на Асура. Мне нужен был знак от него. Если он только скажет — нет, не уезжай, мы справимся, то я сожгу этот чертов патент в камине! Но он не сказал.

— Возможно, ты и права. Зато на юге, там тепло. Нет этого дурацкого снега. То есть я люблю снег, я к нему привык, а ты — девочка южная. И Аглая рядом будет. И никакой съемной квартиры со странными соседями, у тебя ведь там дом, да? И родня — тетка, дядя.

“Но там не будет тебя!” — хотелось крикнуть мне, но я, конечно, промолчала.

— А у меня сейчас начнется дипломная практика, я все равно пропадать буду целыми днями. Поезжай, Мил. Работа на князя Озерова — это очень хорошо. Единственное, счет здесь открой, не на Юге. Чтобы никто больше не посмел тебя обворовать.

— Да, — с тяжелым сердцем кивнула я. — Это хорошая мысль. А еще я погляжу в глаза дядьке Тамиру и спрошу, какого черта происходит?

— Умница, — Асур отвел глаза. — Я тобой горжусь.

— А ты... приедешь ко мне? — Я все же проглотила гордость и задала вопрос, который мучил меня больше всего.

— Если я буду тебе нужен.

— Ты всегда мне нужен.

Он сжал мои пальцы и слабо улыбнулся.

— Конечно, приеду. Не переживай, четыре месяца быстро пролетят, даже глазом моргнуть не успеешь. А Матильду я обратно в общежитие заберу, там тоже крысы приходят. Все будет хорошо.

— Да. Все будет хорошо, — эхом откликнулась я.

Не реветь, не реветь! Он не сказал, что нам нужно расстаться. Асур знает эту жизнь лучше меня. Если он считает, что предложение князя Озерова стоит рассмотреть, я с ним спорить не буду. Так лучше для всех — и для Аглаи, и для меня, и для Асура.

Я дам согласие князю Озерову.

Асур проводил Милану до мастерской, отказавшись зайти и сославшись на неотложные дела. На душе у него было беспокойно. Карман жгло огнем кольцо. Он хотел, он должен был сделать ей предложение прямо сегодня. Было бы правильно отпустить на Юг не любовницу, а невесту. Так и ему, и ей было бы спокойнее. Но... Юг — это совсем другой мир. Жаркий, праздный, пахнувший зеленью, сеном и фруктами. На юге другие нравы и другие люди. Южные мужчины горячи и стремительны.

Асур провел на юге в гостях у Данилы Озерова все прошлое лето и понял, что он там чужак.

Он ведь нашел Данила и спросил, с чего он так быстро собрался жениться? Тот удивленно поглядел на друга и белозубо улыбнулся:

— А чего тянуть-то? Мне нравится эта девушка. Она особенная. Нужно хватать и увозить ее, пока кто-то другой не разглядел.

— А если потом другая появится... особенная?

— Та пусть себе появляется. Я что, ослик — за каждой морковкой идти? Нет, я свой выбор сделал, — немного подумал и добавил: — Аглая на матушку мою похожа. Такая же упертая. С ней и скучно не будет.

Асур не понимал Данила. В его кругу было принято жениться после долгих ухаживаний. Даже после помолвки мог пройти целый год, а то и два-три до свадьбы. Да и помолвка сопровождалась многими нюансами. Нужно было, чтобы брак был выгоден обеим семьям, чтобы молодые подходили друг другу характерами. Крепость браков тем и объяснялась, что все было рассчитано. Зато потом не было ни скандалов, ни измен, ни брошенных детей. Разве это не лучше, чем вот такое: “она особенная и упертая”?

А любовь — она ведь идет под руку с уважением и благодарностью. Любовь обязательно приходит, если выбрать жену правильно.

Но Асур не хотел правильно, он хотел Милану. Только... слова отца где-то внутри оставили кровоточащую царапину.

Какая она на самом деле? А любит ли она его так же сильно, как он ее? Будет ли она верной женой? Нет, он не станет ее привязывать к себе. Четыре месяца — этого будет достаточно, чтобы понять, насколько крепки их чувства. Пусть у нее будет выбор.

Потому что, откровенно говоря, Милана была гораздо более приспособлена к самостоятельной жизни, чем сам младший княжич.

В последние дни Асур понял, что без родительских денег он мало на что годится. Да, дар есть и неплохой, но диплома пока нет, а когда будет — пока еще дело дойдет до серьезной работы! Опыта мало, постоянных клиентов нет вообще, если не считать пьяниц и дебоширов в бесплатной городской больнице. Что он сам может предложить женщине? Да ему денег не хватит даже ей на новое пальто! А в его кругу принято женщину полностью содержать.

Асур совершенно не умел обращаться с деньгами. У него их не было никогда. Это Милана могла накопить двести золотых. А он сам порой ужинал кипятком с черствой булкой, потому что потратил весь заработок на живой цветок среди зимы (шутка ли, доехать до оранжерей и там купить самую красивую розу) или на билеты до Синегорья для чужой женщины. Сам дурак, конечно. Привык, что деньги у него не заканчиваются.

Двести золотых еще год назад он мог прогулять с друзьями за пару дней. Сейчас же такая сумма казалась ему весьма существенной. Он посчитал: за четыре месяца можно ее накопить, если экономить практически на всем.

Но... Милана и тут справилась без его участия. Боги, как стыдно! Он ничем не смог помочь своей женщине в трудное для нее время.

Глава 24. Возвращение в Буйск

— Я согласна работать на князя Озерова, — сказала я сестре, которая вовсе и не занималась разложенными на столе механизмами, а с мечтательной улыбкой рисовала на листе бумаги силуэт свадебного платья.

— Это прекрасно! — радостно воскликнула Аглая. — Теперь не нужно экономить!

— Угу. Если хочешь, мы можем возвращаться в Буйск хоть завтра.

— А Асур?

— Он не против, — спокойно сказала я. — У него диплом, я ему мешать буду.

Аглая отложила бумагу, внимательно посмотрела мне в лицо и кивнула:

— Закрываем мастерскую? Представь, здесь еще три месяца будет лежать снег, а на Юге через пару недель начнется настоящая весна!

— Потрясающе, — с притворной радостью улыбнулась я. — Мы так успеем вернуться по снегу, а не по грязи.

Аглая дотронулась до моей руки. В ее глазах была тревога.

— Ты уверена, Мила? Точно уверена?

— Абсолютно.

— А Асур?

— Да что Асур? Ему учиться нужно. Обещал приехать. Данил же твой тоже остается.

— Ну, если обещал, то славно, — повеселела Аглая. — Тогда собираемся потихоньку. Если тянуть не будем, то не дилижансом поедем, а в Святогора Велемировича возке.

Я поежилась. Почему-то хитрый князь внушал мне теперь едва ли не отвращение. Головой я понимала, что должна ему быть благодарна, а глупое сердце стучало, что Озеров разлучает меня с любимым.

Уезжали спешно. Князь сказал, что ждать ему нас недосуг, что у него есть дела поважнее, чем прохлаждаться в Устинске, что он нас не торопит. Дилижансы ходят каждую неделю, не спешите, девки.

Мы с Аглаей, вспомнив свою поездку из Буйска на Север, дружно решили, что нам, в общем-то, и собирать особо нечего. Не ахти мы и разжились вещами. Разве что ящик с деталями и инструментами вырос

второе, а одежда только самая необходимая: белье, теплые вещи, обувь... Остальное — на нас. Мешочек с монетами и сестрицын патент бережно уложены в сумку, сумка повешена через плечо. На ноги — валенки, на плечи — шали. Мы готовые.

Уезжали поутру, едва солнце показалось. Возок княжеский, по зимнему времени поставленный на полозья, был куда удобнее дилижанса. Просторный, с мягкими сидениями, с “горячим” камнем, вложенным в специальную нишу на дне, даже с осветительным артефактом, чтобы можно было почитать что-то в дороге. Спать, конечно, места не было, но князь сразу сказал, что он уже не в том возрасте, чтобы ради пары дней добивать свою спину, поэтому будем останавливаться на ночевки в постоянных дворах. Мы с Аглайкой тревожно переглянулись: деньги, деньги. Тратиться на комнаты и на лишнюю еду совершенно не хотелось. Но выбора у нас не было, мы здесь не хозяйки.

Сиденья возка приятно пружинили. Спине и плечам было удобно. Пальто и валенки скинули сразу — тепло как в бане. С одной стороны сели мы с сестрой, напротив нас — князь. Сразу откинулся на спинку и сообщил: спать будет. Куда в него влезало столько спать, я не понимала, ну да ладно. Зато в тишине побудем.

В последний момент примчался Асур, я уж его и не ждала. Да и откуда, он утром никогда не появлялся, у него же учеба или работа. Но прибежал, вытащил меня из возка под недовольное бурчание Святогора Велемировича, поцеловал и сунул в руки какой-то сверток.

— Я приеду к тебе как только смогу. Веди себя хорошо.

— Эй! Это ты себя веди хорошо! Как ты вообще здесь оказался?

— Сбежал с лекций, — легкомысленно отмахнулся целитель. — Ну, счастливой дороги. Приедешь — обязательно напиши.

Эйфории от этой быстрой, смазанной встречи мне хватило на целый день. Пришел! Попрощался! Нашел для меня и время, и возможность! Значит, и вправду любит, значит, у нас есть еще шансы. Что такое четыре месяца, если впереди вся жизнь?

Дорога теперь казалась мне волшебной. И сугробы, и заснеженные деревья, пролетавшие мимо, и покачивание нашего транспорта, и мирный храп Озерова, и лукавые взгляды Аглаи — все радовало, все восхищало. А еще князь оплачивал все наши обеды и ужины, поглядев на доставшуюся деньги сестрицу таким сердитым взглядом, что стало

понятно: он настоящий южный мужчина, который непременно позаботится о своих подопечных.

На постоялом дворе я развернула сверток, что вручил мне Асур, и вскрикнула от восторга: книга! “Основы артефакторики: металлы, заклинания, простейшие механизмы”. Вот это подарок!

Открыла — и пропала. Асур угадал, чем меня порадовать.

«Серебро — металл универсальный, — прочитала я. — На него ложится любое заклинание. Прочие же металлы делятся на металлы земли, воды, огня и воздуха. Прежде, чем вкладывать заклинания, нужно определить, к какому классу оно относится. Порой медь даёт эффект лучше, нежели серебро».

Про классы заклинаний я знала от Аглаи, но были такие артефакты, что очень сложно разобрать, к чему их отнести. Та же охранка — она что: огонь? Нет. Воздух? Земля? Да черт ее знает! А тот артефакт приёма огней от зеркалографа? Его как классифицировать? Разумеется, в университете это все преподают. Но мы люди темные, университетов не заканчивали. К сожалению, даже не начинали. Теперь у меня книга есть, я хоть что-то из неё подчерпну, хотя и не вижу, как Аглая, плетений магических потоков. Я — маг-металлист. По классификации отношусь к магам земли. Здорово.

Читала я до самого рассвета, позабыв про сон. Ах, как жаль, что я не могу учиться! Оказывается, в этом мире столько всего интересного!

— Охранка — это магия земли, — сообщила я Аглае, едва она проснулась.

— Ты что, не ложились?

— Неа. В дороге выплусь.

— Вот дурная баба, — Аглая сладко зевнула и потянулась.

— А магия земли лучше всего ложится на железо и глиний (*алюминий).

— Да отстань! На серебро тоже хорошо ложится.

— А на железо лучше.

— Мил, мне это зачем? Великим артефактором я все равно не стану по причине отсутствия у меня кой-чего между ног. Меня всегда будут считать глупее мужчины. Ну да, заказы будут... от тех, кому на нормального мастера денег не хватает. Поэтому я работаю как умею. Мне этого хватит.

Я бы и хотела возразить, что можно учиться, расти, набираться опыта, да захлопнула рот. Она ведь права, так и есть. В этом мире женщине дорога взамуж и детишек рожать, а остальное от лукавого. И Аглайка работала не потому, что она этого хотела, а чтобы выжить. А теперь ей это не нужно, она себе целого княжича отхватила на зависть всем.

— Ты работать совсем не будешь теперь, да? — тоскливо спросила я.

— Буду, — отвела глаза Аглая. — Для себя и для семьи. Не ради денег. Ну, Святогору Велимировичу ведь нужен артефактор, уверена, он мне дело найдёт.

Я нахмурилась, но спорить не стала. Этот найдёт, кто б сомневался!

Дальнейшая дорога чудесным образом укоротилась. Поскольку читать в движении у меня не получалось — сразу голова кружилась и тошнота подступала, я решила проблему радикально. Днём спала, потом полночи читала. Правда, к концу пути я чувствовала себя совершенно разбитой, но не столь важно. Доехали живыми и ладно.

Стоит признать, дороги здесь куда безопаснее, чем в моем мире: никаких столкновений, пробок нет, ограничения скорости нет. Правда, и дороги как таковые иногда отсутствуют, остаются только направления. Зимой имеются накатанные тракты, летом сухие колеи, а весной и осенью — грязь и распутица. Камнем или досками только близ больших городов мостят.

Буйск — городок небольшой, он подобной чести не удостоился.

А ещё на окраине города, аккуратно недалеко от моего «фамильного» дома теперь суeta и какая-то стройка. Возок княжеский свернул именно туда — ну кто бы мог подумать. И князь не по годам бодро выскочил из экипажа и порысил смотреть. Мы с Аглаей не утерпели, тоже вышли. Конструкция, напоминавшая помесь эйфелевой башни и вывернутых наизнанку гигантских часов, была обтянута лесами, как провинциальная модница — корсетом. Венчали это чудовище знакомые мне зеркала.

— Ох ты ж, батюшки! — задрала голову я. — Это что за монстр?

— Зеркалограф же, — радостно сказал Озеров.

— Я думала, он будет поменьше.

— Чем выше конструкция, тем больше дальность.

— Чем выше конструкция, тем она неустойчивее, — возразила я.

А потом и вовсе сделала недопустимое: слепила снежок и швырнула в ближайшее зеркало. Аглая взвизгнула, а князь остался совершенно невозмутим, даже снисходительная улыбка с лица не исчезла. Все верно: мой снаряд не долетел до цели, в полуметре от хрупкой поверхности свернув в сторону. Не сказать, что я отличалась особой меткостью, но уж мимо такой мишени промазать было сложно. Значит, стоит защита. Это правильно.

— Ну ты уж меня совсем выжившим из ума не считай, — ухмыльнулся Озеров. — Те, кто кличет меня старым дураком, правы

лишь наполовину.

— А я-то вам зачем? — вздохнула я. — Опять зеркала делать?

— Не только. Смотри внимательно!

Князь подошёл к странному механизму вплотную, поднырнул под кривые доски, стащил рукавицы, поплевал на ладони и налёг на один из рычагов. Со скрипом и скрежетом вся эта конструкция принялась поворачиваться, зеркала задвигались, перестраиваясь.

Интересно, у них механизм кузнец ковал, что ли? Ну так это... надо было добавить примечание про «доработать напильником».

Откровенно говоря, в мире, где каждый четвёртый, по статистике, какой-никакой, а маг, про технический прогресс особо не думали. Магия дешевле, проще и безопаснее. Если сравнить, что доступнее — маг-металлист или токарно-винторезный станок, то даже простому человеку понятно, что маг вот он, рядом. А станок ещё разработать и построить нужно.

В некоторые области магии не лезли — в приготовление пищи или то же ткачество, к примеру, или иное «женское» рукоделие. Хотя некоторые швеи с бытовым даром могли и вышивку магией сделать, и одежду подогнать под фигуру, но такие в крупных городах работали, никак не в нашем захолустье. У нас все шили вручную. А на Севере уже и заводы имелись.

— А зачем эту махину поворачивать? — тоскливо спросила я.

— Как зачем? Настройки разные. Смотрит направо — это к Большеграду, смотрит налево — в Белокаменск.

— А прямо?

— А прямо пока линия не построена.

— Линия? — удивленно хлопнула глазами я.

— Линия. Зеркальной связи. Ты же не думаешь, что отсюда свет вот так запросто до Белокаменска дойдет?

Я постыдно промолчала, потому что нет, не думала, конечно, но я вообще об этом зеркалографе не думала. У меня других забот хватало.

— Зачем он вообще нужен, этот зеркалограф? — хмуро спросила я, предчувствуя, как что такое количества металла я буду обрабатывать год, не меньше. А ведь это только в Буйске. Подобных хреновин, стало быть, еще две штуки имеются, а будет гораздо больше, как мне кажется.

— Как зачем? Новости передавать.

— Так «книги-близнецы» же есть.

— Ты хоть представляешь, сколько такие “близнецы” стоят? — ласково спросил Озеров.

Я мотнула головой.

— Дохрена, — рявкнул разозленный моей тупостью князь. — Если я все свое имение продам с Буйском впридачу, то может, и куплю парочку. А простому человеку это и вовсе недоступно.

— Но в банке же есть, я видела.

— Банк чей?

— Чей?

— Го-су-дар-ствен-ный. Из казны, стало быть, выделили. Будь уверена, у Государя и не такие штуки имеются. К тому же технологию производства “близнецов” ты ни в одной книге не найдешь, она строго секретная.

— Ясно. А как люди справляются? Почтой?

— Кто почтой, а кто по старинке воронов посылает. Но гарантировать, что птица в нужное место письмо доставит, не сдохнет по дороге или не потеряет послание, даже природник не может. А тут — почти мгновенная почта. Со скоростью света, если хочешь. Я у государя был, получил добро на экспериментальные образцы. Правда, денег государь не дал... Ну да ладно. Через пару лет зеркалограф Озерова на всех приграничных заставах будет.

— Ну здорово, — вяло кивнула я. — И все мне придется регулировать?

— Нет, маги потом найдутся, те самые, государевы. Как только я докажу всем, что эта штука не просто работает, а приносит пользу. Как справляются в Большеграде и Белокаменске мне, в общем-то, плевать. Ты мне здесь сделай, чтобы как по маслу. Чтобы даже девушка повернуть могла.

— Сложно очень. Я ведь ювелир.

— Ну да. Тут и нужна ювелирная точность, — князь пер к своей цели как носорог, который плохо видит, но при его весе это не его проблема. — Вот и займись. Ты молода, полна сил... Не торопись, делай аккуратно, а я уж в долгу не останусь. А чтоб тебе сподручнее работать было, я тебе выезд из моего удела закрою.

— Навсегда? — мрачно уточнила я, ожидавшая чего-то подобного.

Аглая тихо ахнула.

— Нет, что ты. До тех пор, пока ты мне нужна будешь.

— Вы такой коварный, — вздохнула я. — Все ясно.

— Надеюсь, ты мне тут со злости ничего не разломаешь?

— Нет, я склонностью к самоубийству никогда не отличалась. Но работу мою извольте оплатить золотом. И договор составим честь по чести.

Князь Озеров, может, и передовой изобретатель, и достаточно разумный человек, но я для него — что блоха. Всего лишь сирота, которую и защитить некому. Так что в моих интересах с ним не спорить, во всяком случае, до тех пор, пока не придумаю, как я могу ему противостоять.===*От автора: у [Анны Леденцовской](#) эксклюзивно-новогодняя новинка, [Дракон под шубой](#)*

АННА ЛЕДЕНЦОВСКАЯ

ДРАКОН
ПОД ШУБКОЙ

Тома очень хотела детей и замуж, но вместо этого узнала, что ее почти жених обманщик. Что делать? Плакать? Нет, это не выход. Лучше загадать под бой курантов новое счастье. Стоп! Погодите! Предупреждать надо, что мысли стоит формулировать четче! Дракона и другой мир Тамара не заказывала!

Глава 25. Старое и новое

Домик мой по-прежнему выглядел уныло. Облупившаяся краска, потрескавшаяся штукатурка, крыша... такая себе крыша. Вроде не сильно текла, когда мы уезжали, и на том спасибо. Окна нужно раскрывать, менять разбитые стекла. Дверь бы подновить, разбухла и покосилась со временем.

Дом не изменился, изменилась я. Теперь я хотела большего. Даже наша квартирка в Устинске была более благоустроена.

— Мда, — сказала Аглая, пробираясь по сугробам к заваленному входу. — Тебе не кажется, что это все очень печально? Но с прошлого года оставались дрова в кухне. И у нас есть немного денег. Купим краски, досок, стекла...

Мне было приятно, что она говорит “у нас”, хотя мы обе знали, что я банкрот. Деньги были у нее. Причем на свадебное платье, а не на ремонт дома, в котором она точно не собиралась жить. Но я надеялась, что мы справимся. Должны справиться.

Аглая вынесла две лопаты, одну вручила мне:

— Ну что стоишь как неродная, давай хоть двор почистим.

Я хотела спать, есть, непотребно ругаться и даже немножечко плакать, ощущая себя той самой старухой, которая слишком много хотела от жизни. И осталась с тем же самым разбитым корытом в итоге. Но Аглая была права: поплакать я еще успею. А сейчас нужно убрать снег. Заодно и косточки разомну после утомительной поездки. Ничего не поделаешь, жизнь есть жизнь.

Зато потом мы разожгли огонь, постелили на кухне и заснули, совершенно позабыв про голод. Буквально вырубались.

А наутро в дверь к нам заколотили.

— Кто это такой внимательный? — поднялась я, с досадой отмечая, что отвыкла спать в платье. И волосы растрепались. И ванну принять я вчера не подумала, а зря.

Добралась до двери, распахнула ее, памятуя, что охранки вчера Аглая проверила, все работали, и зашипела злобно:

— А кто это к нам пожаловал? Вам тут не рады, неуважаемый дядюшка!

Тамир, похожий на медведя в своем рыжем овчинном тулупе и лохматой шапке набекрень, решительно меня отстранил и протопал в дом.

— Э, куда!

Но молнией его не долбануло, а жаль.

— Приехала, гулена? Ну как там Север?

— Да уж получше, чем тут. Там хоть никто у меня не воровал. Вот ни единого раза.

— Угомонись, выслушай сначала, — Тамир даже не осерчал. Он подошел к конторке — единственному не ветхому предмету мебели здесь, в доме, и плюхнул на нее увесистый приятно звякающий мешок. — Вот твои деньги, ни монетки не тронул.

— Не поняла. А зачем?

Дядько засопел, закряхтел и признался:

— Князь Озеров меня подговорил. Сказал, что ты девка упрямая, иначе домой не вернешься, а оставлять тебя одну на Севере ему совестно. Пропадешь одна.

— И когда он это подговорил? — прищурилась я. — Перед тем, как в Белокаменск уехать?

— Да после уж. Когда о свадьбе сговорились.

— Как такое возможно?

— Так этот его зеркальный монстр. Из Белокаменска послание отправил своему младшему, а младший мне передал. Я спорить не посмел.

Да уж! Всякого я ожидала, но не такого! Вот что значит — технический прогресс, быстрая связь! Прав князь — штука-то очень полезная получилась. Пока лишь ему полезная, но дальше и остальным пригодится. Но какой стратег, какой коварный и быстрый ум! Даже рассердится толком не получалось, ибо я от души восхитилась хитрым планом Озерова.

— Злишься? — тихо спросил Тамир.

— Очень, — честно сказала я. — Убить готова и тебя, и князюшку.

— Не нужно. Не советую с князем ссориться. Ты ему ничего сделать не сможешь, а вот у него руки длинные. Потом сама жалеть будешь.

Я заглянула в мешок и тяжело вздохнула. Впервые в жизни меня не радовал мягкий блеск золотых монет. Но дядько прав: я бы ни за что не

уехала из Устинска, если бы у меня были деньги. Там ведь Асур. И даже если бы Аглая вышла замуж, все равно б я не уехала.

— Ну ладно, князь, а ты зачем в это ввязался, дядько?

— А ты попробуй ему откажи. У меня патент на содержание постоянного двора кем подписан? У меня девка на выданье, ей нужна княжья немилость? Да и вообще... прикажет Озеров — и пару раз нагрянут ко мне лихие молодцы, посуду побью, окна там, мебель поломают, и что? Сам в ноги упаду и пообещаю любой приказ выполнить.

Я скрипнула зубами. Не ожидала я такой подлости от князя, знала, что он — человек жесткий, несмотря на то, что стелет мягко. Но до такой степени!

А вот до такой, Миланка. Теперь будешь знать.

С хозяйской части выскользнула Аглая — умытая, причесанная и в свежем платье.

— Зравы буде, Тамир Карлович. Какими судьбами?

— Да вот, Аглая Павелевна, должок Миланке возвращаю. Карман уж очень жжет. Никогда прежде чужого не брал, очень неприятные ощущения, знаете ли. Даже пару раз казалось, что собаки вслед брешут не “гав-гав”, а “тать-тать”.

— Похвально, — рассеянно пробормотала Аглая, заглядывая в раскрытый мешок. Широко глаза раскрыла: — Так это что, те твои деньги, Миланка?

— Угу.

— И что ты делать будешь?

— Что-что... дом чинить. Теперь у меня возврата на Север нет, твой будущий свекр любезно ограничил мне выезд. А жить в таком крысятнике что-то не хочется.

— А я, пожалуй, домой поеду. И так тут торчу у сестрицы уже давненько, все твоего возвращения ждал, Милка. Все, прощайте, девки.

— Угу. Дядько... — я вздохнула и попыталась улыбнуться: — На тебя зла не держу. Доброй тебе дороги, семье привет передавай.

— И на том спасибо, дочка. Значит, с легким сердцем уезжаю. И это... князь тебе тоже дурного не желает. Может, оно и к лучшему все.

Я отвернулась. К лучшему, ну конечно! По прихоти старого интригана я бросила все, что у меня было: и мастерскую, и квартиру, и

любимого человека. Только потому, что одному самодуру понадобился свой личный маг-металлист.

Нельзя же так с живыми людьми! Может, он мне жизнь всю поломал!

А ведь самое глупое в этом всем то, что я сама подумывала взять паузу в отношениях с Асуром. Уж больно я стала рядом с ним уязвима. Растворяться начала, себя терять, а это вообще не дело. Мне нужно было отдалиться от него и решить, как строить свою жизнь дальше. Князь Озеров предоставил эту возможность, а я злилась на него за это.

— Ашург меня раздери, какие ножки! — раздалось снизу.

Я от неожиданности чуть не сверзилась с лесов. Все-таки нужно было надевать штаны! Неприлично, говорите? А дамам под юбку заглядывать прилично?

Скосила вниз глаза: ну точно, младшенький Озеров пожаловал. Меня теперь вся эта семейка раздражала, кроме Данила. Данилу я делала скидку: он друг Асура и жених Аглаи. К тому же я лично с ним не знакома.

— Я так понимаю, вы пришли, чтобы крутить рычаги? — бросила я наглецу. — Ну так крутите!

— Я послан вам на помощь небесами!

— Эко вы завернули! Что, батюшка ваш уже скончался? Или изобрел-таки летательный аппарат?

— А вы весьма противная барышня, вам уже говорили?

— Спасибо, сегодня еще нет. Так вы крутить будете? Если нет — проваливайте к чертям.

— Уже кручу.

Он и в самом деле пробрался сквозь доски и налег на рычаг. Механизм заработал, зеркала пришли в движение.

— Стоп! Вижу заминку металла! — крикнула я. — Какой криворукий осел это ковал, интересно мне знать?

И принялась “счищать” лишнее с шестерни величиной с мою голову. Ага, вот тут вмятина, сюда лишний металл и направлю.

— А мне еще крутить?

— Отдыхайте. Это надолго. Я ювелир, а не кузнец, уж простите.

Через полчаса работы я поняла, что обработка огромной поковки магической “пилочкой для ногтей” обходится мне слишком дорого. Начала кружиться голова, пересохло во рту. Нужно спускаться.

В глазах потемнело, я нащупала снизу доску, еще одну, зацепилась подолом за какой-то гвоздь, дернулась... и вспотевшие пальцы вдруг соскользнули.

— А-а-а!

— Поймал!

Лететь было недалеко, да и Симеон Озеров оказался проворнее, чем я ожидала. Поймал меня... можно сказать, в свои объятия. И мне это даже понравилось. Он огромный как медведь, я ему до середины груди. А какие могучие у него руки!

— Подглядывание за барышнями на верхотуре имеет неоспоримые преимущества, — заявил этот чурбан, аккуратно ставя меня на ноги. — Что, перебор? Ювелирша с такой махиной будет копать год, а то и больше.

— Я вашему батюшке так и сказала, — ответила я, усаживаясь прямо на землю и притягивая к себе сумку, куда я утром положила бутылку с медовым сбитнем. — Но разве ж он слушал?

— С батюшкой все ясно, — усмехнулся Симеон, плюхаясь рядом. — У него желание меня обженить. Данька уже попался вон.

— Это на мне, что ли? — хмыкнула я. — Так у меня есть уже жених. Не для вашей корзинки эта ягодка созрела.

— Э-э-э... где-то я это уже слышал, — почесал заросший светлой щетиной подбородок парень.

— Напомнить? На постоялом дворе Тамира Верьева.

— Подавальщица, что ли? Ну точно, я еще подумал, что эту зад... спину где-то видел уже. А ты похорошела.

— А мы уже на ты?

— Так старые знакомцы, — широко ухмыльнулся Симеон и выхватил у меня бутылку. Хлебнул. Закашлялся. — Что за дрянь? Почему так сладко?

— Так я маг, мне нужно силы восстанавливать.

— Ты что, других способов не знаешь?

Я закатила глаза. А еще княжич! Мог бы быть повежливее. И без тупых подкатов.

— Мда. Вот твоя работа — это из пушки по воробьям, — сообщил Симеон очевидное.

— Что ты мне говоришь? Князю вон скажи.

— Я попробую, но за результат не ручаюсь. Знакомиться-то будем? Давай заново начнем, по-хорошему. Я Симеон, можно просто Сёма.

— Милана.

— О! Красивое имя. Милая. Милочка. Милашка.

— Сема, то, что я ювелир, не значит, что я не могу дать в морду.

— Тю! Напугала ежика... Бьет — значит, любит, слышала поговорку?

Я тяжело вздохнула. А можно мне другого помощника?

— Сема, я серьезно. У меня есть жених, я его люблю. Тебя как мужчину я не воспринимаю совершенно, — я попыталась поговорить серьезно. — Давай мы как-то решим, что я не милочка, не милашка, а Милана. Можно Милка. Все.

— Ладно, не злись. Ты все, закончила?

— Нет, сейчас отдохну и снова полезу. Иначе от князя не отвяжешься. Чем быстрее я эту дряньотрегулирую...

— Тем быстрее он тебе другую работу найдет, — пожал плечами парень. — Ты как вообще в это форменное рабство вляпалась? С отцом так нельзя, дай ему палец, он не просто руку откусит, он тебя целиком заглотит.

— Я его должница вроде как.

— Сочувствую. На будущее — никогда и ни за что не бери у моего отца в долг. И даже подарков не принимай, ясно?

— Я уже поняла. Но спасибо за добрый совет. Жаль, что поздно.

Я молча допила свой сбитень и поднялась. Отряхнула юбку, пролезла под доской. Больше наверх не хочу, грохнусь ведь снова. Снизу пока попробую. И на самых маленьких детальках.

— Крутить, что ли?

— Крути.

И снова: найти, где металл цепляется за металл, сгладить, излишек плюхнуть куда-нибудь... да хоть в ближайший гвоздь. Снять, плюхнуть, крутить, снять-плюхнуть-крутить...

— А ну, маленькая, заканчивай, у тебя уже губы синие, — командует Семка и едва ли не силой оттаскивает меня от механизма. — Ты тут помереть вздумала? Не позволю! Теперь понятно, зачем меня приставили. Сама ты до магического выгорания наработаешься!

Он почти силой впихнул мне в руки кусок хлеба с мясом — и где только взял? А потом усадил меня в бречку и повез домой, постоянно оглядываясь — не померла ли я там ненароком? А мне было хорошо. Ничего не чувствовала: ни тоски, ни тревог, ни желаний. Только усталость настолько сильную, что и руки, и ноги мои спеленала, будто тяжелым одеялом. И в голове блаженный туман. Не осталось ни обид на судьбу, ни гнева на Озерова.

Глава 26. Красная лента

Организм у меня был к работе привыкший, поэтому я утром проснулась бодрая и полная сил. Ну как утром — солнце высоко было. И в доме так чисто, как только возможно при общей степени запущенности. На минутку стало стыдно: Аглая одна тут все намывала.

На столе записка: “Ушла к портнихе, завтрак в печке”. Все же повезло мне с сестрой! Заботливая она. Я быстро перекусила кашей, оделась потеплее... А потом подумала: да какого черта? В юбке больше не полезу наверх, куплю штаны мужские. Пусть потом хоть утыкаются в меня пальцами, пусть хоть что за спиной говорят, а убиться раньше времени от того, что я зацепилось за что-то подолом, ну, или сесть в тюрьму за жестокое избиение княжича Озерова я не хотела.

Да и деньги, в конце концов, у меня были. Довольно, наэкономилась уже. Второй раз я такой потери не перенесу, лучше потрачу с пользой.

Яркой вспышкой пришло воспоминание, будто бы чужое: в той, прошлой жизни подобная ситуация случалась не один раз. Сначала были голодные годы, когда обесценилось все в стране, включая ту сумму, которую я откладывала на автомобиль, а потом я дала денег в долг какой-то подруге и обратно их получить уже не смогла. Похоже, мироздание пыталось преподать мне третий и, наверное, последний урок: не жила богато, нечего и начинать. И вообще — в любой непонятной ситуации, Милан, пей кофе и покупай золото. Ну, или штаны для работы.

В Буйске было солнечно и чисто. Дворники здесь регулярно убирали снег, к тому же его было не так уж и много, и я вдобавок заглянула в обувную лавку. В валенках жарко уже, да и по городу неудобно, промокают.

Продавец в лавке смотрел на меня как-то странно, но товар показывал и нахваливал:

— А вот сафьяновые сапожки на шерстяном подкладе. Не смотрите, что мужские, они, скорее, на отрока. Вам впору будут. А вот эти, расшитые серебряной канителью — для знатных барышень, чтобы по мостовой выгуливаться и подковками по камням цокать. Ножка у госпожи крохотная, подойдет вполне.

— Давайте первые, мужские.

Красный цвет на Юге считался строго мужским. Красные сапоги, красные рубахи, красные портки, красные перчатки женщины не надевали. Да и платье красное — только на свадьбу. Но сапоги были до того хороши — и сели ладно, и не жали нигде, и каблук небольшой имелся, и без лишней мишуры — что я не удержалась и немедленно их надела. А валенки лучше в руках понесу, нечего.

— А давайте я серебряные набойки на каблук поставлю? Будете по камушкам цокать, как молодая козочка!

— Спасибо, но я прямо в них пойду. Цокать не хочется как-то.

— А, так барышня не из наших краев? — с любопытством спросил продавец, пересчитывая монеты. — В гости к кому приехали?

— Почему так решили?

— Цокать не хотите, а наши барышни непременно каблук подковывают, чтобы на них внимание обращали. Да и пальто на северный лад. У нас все больше полушубки да тулупы.

— А! Я только что с Севера приехала, все верно. Но я местная, дочь ювелиров Ковальчиков.

Внимательно поглядела на лицо пожилого благообразного мужчины: помнит ли таких? оказалось, помнит. Аж застыл, глазами хлопая.

— О... вот оно как! А я слышал, что девчоночку их не до конца убили. Стало быть, вернулись в родительское гнездо?

— Стало быть, вернулась. Буду теперь на князя Озерова работать, его зеркалограф регулировать.

— Ясно-ясно. А что, от папеньки осталось наследство-то?

— Да где там, дом старый только. Кстати, может знаете, кто отремонтировать стены может? А то я пока знакомствами не обзавелась.

— Так сразу и не скажу. Подходите дня через два, поспрашиваю народ. А в доме что, ничего нет? Мебель, может, какая нужна? У меня родич по матери отменные стулья делает.

— Ничего не осталось, все вынесли. Голые стены, даже стекло не осталось, — пожаловалась я. — Придется все заново покупать.

— Ай-яй-яй! — продавец отчего-то заулыбался. — Но вы все равно приходите, я и брата про стулья спрошу.

— Благодарствую, господин?..

— Горшковы мы, барышня Ковальчик. Демьян Горшков.

— Спасибо, господин Горшков, непременно зайду.

Что ж, этот хотя бы не кричал на весь дом, что я дочь убийцы. И не шарахался от меня, как от чумной. Надеюсь, так и дальше пойдет.

В лавке готового платья про Ковальчиков ничего не знали, зато штаны продать отказывались, насилу уговорила девушку, что там торговала. Девица верещала, что позор, что невозможное неприличие, что даже гулящие бабы в портках по улице не ходят. И даже когда я в красках описала, как княжич Озеров мне под юбку заглядывал, все равно сопротивлялась. Пришлось проявить чудеса дипломатии и поклясться, что в городе я поверх штанов буду юбку широкую носить. Никто во мне блудницу не заподозрит. Врала, конечно, но иначе бы не продала.

Переговоры с девушкой высоких моральных качеств вымотали меня едва ли не так же сильно, как магия. Держа одной рукой сверток с отвоеванными штанами, а другой — пресловутые валенки, я решила, что на сегодня с меня хватит социального взаимодействия. Вот выпью кофе и домой. А там надену новые штаны и снова полезу на леса. Завернула в ближайший ресторан, радуясь, что по местным меркам выгляжу вполне прилично, по-городскому. И пальто, и сапоги, и шаль из козьего пуха. Здесь такие в диковинку были, козы на Юге другие.

— Хозяин, есть ли у вас кофе?

— Имеется, — кивнул степенно рослый мужчина с рыжей короткой бородой и веснушчатым лицом. — Но не берите эту гадость, барышня. Возьмите лучше чаю с баранками. Кофе — это ж дрянь вонючая и горькая.

Я вздохнула. При таком отношении — скорее всего, дрянь и будет. Тут явно готовить не умеют и не хотят учиться.

— Чай так чай. А пироги есть какие?

— С рыбой, с курятиной, со сливой маринованной. С грибами, с творогом соленым, с фаршем мясным, сладкий со сметаной, с творогом сладким...

— Довольно! — радостно замахала руками я. — Несите мне... со сливой и еще с грибами. Что не доем, с собой заверну.

— И правильно. Всем барышня хороша, но только худая очень. Нужно побольше кушать. Небось с Севера приехали к нам? Там любят худых да болезных.

— Местная я, тут, в Буйске родилась.

— И чьих же будете?

— Ювелиров Ковальчиков дочка.

— А, тех, что пятнадцать лет назад в доме порезали? Ну ясно. Сами тоже небось магичка?

— Магичка. И патент на работу имеется.

— Артефактор, небось? — как-то странно посмотрел на меня хозяин.

— Нет, металлистка. Заклинания плести не умею. Но сестра моя плетет. Так что, если нужно будет — обращайтесь. Мы все в том же доме Ковальчиков живем.

— Да упаси небеса, чтоб мне артефакты от Ковальчиков понадобились! — горячо воскликнул мужчина. — Уж как-нибудь обойдусь!*От автора: продолжаем нашествие драконов! На этот раз я показываю книгу Оксаны Северной (Не)счастье для дракона, или будь моей парой*

Бывший жених явился на Новогодний бал с новой невестой. Как спасти свою репутацию? Нужно в кратчайшие сроки найти себе новые отношения! Но времени нет. Лучший выход – заключить сделку на фиктивный брак с драконом. Теперь главное - соблюдать дистанцию и не поддаваться чувствам! Но оказалось, что у судьбы иные планы...

Я кисло улыбнулась и развела руками.

Вот интересно, а два года назад никто на меня косо не смотрел. Но это понять можно. Я ж тогда в Буйске всего несколько месяцев прожила и особо не высывалась. По лавкам и на рынок бегала Аглая, а она местная, к ней никаких вопросов быть не может. А, наверное, стоило и поинтересоваться у людей, из какой семьи я родом была. Но я тогда только делала первые самостоятельные шаги, боялась, что сделаю что-то не так, что меня снова сочтут деревенской дурочкой.

На Севере было проще. Там меня никто не знал, там можно было прикинуться южанкой, которая не знает местных обычаев. На Севере я училась быть полноценным жителем Уруса.

Теперь я совершенно освоилась в этом мире. И вдруг оказалось, что моих родителей все еще помнят. Причем репутация у них... странная.

Кому еще задать вопросы? Аглая года на два меня старше, она мало что помнит. Тетка Яся что-то знает, но сомневаюсь, что расскажет. Тамир здесь бывает наездами. У соседей спрашивать? Южане любят сплетни, доберусь и до соседей. Но сейчас мне пришла самая удачная мысль: а не прогуляться ли мне до полицейского участка? Да и в ратушу к местному мэру, именуемому по-южному "головой". На севере, кстати, мэра называли губернатором.

А потом мимо меня по главной улице прокатилась свадьба: несколько телег, запряженных парами упитанных коротконогих лошадок с разноцветными лентами в гривах и хвостах. В первой телеге стояла молодая пара: девица в меховой шапке набекрень, алом как кровь платье и распахнутой серенькой шубке. Высокая, статная, с румянцем во все лицо и такой счастливой улыбкой, что я застыла. Кудрявый, широкий как шкаф жених (или уже муж?) бережно обнимал ее за пышный зад. Кучер с гиканьем подгонял лошадок, а друзья жениха, сидевшие в телеге, разбрасывали во все стороны пшеницу и мелкие монеты. Кто-то дудел в дудки, кто-то стучал тарелками, а то и вовсе крышками от кастрюль. Нарядные девки на следующей телеге хором распевали какую-то песню и махали лентами. На третьей телеге вперемешку сидели мужики постарше в разноцветных колпаках. Тоже с

дудками, тарелками и мешками с зерном. Шум стоял такой, будто мимо промчался цыганский табор верхом на медведях.

Это была первая свадьба, увиденная мной в Урусе. На Севере мне подобные процессии не встречались.

Я была очарована. Сразу видно, что событие радостное, торжественное. И все такие нарядные, и так весело, и громко!

Первая телега проскочила мимо, а вторая, с девицами, замедлила ход возле меня.

— Замужняя? — крикнула мне одна из девушек, пышная, чернобровая, с тяжелой косой, перекинутой на могучую грудь.

— Нет, — ответила я растеряно.

— По обычаю ленту тяни. Какую ухватишь, та и судьбу предскажет!

И мне в лицо метнулся целый вихрь разноцветных лент. Я подставила ладонь, поймала какую-то из них и потянула на себя. Красная!

— Гарно! В этот же год замуж пойдешь! — расхохоталась девица. — Ну, любо! Гони, совсем отстали!

Я смотрела им вслед и мяла в руках широкую, нарядную красную ленту. Губы у меня дрожали.

Замуж? Да кому я нужна? Асур далеко. Не забудет ли меня? Приедет ли? А вдруг отец его все же отговорит? А вдруг любимый мой поймет, что на мне свет клином не сошелся? А вдруг ему сосватают невесту по чину, скромную, покорную и невинную, аки голубица, из хорошей семьи и с богатым приданым?

А вдруг с ним что случится вдалеке от меня? С больными все же работает, мало ли, эпидемия какая...

В груди закололо, стало трудно дышать.

Как мне сейчас хотелось до него дотронуться, хоть бросай все, хватай коня и скачи на север, нарушая все запреты! Но князь Озеров не позволит, ему зеркалограф важнее, чем чувства какой-то там безродной девки, пусть и мага. Он, пока досуха меня не выжмет, не остановится.

Я побрела домой. Ничего уже не радовало: ни новые сапоги из мягкой кожи, которые нигде не жали, не терли и даже не цокали, ни штаны, более подходящие отроку из приличной семьи, нежели незамужней девице, ни сверток с теплым еще пирогом с лисичками и луком, ни даже воспоминание, что дома у меня — мой родимый

мешочек с честно заработанным золотом. Зачем? Какой во всем этом смысл? Самого главного, самого желанного нет. Верно люди говорят во всех мирах: любовь золотом не купишь, да на замок не закроешь.

Ну так сама и виновата: вцепилась в парня как клещ, забыв совсем, что такая любовь не только счастье, но и боль приносит. Лучше б сердце холодное было, так и жить проще.

А все же — лента была красная. Только кто сказал, что я за Асура выйду? А может, и не придет он, а я с горя рассудок потеряю и Симеону свое согласие отдам?

Глава 27. К истокам 31-1

Из письма Аглаи Данилу

Скучаю страшно, голубь мой. Жду встречи. Живем мы хорошо, не бедствуем. У нас уж весна, солнце во всю жарит. Как же люблю я Буйск!

Сестрица моя совсем исчахла. Видимо, никто, кроме Асура, ей не нужен. Ты уж скажи ему... хотя нет, не нужно. Пусть ему сердце подскажет, как правильно будет.

Из ответного письма Данилы

Сокол наш Синегорский тоже тоскует. Хотя, конечно, тоску глушит как умеет, а умеет он немало. Ничего ему не говорил, уж очень любопытно, что из его затеи выйдет, намекну только, что, если все пойдет так, как он задумал, жди сюрприза, ясная моя.

Тожже скучаю, но тоска эта добрая, приятная, потому как разлука не вечна, а потом мы будем мужем и женою. Разве будущая встреча не стоит любых мук?

****Три недели спустя*

Очередной день прошел мимо меня. Сползая с лесов, я с некоторым недоумением обнаружила, что на холме, где высился зеркалограф, уже не было снега, а среди пожухлой прошлогодней травы кое-где выглядывали первые желтые цветочки. М-м-м, уже весна? Или что? Значит, скоро лето. И выпускники в Северном университете получают дипломы...

Голова снова кружилась, сердце стучало как-то слишком часто. А ещё кашель какой-то привязался, не болезненный, но надоедливый. Акклиматизация, наверное. Я прислонилась к доскам, пытаюсь отдышаться, раскашлялась. В глазах заплясали звездочки.

Тут же подскочил мой бессменный надзиратель, младший княжич Озеров, и подхватил меня на руки. Он был приставлен отцом наблюдать за моей работой и помогать при необходимости там, где хрупкая девица не справится, но стал кем-то вроде няньки и по совместительству защитником от местной шпаны. Мы даже подружились. Почти.

— Так, красна девица, — заявил Симеон, меня в бричку сгружая, как мешок с песком. — Рассказывай, что с тобой происходит.

— А что происходит? — вяло удивилась я. — Работаю я не покладая рук.

— То-то и оно. Исхудала, подурнела, глаза ввалились. Каждый день полумертвая от усталости. Зачем? Ежели тебе так это дело противно, что ты готова резерв выжечь или помереть от истощения, но побыстрее разделаться, то я с отцом переговорю. Найдем мы другого металлиста.

— Да нет, не противно, — промямлила я. — Работа как работа. Обыкновенная.

— Тогда в чем проблема?

— Да ни в чем. Показалось тебе.

— Я сейчас тебя свяжу и буду, как раньше обещался, манной кашей кормить, — сурово заявил Семка. И, похоже, не шутил: вона глаза искры мечут и брови сдвинуты сердито.

— Почему манной?

— А противная она. Особливо, если с маслом. Зато от нее толстеют быстро и жевать не надо, само провалится.

— Добрый ты.

— Уж каков уродился. Так будешь правду говорить, или пытаться тебя?

— Тебе не понять.

— А ты попробуй.

— Тоска меня гложет, — наконец, сформулировала я то, что меня терзало. Не все, но самое безобидное. Про разочарование в себе самой лучше промолчу — за умную сойду. — Люблю сильно. Без него света белого не вижу. Вот такая я дура.

— Почему ж дура? — Семка явно успокоился, видимо, подозревал что-то пострашнее. — Любовь — дело такое. Что же, бросил тебя ненаглядный твой?

— Хуже. Приехать обещался.

— И не приехал?

— Рано еще. Учеба у него. Вот я и гоню время, чтобы побыстрее шло. Работа — сон, работа — сон.

— Так ты не доживешь, влюбленная моя. Или придет твой студент, а тут не Милана, а шкелет, кожей обтянутый. Обрадуется он, скажи мне?

— Нет.

— Вот именно. Ты что ж, думаешь, у него за тебя сердце не болит? Он не скучает? Ты б лучше не убивалась, а к свадьбе готовилась. Наряды шила, дом в порядок приводила.

— Какой свадьбе, окстись. Не звал он меня.

— Тогда зачем тебе такой парень нужен? — искренне удивился Семка. — Гони его в шею. Если ходит к тебе, а замуж не зовет, значит, и не любит, и не уважает. Или что, на Севере так принято — в блуде жить, детей в позоре рожать?

— Какие дети, не будет никаких детей, — пробормотала я, стыдливо пряча глаза.

— Тем более. Какая ж любовь без детей? Дети — это ж счастье и благословение! Когда две реки в одну сливаются, когда живое воплощение вашей любви появляется.

— А ты поэт, — мрачно заметила я.

— Я нормальный человек, который свою женщину не обидит, позаботится о ней. Вот скажи мне, Милка, ты ведь ему уже честь девичью отдала, да? И поэтому держишься за него, что никто больше на нечистую и не взглянет?

От таких слов я даже проснулась и глаза вытаращила.

— Ты дурак что ли? Какая еще девичья честь? Это всего лишь тело. Главное-то, что в душе. А я его всем сердцем люблю.

— Это он тебе такой чуши наговорил?

— Это здравый смысл.

Сказала и поняла, что у меня совсем иное мировоззрение. Они тут по другим законам живут. Здесь целомудрие — благодетель, а женская (не мужская, разумеется) невинность — лучшее приданое.

— Дура, — вздохнул Семка, глаза закатывая. — Видно, крепко тебя по голове приложили в детстве. Ладно, дело твое. Ты мне лучше скажи, а что ты делать будешь, коли он не придет? В речке утопишься?

— Нет, — сглотнула я. — Плакать буду много. Возможно, целый год. А потом дальше жить буду. Работать, гулять, мечтать.

— А сейчас что тебе дальше жить мешает? Ты сама себе и мешаешь, верно?

— Ну... да.

— Вот и ладушки. Неделю отпуска тебе даю, увижу рядом с зеркалографом — руку сломаю, ясно? Спи, гуляй, наряды шей. Кушай хорошо. Отдыхай, в общем.

— Отпуск? — я поморгала, вспоминая, что это странное слово обозначает. — А так можно было, да?

— Именно.

— А князь что на это скажет?

— Я с ним поговорю, — пообещал Сёма. — Ты не о князе думай, а о себе. Его твое здоровье в последнюю очередь волнует.

— Он такой... безжалостный, да?

— Да как сказать, — вздохнул парень. — Понимаешь, отец мой всех вокруг очень любит. Но любовь у него, знаешь, своеобразная очень. Будь в Урусе рабство — он бы коллекционировал талантливых рабов. Но рабства нет, и ему приходится другие способы изыскивать, чтобы нужных людей к себе привязать. Тебя он обманом в свои сети заманил только потому, что иначе придумать не смог.

Я хмыкнула, вспомнив намеки Озерова про товар и купца. Ну да, он пытался. Но у меня были другие планы.

— А Аглаю, видишь, привязал накрепко к семье.

— Я с ней поговорю, — насупилась я.

— А зачем? Она законной женой княжича будет, и уж поверь — отец ее станет любимой доченькой звать и всячески баловать.

— А мать ваша?

— Мама супротив отца никогда и слова не скажет. Любит его очень. Хотя и ругает частенько, а только невсерьез.

Я почесала нос и поежилась. Ой и не нравилось мне все это!

— Все, поехали, домой тебя отвезу. А через неделю проверю — чтоб щеки обратно вернулись и глазки сияли. Как, говоришь, зазнобу твою зовут?

— Асур. Целитель.

— Не тот ли Асур, что у нас прошлое лето гостил?

— Тот.

— И чего ты мне голову морочишь? Отличный он парень, сознательный. И приедет, и женится, конечно, куда денется!

Тихое ворчание о том, что иначе Семка целителю ноги вырвет, я предпочла не заметить. Смалодушничала. В последние дни мне казалось, что Асору и вправду не помешает некоторая помощь с принятием решения. *Кто-то просил дополнительную главу в подарок на Новый год?) Делать?*

— Ты погляди, кто у нас спит до полудня! Никак луна на землю упала? Или розы зимой расцвели? А! Это же Миланка не пошла на работу!

— Отстань, — проворчала я, зарываясь поглубже в пуховое одеяло.
— У меня отпуск.

— Это что за птица такая? Навроде глухаря? Или трясогузка?

— Отпуск — это когда работать не нужно, — я высунула нос из-под одеяла, открыла один глаз и увидела чрезвычайно довольное лицо сестры. — Да ну тебя!

— Вставай уже, петухи пропели часа три назад! — Аглая коварно отобрала у меня подушку. — Между прочим, у нас тут плотники уже работают, а ты все дрыхнешь!

Я моргнула и только теперь услышала дробный стук за стенкой. Плотники? Откуда?

Нет, перемены в доме я замечала. К примеру, на втором этаже Аглая расчистила спальню. Обои ветхие оборвала, стены вымыла, окна расколотила и даже занавески повесила. Стекла здесь уцелели, наверное, поэтому Аглая и взялась за эту комнату. А ещё появились две деревянные кровати с матрасами, подушками и одеялами, куда я каждый вечер заваливалась спать. Справедливости ради, я хоть ничем и не занималась, но половину мешка с деньгами в самый первый день отдала сестре — на текущие расходы. Так что мне было стыдно за то, что я с головой ушла в этот проклятый зеркалограф, но хотя бы платила за все Аглая не из своего кармана.

— А что плотники? — попыталась я сформулировать мысль.

— Полы новые стелят. Тут все мыши да жуки проели. Кухню и лестницу уже доделали, теперь дело за спальнями. А потом кабинет.

— Тут что, и кабинет есть? — удивилась я.

— Был. Две спальни, хозяйская и детская. Уборная. И кабинет снизу. Я его в самом конце планировала отремонтировать, не больно-то он и нужен пока.

— В первую очередь надо было уборную сделать, — проворчала я.
— А то в тазике умываться и в ночную вазу гадить мне уже осточертело.

— Я уже приценилась, даже мастера приглашала, — вздохнула сестра. — Ты не представляешь, как дорого выйдет подвести к дому трубы с водой. Да и долбить полы и стены нужно.

— И сколько?

— Больше, чем у нас денег есть.

— А что мы сами сделать можем? — оживилась я, выползая из тёплой постели и засовывая ноги в войлочные туфли. — Ломать не строить.

— Так проект нужен. Дыр наделать — невелика сложность. А попробуй трубы уложи, да так, чтобы вода вверх шла, а не вниз.

Я задумалась.

— А кто у нас в Буйске начальник водного департамента, не помнишь?

— Так это... Турчин. Ратмир Феофанович.

— А чей он супруг?

— Так это... Есении Карловны.

— Именно. Кстати, не видно что-то тётушки нашей драгоценной. Надо бы в гости к ней наведаться.

— Это тебе не видно. А мне ещё как видно. Она трижды заявлялась, хотела с тобой повстречаться. И дважды чай пила, между прочим. И подушки нам подарила.

— Ой.

Мне снова сделалось стыдно. Теперь точно нужно ехать извиняться. Вот я заработалась! Прав Симеон, ни разу это все не нормально.

— Аглая, солнышко мое весеннее, как правильно сделать? Записку послать ей, что прощения прошу за невнимательность?

— Лучше с записки начать, да. Очень Есения Карловна ругалась последний раз на тебя. Не буду уподобляться, но тебя называли неблагодарной курицей и поганой змеюкой.

— Ясненько. Тогда я сейчас напишу покрасивше. А там уж что ответит.

— Я тебе советую сначала пообедать. Тогда твоя записка будет гораздо искреннее и добрее.

— Позавтракать?

— Пообедать. Говорю же, полдень уже почти. И пойдём кабинет разбирать, там все печально.

«Дражайшая Есения Карловна, прошу простить меня за преступную к вам невнимательность. Не хочу даже оправдываться сложной работой, которую с меня потребовал князь Озеров. Единственное, уповаю на вашу доброту и милосердное сердце. Готова принести свои извинения лично в любое удобное время в том месте, что вы назначите. Ваша неблагодарная приёмная племянница Милана Ковальчик».

— Нормально?

— Ядовито и весьма. Особенно про доброту. Тетка оценит. Дай сюда, я найду конверт и попрошу мальчишку, что плотникам помогает, за малую денежку до дома Турчиных сбегать.

Я усмехнулась: старалась.

Плотники перешли в спальню, а мы спустились в кухню. Здесь были свежие стекла, новая посуда и даже два стула, которые не шатались и не скрипели.

— А почему кастрюля не медная? — спросила я Аглаю, вспомнив, что матушка Ганна иной посуды, кроме медной и глиняной, не признавала, уверяя, что в медных кастрюлях любое блюдо вкуснее выходит, главное, щи кислые в ней не ставить да не хранить ничего. А щи она в чугунном котле варила. Только для кислого его и использовала.

— Мил, а давно мы с тобой разбогатели-то? — Аглая поглядела на меня, как на малое дитя. — Ты представляешь, сколько медная кастрюля стоит?

— Не дороже водопровода, правда?

— Не дороже. Но медную посуду будешь потом себе покупать, когда дом отремонтируешь, стекла вездеставишь и мебель купишь. Я, наверное, к тому времени третьего ребёнка рожу...

Все-таки верно говорят, что дурные сообщества развращают добрые нравы. Какая была хорошая, спокойная и добрая у меня сестрица! А со мной повелась — и язвить научилась, и шутить повсякому... Небось ещё и с женихом спорить будет, и мнение своё отстаивать. Горжусь ей.

Мальчишка-посыльный вернулся с ответной запискою:

«Принимаю извинения строго по пятницам за ужином в восемь вечера. Извиняться приходите вдвоём и прилично одетые. Возможно,

моя доброта покроет вашу невоспитанность. Навечно ваша, Есения Турчина».

Ну вот. Все просто и понятно. Нас с Аглаей ждут в пятницу на ужин.

Глава 28. Семейные тайны

В гости к тетке Ясе мы собирались долго и тщательно. Все же не последний человек в Буйске, когда-то нам покровительствовавший. Достали из сундуков лучшие наряды на северный манер: я — бежевое шерстяное платье с кусочками рыжего меха на рукавах и глухом вороте, Аглая — светло-синий костюм с трехъярусной широкой юбкой и жакетом с золочеными пуговицами. Платье я не любила по причине его повышенной маркости, надевала всего два раза, а купила как обычно — в минуту полного затмения разума. Однако нельзя не признать, что оно мне очень шло, освежая лицо и подчеркивая фигуру таким магическим образом, что я не казалась в нем жертвой холеры, а выглядела изящной и хрупкой, почти воздушной. К платью прилагалась еще рыжая муфта из меха лисицы, но тут не Север, за окном ярко светит солнце. Какая муфта? Мне в тонких перчатках уже жарко! И шаль пора убирать, достаточно цветастого платка из шелковой шерсти.

Аглайка была похожа на офицера, не хватало только пистолетов на поясе, но ей тоже шло. Она забрала темные волосы в гладкую прическу и сразу стала ужасно деловой и строгой. Практически княжна!

Можно было ехать.

Я надеялась, что мы разительно отличались от тех нищенок, что приходили в гости к тетке почти два года назад. Все же и повзрослели, и научились кой-каким манерам (я), и уже умели себя поставить (Аглая). Самостоятельность и независимость вообще благотворно влияют на характер. Застенчивые мямли мало когда добиваются успеха, если, конечно, им не попадается под елкой Морозко. У меня вот в роли волшебника явно выступал князь Озеров, но я вам так скажу: в гробу я видала таких благодетелей. Хотя, возможно, и я не Настенька, и на вопрос “тепло ли тебе, девица” кидаюсь луковицами и непотребно ругаюсь. Ну, каков Морозко, такова и сиротка. Мы друг друга стоим.

А вот тетка ни капли не изменилась, разве что поправилась немного. Снова платье из зеленого, как трава, бархата, снова поджатые недовольно губы. Правда, встречает нас у порога, нам даже не пришлось стучаться — значит, в окно высматривала, ждала.

— Дражайшая тетушка, как я счастлива вас видеть! — я попыталась старую фурию обнять, но наткнулась на удивленный взгляд

и передумала. — Вы, кажется, похудели?

Универсальный комплимент не сработал.

— Нисколько, я вполне здорова, — холодно ответила Есения Карловна. — Даже прибавила фунтов шесть. Проходи, чего ветер в дом пускаешь?

Упс. Я как-то не учла, что на Юге не любят худых.

— Есения Карловна, а мы вам с Устинска подарок привезли, — перетянула внимание на себя умница Аглая. — Шаль из пуха горных северных коз. Теплая очень, но такая тонкая, что через кольцо ее продеть можно. Если, конечно, пальцы не слишком тонкие.

— Деточка, спасибо, ты такая заботливая, — улыбнулась тетка уже гораздо искреннее. — А правду ли говорят, что ты замуж за старшего княжича Озерова собралась?

— Чистая правда. Он как университет закончит, так сразу свадьбу и сыграем, — ответила Аглая.

— Высоконько взлетела дочь кузнецов, — похвалила Есения Карловна. — Всегда знала, что толк из тебя выйдет.

В воздухе прямо-таки повисло: не то, что из Миланки-дурочки.

— Да я что, — прощбетала Аглая. — Вон Милана себе тоже почти что князя Синегорского отхватила! У нее ведь тоже жених!

Я мысленно застонала. Ну зачем? Разве успешность этим определяется? Расскажи лучше про работу, про заказы, про патент, про зеркалограф, в конце концов! При чем тут жених, к тому же практически выдуманный?

Но Аглая однозначно знала этот мир лучше, чем я. Мои акции мгновенно взлетели до небес.

— Как — князя Синегорского? — вскричала тетка, хватаясь за пышную грудь. — Так ведь это едва ли не самый древний и богатый род в Урусе! Родичи самого государя!

— А вот так. Младший сын, правда, зато один из лучших целителей на курсе!

— Милочка, ты должна мне все-все рассказать, — приторно улыбнулась Есения Карловна. — Проходите же в гостиную, я велела ужин там накрыть, так сказать, по-семейному. А что, день свадьбы уже назначен? А познакомились вы как?

Я незаметно ткнула Аглаю в бок. Сама придумала — сама и выкручивайся!

Но Аглая была из тех прирожденных торговок, что снег зимой северному князю продаст.

— А история презанимательная. Юноша пришел к нам в мастерскую чинить свои инструменты. Сами понимаете, для хорошего целителя его всякие там щипчики и ножички — святое, абы кому он их не доверит. К тому же работа тончайшая, можно сказать, ювелирная. Вот он к нам и обратился. А тут Миланка вышла заказ посмотреть, он на нее взглянул и пропал. Позвольте, говорит, вас после работы проводить...

— Ага, — мрачно кивнула я. — А потом я его попросила нашу соседку посмотреть, там девочка которую неделю кашляла.

— И Асур понял, что у Миланки не только личико красивое, но и душа добрая, — безжалостно закончила Аглая, с силой опуская каблук на мою ногу. — Так и закрутилось у них.

Тетка мечтательно вздохнула, а сидевший на диване Ратмир Феофанович одобрительно кивнул. И верно: в глазах горожан мы теперь не две нищие сиротки, а завидные невесты с даром и связями. Таких и в родственницы записать не зазорно.

— А жить где будете? — тетку интересовало все на свете. — На Север поедете, в замок, да? А с домом что, продавать?

— Пока не решили, — туманно ответила я. — Хорошие целители везде нужны. А дом оставим, на Юге так славно летом: солнце, зелень, фрукты да ягоды. Может, и вовсе в Буйске останемся.

Тетка вздрогнула.

— Что ж, в Буйске так в Буйске. Я видела, что вы ремонт затеяли. Получается?

— Вполне! — ответила я, довольная, что она сама на нужную мне тему вышла. — Одна у нас беда: дом старый, водопровода нет. Мастер из водного департамента приходил, такую цену заломил, что дешевле новый дом купить, чем в этом приличную мыльню построить.

И мы с Аглаей преданно усталились на хозяина, ожидая от него хоть каких-то комментариев. Но Ратмир был тертым калачом и на провокации не повелся.

— Ну так князей своих попросите, — с каменным лицом посоветовал он. — Пусть с обеих сторон деньгами помогут. Не бедные ведь люди. Синегорские и вовсе несколькими заводами да десятком шахт владеют.

— А вот этого не надо, — вскинула голову я. — Замуж еще не вышла, а уже побираться? Ну уж нет. Я лучше с тазиками бегать буду. У меня, знаете ли, гордость имеется.

— Воля ваша, — равнодушно ответил Ратмир и придвинул к себе тарелку.

Вот же... сноб! И жмот!

Снова пришла на помощь тетка.

— Рат, так помог бы девочкам. Чай не чужие они нам.

— Во-первых, Яся, если я каждой “девочке” буду бесплатно водопровод проводить, то меня с должности выгонят, — вздохнул супруг. — Во-вторых, Милана, а тем более, Аглая, нам не родня. Мила — всего лишь воспитанница твоего брата. А в-третьих, ну что я могу сделать? Приказать, чтобы мастера бесплатно работали? У нас водный департамент, а не благотворительная организация!

— А все же подумай, может, есть какая лазейка! — не унималась тетка.

— Хорошо, я подумаю, — кротко согласился Ратмир, что в переводе на урусский явно означало “отстань, женщина, я все уже сказал”.

Что ж, нет так нет. Мы хотя бы попытались.

Ужин проходил в неловком молчании. Тетка вначале еще пыталась сгладить эту ситуацию, задавая формальные вопросы про жизнь на Севере, но как-то быстро увяла. Поэтому я решила, что хуже уже не будет, и спросила в лоб:

— Скажите, Есения Карловна, а чем был известен мой отец?

Показалось ли мне, или у нее и в самом деле дрогнули руки?

— Я не имела с ним дела, — после небольшой заминки ответила тетка.

— Так я не про это и спрашиваю.

— С чего вдруг такой любопытство? Матвей Ковальчик давно умер и похоронен. Ты, поди, даже могилу его не видела, а теперь вот интересуешься.

— Люди разное говорят, — пояснила я. — Про артефакты опасные и вообще... А я все же дочка его, наследница. Хочу знать, в чем отца обвиняют, чтобы защищаться.

— А ты не хоти. На Север к своим князьям езжай, там никто Ковальчиков знать не знает и слова дурного тебе не скажет!

— Ага! Значит, есть что-то дурное про него?

— Знать не знаю, ведать не ведаю, — уперлась тетка, еще больше разогревая мое любопытство.

— При обыске в доме Матвея Ковальчика были найдены запретные артефакты, — тихо и спокойно сказал Ратмир Феофанович. — За которые ювелир мог бы пойти под суд, но к тому времени судить его было поздно.

— Да тебе-то откуда знать! — завелась тетка, но ее супруг только пожал плечами:

— Так я с начальником полиции по вторникам и пятницам всегда обедаю. Дело я то помню, не так уж часто в нашей глуши подобные происшествия бывают.

— А что за артефакты? — с горящими глазами спросила я.

— Ну, да хотя бы противозачаточные. Целую коробку нашли.

— Мелочь какая, — фыркнула тетка.

— А еще — ментальные и целительские, но не простые, а обратные.

Повисло тяжелое молчание. Я вообще не разбиралась в артефакторике, поэтому молчала, а Аглая все же спросила.

— А что такое “обратные” артефакты?

— Аглая Павелевна, вам бы стоило хотя бы книжки почитать. Это все на первом курсе университета преподается.

— Подумаешь, — надула губы Аглайка. — Неученые мы. Ну так на должность великого артефактора и не претендуем.

— С такими знаниями вам даже патент выдать не должны были, — безжалостно осадил ее Турчин. — Надеюсь, вы хотя бы знаете о том, что любое ментальное вмешательство запрещено по магической конвенции 3836 года?

— Знаю, — недовольно ответила сестрица. — Это я учила.

— Не соизволите пояснить, почему?

— Потому что откат. Магия может подарить удачу, здоровье, память и прочие приятности, но недолго. Организм и природа стремятся к балансу. За месяц удачи потом можно год неудачливости получить, и это при лучшем раскладе.

— Верно, — кивнул Ратмир Феофанович. — Со здоровьем то же самое, и с памятью тоже. Но кого это останавливало? Ради минутной славы и обогащения люди готовы на все. Студенты перед экзаменами

все равно обвешиваются амулетами. А некоторые певцы и актеры театра пропадают в одночасье, потому что их талант резко заканчивается.

— Так запрещено ведь, — хрипло сказала я.

— Ну, кто-то делает и торгует. В университете — так сами студенты этим и промышляют. Хорошо, что подобной ерундой обычно не слишком умные личности занимаются, те, кому мозгов не хватает просчитать последствия. Таких даже и не жалко.

— Ну да, естественный отбор.

— А вот когда подобные артефакты делает мастер...

— Разве ответственность на одной мастере? — вскинулась я. — Тот, кто использует амулет, тоже делает свой выбор.

— Разумеется. У Ковальчика полиция нашла пачку расписок, в которых клиент брал всю ответственность на себя и уведомлял, что о последствиях предупрежден.

— Тогда не так уж он и виноват, верно?

— Верно. Здесь даже суд бы нашел смягчающие обстоятельства. Отделался бы господин ювелир потерей патента артефактора и крупным штрафом. На заключение никак подобное не тянуло. Но было и еще кое-то.

— Обратные артефакты? — вспомнила я.

— Именно. Кто-то из вас двоих изучал прикладное металловедение в артефакторике? Хотя о чем я спрашиваю...

— Я изучала! — радостно ответила я, впрочем, догадываясь, что ничего хорошего меня не ждет.

— Про то, что определенные заклинания ложатся на определенные металлы, знаешь?

— Да. И про металлы огня, и про металлы земли.

— А какой эффект будет, если поставить заклинание на неправильный металл?

— Я знаю! — быстро сказала Аглая. — Оно не встанет просто. Я пробовала.

— Это в лучшем случае, — торжественно и мрачно провозгласил Ратмир. — Те же целительские плетения встают практически в любой металл. Но есть нюанс...

Я вспомнила, что про это тоже было в моей книге. Только вскользь, как приписка. Дескать, если заклинание против мигреней поставить не

на серебро или железо, а допустим, на медь, то оно, напротив, головные боли усилит. Целительство относится строго к магии земли. В металлы огня и воздуха такие плетения ставить просто запрещено.

— Насколько опасны были артефакты? — спросила я у Ратмира, боясь услышать ответ.

— Не смертельные, — успокоил он меня. — Но хорошего мало. Представь, что будет с человеком, который пользуется какой-то повседневной вещи, а на ней обратно поставлено заклинание от чесотки? Или от почечуя? Или вовсе от сердечной недостаточности?

— И много было таких опасных штук?

— Две или три. Но для тюрьмы и этого достаточно. Только, барышни, это не для широкой публики сведения. Впрочем, если вы кому-то расскажете — ваши проблемы будут. У нас народ такой, Миланке потом все припомнят.

Я побарабанила пальцами по столу. Получается, то, что мой отец обвинялся в убийстве — не самая большая проблема. Запрещенная магия даже опаснее.

— Собственно, дело до сих пор не закрыто, — спокойно сообщил Ратмир. — Неизвестно, какие артефакты ушли в продажу. Записей, как вы понимаете, Матвей не оставил, предусмотрительный. И все смерти от болезней и самоубийства теперь проверяются на предмет воздействия. Ну и скорее всего, вся эта история с убийством была подстроена. Не тот человек был Ковальчик, чтобы топором размахивать. Если б он захотел кого-то убить, он бы сделал это куда изящнее.

Легче мне не стало. Судить отца я не могла. Кто знает, какие у него были мотивы. К тому же мне проще было считать его лишь инструментом. Ну, или оружейником. Он делал ножи, а уж как-там покупатель этот нож использовал — на его совести.

— Знаете, я кроме как с серебром, теперь ни с чем больше работать не буду, — тихо сказала сестра. — Так спокойнее.

— Вывод неправильный, барышня Аглая. Вам нужно учиться. И не нарушать закон. Этого достаточно для спокойной жизни.

Глава 29. Женихи

Домой мы возвращались в молчании. Отказались от экипажа, побрели пешком. Хотелось отдышаться. Мне было тошно и противно. Хорошо еще, что это был не совсем мой отец. Возможно, во мне его кровь, но душа у меня из другого мира, где я никогда в сомнительные мероприятия не лезла. Да что уж там, я даже на выборы не ходила!

— Знаешь, — сказала Аглая. — Лучше бы нам с тобой молчать обо всем об этом. Представь, что будет, если Святогор Велеславович узнает про обратные артефакты.

Я содрогнулась. Да уж, князь непременно в это дело по уши влезет, а ведь у него полный комплект мастеров имеется — и артефактор, и ювелир. Потом ведь ввек не отвяжемся.

— И ты все равно замуж за Данила собираешься? — спросила я сестру. — Даже зная, какой человек твой будущий свекр?

— Еще как собираюсь, — заверила меня Аглая. — Не за князя ведь. Сама посуди, такой шанс упускать нельзя. Данил мне очень-очень нравится, да и княжич он. А ведь на меня не каждый кузнец или плотник поглядел бы, сирота потому что и за душой ничего.

— Так уж и ничего? А дар магический? А трудолюбие и упорство? А патент на работу?

— Ну дар куда ни шло. А патент, скорее, минус. Не любят на Юге, когда жена работает. Женщине нужно дома сидеть, за хозяйством смотреть да детишек рожать. А уж если у жены мастерская своя... тут еще хуже. Кто ж пойдет к ней приживальцем, это позор неописуемый! Вот и выходит, что тот, кто мне по чину подходит, на меня глядеть боится, а для какого-то купца или важного мастера я слишком мелкая птичка. Всего и надежды, что кто-то влюбится насмерть, как твой Асур в тебя.

— Разве ты хочешь дома сидеть и детей рожать?

— Хочу. Хочу точно знать, что с голоду не помру, что дрова зимой будут, что на улицу меня не погонят, если я за квартиру не смогу платить. Хочу, чтобы мне подарки дарили, чтобы заботились. Я ведь не такая, как ты, Милка. Мне много не нужно...

— Ну да, всего лишь старший княжич, — проворчала я, пряча улыбку.

— А хоть бы и так! Что ж я, недостойная?

— Ты самая прекрасная девушка Уруса, — уверила я Аглаю. — Ты самого лучшего жениха достойна. Ты красивая, умная, талантливая...

Аглая вдруг остановилась, развернулась и бросилась мне на шею.

— Это все ты меня научила! Если б не ты, я бы все еще жила одна и работала на кого-то! Да если б не ты, то я б и на Данила не поглядела никогда. Подумала бы, что он шутит со мной, насмехается. Сиротка и княжич — вот ведь потеха какая!

— А я то тут при чем? — выплюнула я изо рта Аглайкину косу. — Ты все сама, все сама. Да пусти, задушишь!

— А просто ты с Асуром вместе была, а он ведь тоже княжич, и ни тебя, ни его это не волновало. Да еще ты меня всегда хвалила, говорила, что умница и красавица. Вот я и решила, а что, если я и взаправду такая? А что, если Данил тоже меня такой вот видит?

— Ну конечно, ты такая!

— Такая, да не такая! Внешне и не поменялось ничего. Тот же нос, те же губы, косы разве что выросли. А внутри я ж красавица. Чем не княжна?

Мы засмеялись.

— А пойдём кофе пить? — предложила я.

— Чтоб потом всю ночь не спать? Поздно уже, приличные заведения закрыты, а неприличных нам не нужно. И вообще, я тебе зерен куплю, я видела в одной лавке, а ты сама себе вари. Нечего тут... нам на водопровод нужно копить.

Небо давно уж почернело и вспыхнуло звездами, но фонари горели ярко. Попробовали б они не гореть, когда князь, самый главный в этих краях человек, в Буйске свой дом имеет, да еще зеркалограф установил! А ну как такая важная птица ночью прогуляться вздумает, а на улице темно? Может, он еще дыру в брусчатке найдет и ногу подвернет? Нет, голова не был дураком. Он город держал твердою рукой. Поэтому и ночную стражу мы видели уже дважды, а на третий раз молодцы заявили, что мы — личности подозрительные. Не то бабы, не то упырихи, по темноте не разглядишь. И чтобы никого мы не покусали, нас нужно до дому сопровождать.

А мы что, мы разве против?

Понятное дело, в страже парни молодые, веселые. А тут две девки юные ночью гуляют. Грех ведь не познакомиться да себя не показать!

А когда мы к дому подошли, с крыльца поднялись две тени, и одна молвила знакомым голосом:

— Ты погляди, каковы на Юге барышни ветренные. Тут женихи их у порога дожидаются, а они гуляют до самой луны! Да не одни, а с шестеркой гвардейцев!

— И точно, — согласилась вторая тень. — Куда там бедным целителям до таких богатырей! Ой, чует мое сердце...

Что там его сердце чуяло, я уже не слышала, потому как завизжала на всю спящую улицу и птицей бросилась к первому гостю. И плевать, что неоткуда тут ему взятся. Чудеса иногда случаются даже с такими как я.

— Асур!

— Ласточка моя!

Он стиснул меня в объятиях, заглядывая в лицо. Я не верила, что это все мне не снится, но все равно плакала и смеялась одновременно. Здесь, со мной, приехал!

— Ш-ш-ш, ну чего ты плачешь? Я хотел тебя порадовать, а ты...

— Это я от счастья.

— Ну, если от счастья, то немного можно.

— Если б ты знал, как я соскучилась!

— Я тоже скучал, милая.

— Но как? Как это возможно? Ты же должен выпускные экзамены сдавать сейчас!

— Да я все сдал. Мне половину так зачли, я ведь работал едва ли не больше всех на курсе. А с другими преподавателями договорился. Ну, мы с Данькой договорились вдвоем. Нам, как одним из лучших, вполне пошли навстречу.

— И ты сразу ко мне?

— Нет, я еще домой заехал. Нужно было кошку пристроить, не тащить же ее через весь Урус! Ну и с отцом переговорил.

К моменту возвращения в замок Асур уже точно знал, чего он хочет. На все родительские расспросы только рукой махнул. Мать волновалась, хлопотала вокруг него, старшие братья пытались учить уму-разуму, но целителю было не до них.

У него были диплом, кошка и любимая женщина.

С удивлением он узнал, что Рейна в замке не осталась. Мать, долгое время мечтавшая о дочке, сильно привязалась к малышке Хлое. Раз уж девочка оказалась не ее внучкой, она решила взять ее на воспитание. Неизвестно, как она договорилась с Рейной, может, денег ей дала, а может, убедила в том, что девочке точно будет лучше расти княжеской воспитанницей, нежели незаконной дочерью горничной. Одним словом, Рейна ушла, а Хлоя осталась.

Асур на это плечами пожал и решил, что он в любом случае сделал все, что мог. Да у него и без всяких там горничных дел не мало было.

Он собрал те вещи, которые по праву мог считать своими: рубашки, обувь, белье, кое-какое оружие, мужские украшения, что дарились ему на праздники. Не так уж и много набралось, но все же не с пустыми руками поедет.

Вышел в последний раз прогуляться по тем местам, которые так любил в детстве, дошел до обрыва недалеко от замка. На Севере еще лежал снег, много снега. И растает он не скоро. Где-то снизу чернел хвойный лес, курилась дымом деревенька. Была в этой неподвижной стылости своя суровая красота, хоть и не такая яркая и живая, как на Юге. Но это был его дом, место, где он родился и вырос. Здесь он всегда чувствовал себя в безопасности.

Жалел ли Асур, что уезжает? Нет. Человек не дерево, ему на то ноги и даны, чтобы идти туда, куда зовет сердце.

Юноша потуже запахнул пальто, спрятал руки в карманах, жалея, что позабыл перчатки. Улыбнулся сам себе. Уже скоро.

— Уезжаешь? — Отец, конечно, знал, где его искать. Да и поговорить следовало.

Асур хорошо знал своего отца и первым разговор начинать не спешил. Дождался-таки, пока тот созреет. К счастью, ждать пришлось недолго. Зато теперь получилось, что это отец в роли просителя, а у Асура явное преимущество.

Он помолчал, наслаждаясь своей мимолетной властью, спрятал улыбку и ответил неторопливо, но твердо.

— Уезжаю.

— К ней?

— Да.

— Стоит ли эта девица того, чтобы ты все бросил ради нее?

— Как тебе сказать...Понимаешь, я и без неё вполне справляюсь. У меня все получается: работа, учеба, жизнь. Но оно не совсем настоящее. Словно краски исчезли. У меня есть все, кроме счастья.

Асур сцепил руки за спиной и покачнулся с носка на пятки. Он не поворачивался, смотрел куда-то поверх леса.

— На другой чаше весов — нищета и тяжелый труд, — предупредил его отец.

— Глупости, я хороший целитель. Все будет, пусть и не сразу. И дети будут, наши с ней дети. Я хочу их куда больше, чем детей от какой-то там Матильды. Да и вообще... Матильда — это кошка!

— Кошка, — фыркнул отец. — Нам еще одной кошки в замке не хватало только! Сначала девчонка, теперь кошка...

— Ну, внуков же ты все равно не хочешь. Тех, которые у меня будут от Миланы.

— Решил, значит?

— Да. Решил.

— Тогда что ты здесь делаешь? — Рудольф Генрихович смотрел на сына с легким удивлением. — Тебе нужен пинок под зад или что?

— Мне нужно объяснить тебе, почему я выбираю ее. Да, Милана не умеет петь и танцевать. Да, она никогда не будет покорной женой. Она непотребно ругается, она не умеет готовить, она потрясающая в постели...

— Последнее было излишним.

— Я люблю и тебя, и маму, и братьев. Но между вами и ей я выбираю себя. И своё счастье.

Он усмехнулся и широким шагом ушёл в замок, оставляя отца в одиночестве.

— Надо же, Асур наконец повзрослел, — пробормотал младший князь. — Я уж думал, что не дождусь.

А дальше все сложилось само. У Данила был свой экипаж — его-то отец не был против свадьбы с какой-то там артефакторшей. Более того, сам молодых людей и познакомил. Асур вернулся в Устинск, продал несколько колец и запонок, купил нужные и важные вещи, а потом вместе в другом отправился на Юг. Снег уже сходил, дороги увязли в грязевой каше. Добирались трудно, изгваздались по уши, когда вытаскивали экипаж из ямы, потом еще ось пришлось чинить, но это уже не сами, а плотника ждали.

Но оба мужчины нисколько не унывали. Они ехали к невестам, разве нашлось бы в целом свете что-то, что могло их остановить?

Глава 30. Невесты

— Вы, конечно, гостиницу уже не найдете, ночь совсем, — тут же принялась командовать сияющая от счастья Аглая. — Но у нас только одна спальня более-менее в порядок приведена. Думаю, мы ее уступим гостям, а сами переночуем на кухне, да Милан?

— Нет, — не согласился Данил. — Не дело мужчинам девушек из постелей прогонять. Мы привычные, сами на кухне ляжем.

Я посмотрела на сестру и грустно вздохнула. Предлагать вариант “расделиться парами мальчик-девочка” смысла не имело. Не согласится, для нее это распущенность ужасная.

— Да, мы лучше на кухне, — усмехнулся Асур. — Заодно и перекусим перед сном. Мы как-то очень давно обедали.

— Нет, так не положено на Юге, — заупрямилась было Аглая, но Данил осторожно приобнял ее за плечи и стал что-то шептать на ушко, от чего у сестрицы щеки вспыхнули огнем и глаза заблестели.

— Милан, вода у вас где? — спросил тем временем Асур. — Данька с печкой пусть разбирается, а я воды принесу. Хоть умыться с дороги.

— Да, пойдем, покажу, где колодец.

Едва мы вышли с кухни, он притиснул меня к стене и принялся целовать — нетерпеливо, жадно, развязно. Раньше он не больно-то такое себе позволял, особенно, если рядом были люди. Соскучился? Меня словно кипятком ошпарило, всю затрясло, по спине и рукам пробежали колючие мурашки, ноги подкосились. Я ощутила, что и он дрожит, что возбужден не меньше, а то и больше меня. Всю меня ощупал, оставив одну руку на груди. Губы блуждали по щеке, скуле, щеке, он тяжело дышал. Я гладила его спину и пыталась добраться до голой кожи, но он был упакован в теплый дорожный костюм так тщательно, что я не преуспела.

— Прости, я не сдержался. — Асур нашел в себе силы сделать шаг назад. Я же стояла возле стены, боясь, что сейчас съеду на пол. — Рядом с тобой голову теряю.

— Я тебя очень понимаю. Но нельзя.

— Сестрица твоя строгая не даст нам ни единого шанса?

— Нет. Ты будешь спать на кухне. А я — сверху.

— Радует меня только то, что страдать мы будем одинаково.

Я хмыкнула, с некоторым трудом приходя в себя. Век бы так страдала, только б он рядом был!

— Вода, — напомнила я. — В колодце. Ведра возле крыльца.

— Да, конечно. Пойдем.

Шумно вздохнул, обжег меня пламенным взглядом, прикусил губу. Я едва смогла удержаться, чтобы снова не кинуться ему на шею. Теперь Асур казался мне далеким и даже немного чужим, но менее желанным не стал.

Мы принесли воду. Аглая пыталась командовать, но Данил ей велел идти спать, а она вдруг послушалась. Это было очень на нее не похоже. Я покачала головой и ушла следом, показав мужчинам, где можно взять лохань, если им хватит сил искупаться.

Разделась, упала в кровать. Тело горело, в животе плескался жидкий огонь. Возбуждение было таким сильным, что это даже пугало. Пока его не было рядом, меня не слишком тревожило воздержание, но рядом с ним все изменилось. Это все гормоны, наверное. Не припомню, чтобы в прошлой жизни я так хотела близости с мужчиной. Теперь же... черт, все мысли об одном! Прикрыла глаза, представляя в красках все то, чем могла бы сейчас заниматься вдвоем с Асуром.

— Прекрати, — прошипела сестрица.

— Что?

— Вдыхать и ворочаться! Ты меня смущаешь!

— Чем это?

— Я не знаю, как объяснить... Но глядя на вас с Асуром я с нетерпением жду свадьбы и брачной ночи теперь.

— Ну, у тебя Данил ведь тоже целитель. Уверена, тебе понравится. Кстати, хочешь совет?

— Ну?

— Попроси жениха поучить тебя целоваться.

— Зачем? Это неприлично!

— С чего бы? Ты ж не в постель его позовешь. Просто — поближе друг друга узнать. И получить немного вполне допустимого удовольствия.

— Я... подумаю.

С довольным видом я отвернулась к стенке, радуясь, что темнота скрывает мою ехидную улыбку. Подло? Не спорю. Ничего, не все мне

одной страдать!

— И имей в виду, я Асура в доме не оставлю! — грозно прошептала Аглая. — Нечего вам делать до свадьбы под одной крышей!

Я была с ней не согласна.

— Очень даже много чего я могла бы с ним делать! Например, кабинет разобрать!

— Мы в Буйске, здесь нас каждая собака знает! Слухи пойдут мигом. Если тебе твоя репутация не дорога, то я не хочу, чтобы и меня задело. Пойми, это не Север. Никто потом не придёт к магичке, зная, что она... ну... блудница!

Я зашипела как кошка. Какая дурь! Как связаны мои профессиональные навыки с тем, что у меня между ног? И при чем тут «блудница»? Я что, мужиков собралась водить? Один-единственный, любимый!

Но с Аглаей спорить бесполезно. Я вовсе не хотела рассориться насмерть с единственным родным человеком. Если я сделаю по-своему, она уйдёт и, в общем-то, будет даже права. Здесь совсем другие порядки, пора бы уже привыкнуть. Даже если мне что-то не нравится, этот мир под меня подстраиваться не будет. Увы. Кажется, мне придётся учиться воздержанию! Ну, или обжиматься с Асуром по углам, как подросткам.

С этими унылыми мыслями я и провалилась в сон, а что мне снилось, я никогда никому не расскажу. Достаточно того, что я поутру очень пожалела об отсутствии в доме водопровода.

Утро встретило меня ароматами блинчиков. Аглаи в спальне уже не было, значит — это она в кухне хозяйничает. Ну а кто же ещё, не целители ведь?

Я спустилась и поняла свою ошибку. Ещё как целители. Аглая сидела на стуле возле окна, а Данил ловко орудовал сковородкой и лопаткой. А Асур споро расставлял на столе мисочки со сметаной, мёдом и вареньем. Остро пахло кофе — настоящим, чёрным, а не желудёвой бурдой, которую продавали в большинстве заведений Буйска.

— Кофе? — повела носом я.

— Да, я привёз из Устинска, — улыбнулся Асур, не сводя с меня глаз. — На Юге не помню, чтобы можно было купить. Будешь?

— Спрашиваешь! Конечно!

— Со сливками и сахаром?

— Ты помнишь, как я люблю?

— Как я мог забыть?

Аглая за спиной Асура скормила рожу и сделала вид, что ее тошнит. Я показала ей язык.

Мужчины переглянулись и хмыкнули в унисон.

— Мы будем жить у меня в доме, — сказал Данил значительно позже, когда мы воздали должное его блинам. — Там места достаточно. Правда, придётся делить кров с Семкой. Это будет даже весело... наверное.

— Сёма хороший, — вступилась я за друга. — Он обо мне заботился!

— Вот как? — сверкнул глазами Асур. — И как же он... заботился?

— Мы вместе работаем. Сейчас он отправил меня в отпуск, сказал, что я паршиво выгляжу. Велел есть, спать и гулять.

— Какой внимательный, — скрипнул зубами Асур. — Что ещё сказал?

— Ну... — я замаялась. Не говорить же, что он обещал моему «жениху» ноги вырвать!

— У вас с ним что-то было? — прямо спросил посмурневший целитель. — Говори как есть, не бойся.

— Было! — рявкнула я. — Нежная дружба! Он меня домой каждый вечер на себе таскал, потому что я упахивалась до беспамятства! Потому что князь Озеров меня коварно обманул! Потому что я хотела побыстрее разделаться с зеркалографом и вернуться на Север... к тебе, болван ревнивый!

— Мила...

— Что?

— Не злись. Я имею право знать.

— Думаешь? — я прищурилась. Вчерашняя эйфория смешалась с нервным напряжением последних дней, грозясь вылиться в небывалый скандал. В самом деле, мы с Асуром ни разу не ссорились ещё, но сейчас меня понесло. Хотелось сказать, что мы друг другу ничего не обещали, что он вообще не имел права меня в чём-то упрекать, но пока я держалась. Глупо вот так чего-то требовать, слишком похоже на шантаж. Не хватало мне ещё предложение из мужчины силой выбивать!

— М-м-м, у нас совсем еда закончилась, — ахнула Аглая. — Данил, не хочешь прогуляться со мной на рынок? Корзины pomoжешь донести.

— Разумеется, помогу, — подскочил княжич. — Уже одеваюсь. Заодно покажу тебе, где у меня дом. Мы ведь там жить с тобой будем, может, ты захочешь что-то поменять из мебели.

Нас с Асуром оставили одних. Вот теперь можно и покричать! Но хитрый северянин снова сработал на опережение.

— Дай мне руку.

— Что?

— Руку подай. Левую.

— Зачем это?

— Ты мне доверяешь? Тогда дай руку.

Я в растерянности вложила пальцы в его протянутую ладонь, а он...

— Это... кольцо? — я тупо разглядывала золотой ободок с голубым камушком, точь-в-точь таким же, как у меня в сережках, тех, что Асур подарил мне на Излом года. Которые я носила с тех пор, не снимая ни на миг.

— Ага, — мужчина широко улыбнулся.

— А... это что-то значит?

— А как же. Теперь ты моя невеста. И я сам буду о тебе заботиться. Никаким Симеоном не позволю.

— А ты спросить не пробовал сначала? — я хлопала глазами, не зная, визжать от счастья или разразиться площадной бранью.

— Зачем? — фыркнул Асур с крайне довольным видом. — Все, что мне было нужно, я услышал. А спрашивать... ты у нас барышня с характером. Мало ли что надумаешь. А так — раз и все. Ты теперь моя навсегда.

Он снова был прав. Я могла сдуру наговорить всякого, знала за собой такой грешок. Могла начать жеманиться и обещать, что подумаю. А теперь вроде как неловко, да поздно уже. Я ведь так об этом мечтала!

— А ты — мой? — только и выдохнула, облизнув пересохшие губы. — Навсегда?

— Твой, — хрипло ответил Асур. Его глаза потемнели и засияли. — Иди сюда.

Я шагнула в его руки, встретила губы на пол пути. Вцепилась в чёрные жёсткие волосы. Он быстро расстегивал мою блузку. Уже не спрашивал ничего, не сомневался. Я позволяла ему себя раздевать, пискнув только:

— На втором этаже есть кровать.

— Слишком далеко и долго, я не дотерплю.

Он усадил меня прямо на стол, широким жестом отодвигая грязную посуду.

— Аглая меня убьёт! — простонала я, подставляя уже обнажённую грудь его нетерпеливым губам. — Это же... ну... стол! Обеденный! На нем едят! Ты же целитель, так нельзя!

— Раньше ты не возражала.

— Раньше это был не мой родной дом!

Он хмыкнул, соглашаясь. Стащил меня со стола, уверенным движением разворачивая и подталкивая к лавке. Юбка полетела на пол следом за блузкой.

— Лавка тебя устроит?

— Вполне...

Он даже раздеться не успел, а я больше не сопротивлялась, трепеща и плаваясь в его горячих руках. Асур целовал мои плечи, спину, скользил ладонями по животу, сминал грудь. Я только всхлипывала, прогибаясь как мартовская кошка. Он подхватил меня под колено,

заставил опереться на лавку и быстрым точным движением наполнил. Я ахнула, упираясь вспотевшими ладонями в шершавую стену.

Пальцы на моем горле, яростное, стремительное вторжение... Укус в плечо, горячее влажное движение языка... Мой жалобный стон, его хриплый рык...

Мы сползли на пол без сил. Я дрожала, мокрая от пота, осипшая, ослабшая.

— Не сиди на холодном полу, простынешь, — шепнул Асур. — Пойдём наверх. Ты говорила что-то про кровать?

Вот ведь... неутомимый!

Глава 31. О мужских обещаниях

В дверь колотили. Я лениво водила пальцами по ребрам Асура, не собираясь подниматься. Если охранка не пускает, то это чужак. Нечего ему тут делать. Асур был худющий как жердь. Поди питался только хлебом и молоком. Хотя вон княжич Озеров умеет блины печь. Казалось бы, откуда?

— Нужно открыть, — сказал целитель, впрочем, даже не пошевелившись.

— Не хочу.

— Я тоже не хочу, но нужно.

— Пусть думают, что никого нет дома.

— А вдруг что-то важное? Хорошо, я сам.

Он поднялся, натянул штаны. Попытался найти рубашку, плюнул. Босиком прошлепал вниз. А я вдруг зажмурилась. Черт, а если кто-то из соседей? Или клиент? А дверь откроет полуголый чужак? Да они ж подумают всякое! Еще в драку полезут защищать мою честь, это же южане!

Я быстро вскочила, с ужасом вспоминая, что моя одежда валяется посреди кухни. Боже! Моя репутация и так висит на волоске, а теперь еще это! Хорошо, что на стенке висит шерстяное синее платье, в котором я хожу на рынок и в прочие приличные места! И белье тоже в старом комодке сложено красивыми ровными стопочками!

Как все сложно! Панталоны, сорочка, плотный корсаж на крючках. Без него платье застегнуть будет сложнее. А, к черту корсаж, уж как-нибудь влезу, все равно я шила это платье еще на севере, а теперь похудела. Натянула платье, сунула ноги в Аглайкины домашние туфли, метнулась к двери, слыша внизу уже громкие голоса... и заставила себя остановиться.

Вот сейчас я сбегу с лестницы растрепанная и небрежно одетая. И все станет понятно даже тем, кто еще не понял.

Быстро расчесалась, переплела косу. Схватила алую ленту с комодка, завязала ей волосы. Проверила платье — вроде все застегнуто. Губы опухшие, глаза пьяные, румянец во всю щеку. Зато красивая. Степенно, медленно спустилась по лестнице, обнаружив внизу Ратмира

Турчина и еще каких-то двух муужиков, оглядевших меня с неприятным любопытством. Асур, конечно, был бос и без рубашки.

— Я еще раз спрашиваю, молодой человек, что вы делаете в чужом доме в столь позорном виде?

— А я еще раз отвечаю, что я жених барышни Ковальчик. Прибыл поздно ночью, когда приличные гостиницы были закрыты.

— Вы совсем без одежды прибыли, что ли?

— Господин Турчин! — улыбнулась я, изображая радушие. — Рада вас видеть. Что-то с тетушкой? Вы так неожиданно... Асур, ты уже принял ванну? Прости, твоя рубашка в кухне, наверное, уже высохла.

— Да, я немедленно оденусь. Прости, так громко стучали, я выскочил, не подумав. У нас на Севере визит без предупреждения просто не мыслим. Думал, пожар или еще что-то страшное.

— Это ты меня прости. Я сверху не сразу услышала. Ратмир Феофанович?

Турчин оглядел меня с ног до головы. Разглядел и красную ленту, и кольцо на пальце, кивнул:

— Это и был младший князь Синегорский, я так понимаю? Я не ожидал, что он столь юн... и столь раздет.

— Так водопровода у нас нет! — тут же сделала я несчастные глаза. — Вот и приходится гостю мыться в кухне в корыте, представляете!

— Я за этим и прибыл. Решил лично посмотреть, что можно сделать. Позволите?

— Но вы же сказали...

— Я сказал, что сделаю все, что в моих силах. Исполняю свое обещание.

— Да... конечно. Я не ждала, что так быстро.

Да я вообще не ждала! Была уверена, что он просто отговорился! Серьезно? В этом мире есть люди, для которых слова — не пустой звук?

— А куда тянуть? Вы же так печалились без воды. Так, дом довольно старый, но стены крепкие, это хорошо. Где вам нужна вода?

— В кухне на первом этаже и в уборной на втором, — быстро сказала я.

— Отопление печное?

— Да.

— Не желаете водяное провести?

— Желаю. Но у меня нет столько денег.

Ратмир Феофанович оглядел “приемную” и кивнул:

— Если вести трубу, то вот тут, по этой стене. Могу я пройти дальше?

— Да, конечно. Тут кухня и лестница на второй этаж. Под лестницей дверь в старую мастерскую, а оттуда в кабинет.

— Сколько спален?

— Три небольших. И уборная.

— Мариуш, зарисуй план дома. Степан, поднимись на второй этаж, посмотри, сколько места в уборной. И высоту потолков везде измерь.

В кухне было уже прибрано. Моя одежда спрятана, Асур полностью одет.

— Где хотите сделать раковину? Советую поставить две: для посуды и овощей. Сейчас в небольших домах так и делают.

Я показала.

— Если убрать печь и оставить только дровяную плиту, то места станет много больше, — заметил Турчин. — А вот здесь можно будет выложить короб для основных труб. И ничего бы не пришлось дополнительно ломать. Я так понимаю, в спальнях тоже есть печи? А вот эта труба идет прямым в уборную? Ничего нового, все дома строятся примерно одинаково.

Он действительно разбирался в своем деле. Везде прошел, потыкал пальцами в стены и лично измерил вентиляционные шахты.

— Что я могу сказать, барышня Ковальчик. Работы очень много. На чем можно сэкономить: типовой план водно-отопительной системы я найду, это будет бесплатно. Печь ломайте сами. У вас вон какой помощник имеется, справитесь. Только дом не разломайте, прошу вас. Дальше. Вы у нас маг-металлист?

— Да.

— Прекрасно. Трубы соединить сможете? И выдержать углы согласно чертежам?

— Вне всякого сомнения, — кивнула я.

— А сестра ваша — опытный артефактор. Не вижу смысла вести еще и трубу с горячей водой. Пусть барышня Аглая поставит

стандартный артефакт нагрева в отопительную систему и на резервуар для воды в кухне и в уборной. Этого вам хватит.

Я закивала как китайский болванчик. Действительно, Аглая сможет.

— Мариуш, план! Тогда здесь и здесь установим бак. Артефакт будет поддерживать нужную температуру, вот тут пойдет труба с водой. В каждой из комнат сделаем отопительные трубы. Опять же — хороший артефактор сможет с легкостью регулировать их нагрев.

Я снова кивнула. Звучало логично. Вода сохраняет тепло гораздо лучше воздуха.

— Но позвольте, — я вспомнила систему отопления в прошлом мире. — Зачем нам артефакт в каждой комнате? Зачем постоянный подвод воды? Не проще ли сделать замкнутый контур, чтобы горячая вода двигалась по трубам, а артефакт стоял бы лишь в одном месте?

Турчин моргнул. Кажется, подобная мысль не приходила ему в голову.

— Так будет дешевле, — пробормотал он. — Но нужно два артефакта — один будет двигать воду под давлением, второй греть. Или... ваша сестра сможет вложить два заклинания сразу?

— Не знаю, — честно сказала я.

— В двойном артефакте нужно будет сделать отдельные металлические основы. Но так, чтобы они были вместе. — Турчин схватил план дома, перевернул и принялся что-то рисовать на обороте. — Это непросто. Допустим, медь и олово.

— В смысле, бронза?

— Нет, смешиваться они не должны. Только соприкасаться, чтобы работать одновременно. Для хорошего металлста это вполне возможно, верно?

— Да, конечно, — я все еще не понимала, в чем здесь сложность.

— Но медь будет окисляться, это плохо. Медь редко используют в артефакторике именно из-за этого.

— Можно поместить артефакт в стеклянный футляр, — предложила я. — Стекло заклинаниям не помеха. А действовать он будет на расстоянии и только в водной среде.

— То есть нам будет нужен третий компонент, который ограничит действие артефакта, — вздохнул водник. — Слишком сложно. Это уже академический уровень. Нет, барышня, так не выйдет. Нужно делать

два отдельных артефакта и разносить их в разные места, чтобы они не взаимодействовали. Тут нужно думать, как тогда расположить трубы. В любом случае, у нас есть несколько недель. Печку сносить весной не стоит, замерзнет. Вот будет тепло, тогда и начнем работу. А пока я все рассчитаю и пришлю вам новую смету.

Я кивнула. Что ж, тепло так тепло. Надеюсь, что при таком раскладе нам хватит денег на создание уюта в доме. Но про артефакт Аглае все равно расскажу, вдруг она справится?

Ратмир Феофанович собрал свои бумаги и кивнул мне на прощанье:

— Всего хорошего, барышня. Кстати, вы уже назначили день свадьбы?

— Пока нет, — растерялась я.

— Стоит поторопиться. И... вы сегодня особенно красивы. Женщинам идет влюбленность.

Он ушел вместе со своими подручными, а я покачала головой. Особенно красива, какая прелесть!

Асур незаметно подошел ко мне, обнял со спины, уткнулся носом в волосы.

— Он прав. Куда тянуть? Какой ты видишь нашу свадьбу?

— Мне все равно, — честно ответила я, жмурясь от удовольствия. — Можно просто сходить в ратушу и пусть сделают запись. Мне не нужны ни колесницы, ни пир, ни гости. Только ты.

— А платье? Красное?

— Разве что платье... Но вообще, я хоть в синем, хоть в черном. Зачем еще деньги на платье тратить, которое я только раз надену?

— Моя семья тебя бы не поняла. Да и я бы хотел, чтобы был праздник. Знаешь, как это принято на Юге: гонки на телегах, метание пшеницы, много вина, музыка, танцы, вкусная еда.

— Асур, — я повернулась к нему и встревоженно заглянула в лицо. — У нас нет на это все денег. Я лучше дом отремонтирую и водопровод в нем устрою, чем кормить кучу незнакомых людей.

Он осторожно поймал мою ладонь, перевернул и поцеловал костяшки пальцев:

— Милая моя, деньги — это не твоя проблема. Я сам все решу. Ты только скажи, согласна на праздник, или все же хочешь тихо?

— С тобой я на все согласна, — опрометчиво ответила я. — Пусть будет так, как ты хочешь.

Глава 32. Нежданное

К моему глубокому сожалению, Асур покинул меня слишком быстро. Переехал к Озеровым, как и собирался. Мы снова остались вдвоем с Аглаем, только на этот раз наши роли поменялись. Она витала в облаках, а все вопросы по ремонту дома передала мне. Да это и понятно: жить здесь оставалась я, а она будет хозяйкой в большом особняке в центре города. Кто бы мог подумать, что жизнь настолько круто повернется!

Я ей даже не думала завидовать. У меня самой внезапно все наладилось. Асур приехал, я выхожу замуж — что может быть прекраснее? Разве что ремонт в кабинете!

Сил и энергии было хоть отбавляй. Я вскакивала утром даже раньше сестры и носилась по дому как электровеник: мыла, обдирала, вытаскивала во двор старую поломанную мебель. Отодрала все доски с окон, договорилась со стекольщиками, даже начала ковырять угол печи.

Господин глава водного департамента, как и обещал, прислал мне новую смету, почти в четыре раза меньшую предыдущей. Мне она понравилась гораздо больше. Впрочем, и этих денег у меня пока не было. Но к тому времени, как на улице установится теплая погода, я непременно закончу калибровку зеркалографа и получу оплату от князя.

Неужели черная полоса закончилась? Неужели все будет хорошо?

Вдобавок ко всему хорошему на улице была настоящая южная весна. Солнце, ясное небо, первая трава, подснежники, собачьи экскременты на обочинах... Впрочем, Буйск был очень хорош по весне. Мостовая на центральных улицах была из брусчатки, ее регулярно чистили дворники. А узкие улочки на окраине начали уже ремонтировать, заменяя прогнившие доски на свежие. Красота!

Потом полезли нарциссы, их тут была тьма-тьмушая, возле каждого дома росли.

— Я нашел работу, — гордо сообщил Асур, прибежав ко мне в одно прекрасное утро. — Кстати, как ты смотришь, чтобы сделать нашу свадьбу в один день с Данилом и Аглаей?

— А они не против? — осторожно спросила я.

— Они это и предложили.

— Почему нет? Можно будет здорово сэкономить.

— Кто о чем, а Милана о деньгах, — усмехнулся Асур. — Ну хорошо. Значит, сэкономим. А платье хочешь какое? Пора уже шить.

— Белое! — Я уже это обдумала и решила. — По северным традициям, ты же у нас северянин! Тем более, Аглая точно будет в красном. Нас так хоть различить можно будет!

— Прекрасно, — широко улыбнулся Асур. — Я рад. Только в белом тебя и представлял. А теперь, дорогая моя, я весь твой.

— О! — я обольстительно улыбнулась, положив ладонь ему на грудь. — Это хорошо.

— Предлагаю начать со спален, — бодро заявил целитель. — Нужно ободрать стены и побелить потолки. Мало ли, кто-то из гостей прибудет, а нам даже негде его оставить.

Я разочарованно вздохнула. Он прав, конечно. Мне очень не хватает мужской силы. А еще у Асура длинные руки, он поможет с потолками.

И уборную нужно освободить, все равно мы с Аглаей моемся на кухне, где теплее, а по важным делам теперь бегаем в сад, там покосившийся сарайчик как раз приспособлен.

Дел было много. У меня еще лежало несколько заказов, бесконечно откладывать было нельзя. К тому же скоро мне возвращаться к зеркалографу. А Асуру через несколько дней тоже нужно было выходить на работу помощником старого лекаря Сотника. Выбор понятен: у старика довольно обширная клиентура, он известен всему городу. Он, как сказала Аглая, скорее всего помогал и нам с ней на свет появиться. Но вот зрение уже подводит и руки трясутся. Ему давно нужен помощник, а Асуру — доверие горожан.

Поэтому Асур отправил меня вниз, в мастерскую, худо-бедно расчищенную от хлама, а сам громил спальни: отрывал сгнившие панели и обои.

Поэтому триумфальное появление ангела небесного Симеона он пропустил.

Младший княжич Озеров был великолепен как попугай. Синие штаны в белую полоску заправлены в высокие красные сапоги, изумрудная шелковая рубаша по вороту украшена золотой нитью, распахнутая кожаная куртка подбита алой подкладкой. Не хватает только кепки с пылающим маком, но тут мое чувство стиля он

пощадил. Буйные кудри были ничем не прикрыты. А в Устинске еще плащи на меху носят... и шапки.

— Здраве буде, барышня Милана.

— И тебе не хворать, добрый молодец.

— Ну что, примчался твой сокол?

Я улыбнулась:

— Да. Примчался, — и продемонстрировала Семе кольцо на пальчике.

— Довольна?

— Очень.

— Слушай, — Семка помялся, а потом выпалил: — А может, все-таки за меня замуж пойдешь, а?

— Ты дурак? — от неожиданности ляпнула я. — Все же нормально было, Сем, ну зачем?

— Ну... ты красивая... Худая только и мелкая дюже. И умная. Иногда. По праздникам. И смелая, — ответил Озеров. — Где я такую найду?

— Спасибо за щедрые комплименты, конечно, но я лучше посоветую, где таких, как я — пруд пруди.... Ты по окраинам погуляй и сиротку поищи, которая сама выживать вынуждена. Они все, знаешь ли, сильные и умные. И голодные, скорее всего.

— Здравствуй, Симеон, — холодно поприветствовал княжича Асур, который услышал наши голоса и спустился. — Давно не виделись, с самого утра. Уже соскучился?

— Уж точно не по тебе, — ухмыльнулся Озеров. Он был выше целителя на головы и шире вдвое.

— Что же ты к чужим невестам заживаешь без приглашения? — целитель вдруг сделался суров и непоколебимо спокоен.

— А я не к невестам. Я к соработнице своей зашел узнать, когда уже она зеркалографом займется?

— Скоро. Как только свои заказы доделает. Узнал? Что-то еще хочешь?

— Не был бы ты моим гостем, я бы тебе морду набил, — ласково улыбнулся Озеров.

Я ахнула возмущенно. Да что с ним? Неужто ревнует? Так я ему повод не давала никогда.

— Не был бы я гостем твоего брата и его другом, я бы охотно с тобой подрался, — ровно ответил Асур. — Только вот хочешь совет?

— Ну попробуй.

— Никогда не лезь к целителям. Мы страшные люди. Знаем, куда бить, чтобы сустав повредить, допустим. Или дыхание перебить. И чтобы убить — тоже знаем. А еще у нас есть магия, которая может тебе немножечко остановить сердце. Ты этого хочешь?

— Пожалуй, нет, — покачал головой Симеон. — А ты, северянин, не прост, оказывается.

— Есть такое.

— Жаль. И все равно — эта девушка слишком хороша для тебя. Ты ее не достоин.

— Даже спорить не буду.

— Увидимся вечером... господин Синегорский.

— Непременно, господин Озеров.

Я перевела дыхание и виновато посмотрела на Асура. Наверное, не стоило мне заводить дружбу с Симеоном, знала ведь про его буйный нрав! А ну как и в самом деле они бы подрались?

Но мужчина был совершенно спокоен, только пожал плечами и сказал:

— Я сверху все ободрал. Не помешаю, если за кабинет возьмусь?

— Нет, — ответила я. — Я с тобой, пожалуй. Страх как охота что-нибудь сломать.

— Пошли ломать вдвоем!

Кабинет был запущен больше остальных комнат. Здесь когда-то были выбиты стекла, а окна заколочены неплотно. Зимой даже снег на полу лежал. Понятное дело, все, что могло отсыреть и сгнить — отсырело и сгнило. Печь была разбита, пол бугрился, когда-то роскошные деревянные панели совершенно покоробились, а в углах цвела черная плесень. Чинить тут было нечего. Нужно было обдирать

все до кирпича и лагов, а потом белить, красить, клеить, колотить и перестилать.

Асур подал мне небольшой ломик, и я принялась с энтузиазмом отковыривать панели от стен.

Большая острая щепка отлетела и распорола мне палец. Я ойкнула и тут же засунула палец в рот.

— Ты с ума сошла? — воскликнул Асур. — А если столбняк? А ну покажи рану целителю!

Я покорно вытянула вперед руку. Ничего серьезного, почти даже не больно, так, щиплет. Но кровь текла хорошо, конечно. Впрочем, крови я не боялась ни своей, ни чужой. Асур осторожно провел пальцами над глубокой царапиной, и боль тут же исчезла, словно ее и не было вовсе. Я неловко взмахнула рукой. Хотелось вытереть палец, но не об юбку же! Тут одежда стоит слишком дорого, а отстирать ее будет сложно. Платка у меня тоже не было. Оглядевшись, я аккуратно вытерла пару капель крови об остатки обоев на стене. Им уже хуже точно не будет.

Неожиданно раздался громкий протяжный скрип, почти стон.

— Что это было? — подпрыгнула я, оборачиваясь на целителя. — Это ты что-то задел?

— Нет, — прищурился он. — Но у меня есть предположение, что это могло быть. У тебя есть еще что-то острое?

— Нет, — сказала я, быстро пряча руки за спину. — Ничего нет.

— Здесь почти наверняка тайник твоего отца, — шепнул заговорщицким тоном Асур. — А твой отец был ювелиром.

— Полагаешь, он прятал в кабинете клад? — усмехнулась я.

— Почему нет?

— Давай просто раздолбаем стену!

— Как хочешь. Но если тут тайник, и его до сих пор не нашли, жаль такую штуку портить.

— Уговорил, — вздохнула я, вспомнив, как пропали мои деньги из “безопасного” банка. — В мастерской было шило. Сейчас принесу.

Кроме шила, в мастерской еще была печь. И немного крепкого вина, которым Аглая протирала свои инструменты. Я тщательно вытерла это самое шило и еще на всякий случай подержала его в огне — хуже не будет. Если уж тут знаю, что такое столбняк, рисковать я не намерена.

— Только ты сам коли, — сказала я Асуру. — Я боль не очень люблю.

— Больно вообще не будет, — пообещал он. — Я все-таки целитель.

Я кивнула. Иметь мужа-целителя казалось мне все более полезным в хозяйстве делом. Он забрал у меня шило, я подала ему руку, зажмурилась и отвернулась.

— Все.

— В смысле?

Я открыла глаза и с удивлением уставилась на струйку крови, бодро стекающей по безымянному пальцу. А как это? Я даже не почувствовала ведь ничего!

— Прикладывай палец к тому же месту.

— Боги, я надеюсь, что там будет что-то полезное, — пробормотала я. — Много-много золота, предположим.

— Лучше серебро, золото инертно к магии, оно меньше используется.

Я заляпала кровью старые обои. Ничего не происходило.

— Неужели я ошибся? Или артефакт разрядился за столько-то лет? — огорчился Асур.

Я отняла от стены руку, встряхнула кистью, разочарованная... и снова раздался гулкой скрип, а потом легко и бесшумно выехала часть стены — словно ящик из комода. Мы с Асуром немедленно сунули туда нос.

— Ух ты, всегда мечтал найти сокровища! — с восторгом сказал Асур, доставая из “ящика” большую деревянную коробку.

Я уцепила пачку пожелтевших бумаг и толстую тетрадь в рыжей кожаной обложке. И что-то мне подсказывало, что моя добыча обладала едва ли не большей ценностью, нежели то, что лежало в коробке.

Коробка была без замка. Внутри нее лежало много туго набитых бархатных мешочков. Мы с Асуром развязали один из них: внутри были разноцветные прозрачные камни, зеленые, желтые, розовые, голубые.

— Ну правильно, — шепнул Асур. — Чистые камни всегда усиливают заклинания. А тут есть и довольно крупные.

В другом мешочке были серебряные чешуйки. В третьем — прутки. Было и золото, и заготовки для колец и медальонов. В самом

большом были красивые золотые монеты. Много. Я полагаю, все это стоило безумных денег.

Асур мрачнел на глазах, а потом с треском захлопнул шкатулку и с досадой пробормотал:

— Жаль, что мы не нашли это богатство после свадьбы.

Глава 33. Сокровища ювелира

— А мне не жаль, — усмехнулась я. — Теперь у меня точно будет водопровод.

Я достала мешок с монетами, высыпала часть на ладонь, а остальное убрала обратно в коробку. Коробку — в “сейф”. Сейф в стену, которая тут же стала такой же гладкой, как и была.

— Теперь я невеста с приданым, — сообщила я Асуру. — Все как в сказке: прекрасный принц влюбляется в нищенку, которая оказывается заколдованной принцессой. И живут они долго и счастливо.

— Если только прекрасный принц не оказывается банкротом.

Он нахохлился и отвернулся даже обиженно, а я с трудом удержала улыбку. Какой он все-таки ещё мальчишка! Нашёл, из-за чего переживать! Тут радоваться нужно, а не обижаться на судьбу.

— Ну, благородное происхождение никаким приданым не купить, — утешила его я. — Как бы то ни было, ты все равно из княжеского рода, а я — дочь простого ювелира.

— Ты ведь понимаешь, что мне все равно? — тут же встрепенулся и привлек меня к себе Асур. — Я люблю не твое происхождение, а тебя саму. Никогда так не думай, слышишь! Ты для меня самая драгоценная!

— Именно. А теперь что изменилось? — Я вдруг почувствовала себя страшно взрослой и мудрой. — Я все еще дочь ювелира. Ты все еще любишь меня такую, какая я есть. Просто у нас к свадьбе будет чуть более отремонтированный дом. Если думаешь, что я собираюсь тратить деньги направо и налево, то ты заблуждаешься. Я тот еще дракон, я люблю, когда у меня есть какой-то запас. И потом... эти деньги оставил отец, они так давно здесь лежат... Может, пусть лежат? Будет потом приданое нашим дочкам.

— Дочкам? — жарко выдохнул мне в волосы Асур. — Ты уже думаешь о детях?

— Конечно. Я люблю детей. А ты?

— Тоже. Люблю. И хотел бы детей, но не сразу. Сначала мне нужно нормально устроиться тут. Чтобы люди ко мне привыкли. И тебе бы выучиться.

— Я с тобой очень даже согласна. Не все сразу. Нужно сначала дом отремонтировать, детскую обставить...

Теперь, когда Асур был рядом, я была даже довольна тем, что вернулась на Юг. Тут у меня сестра, дом свой, люди хорошие, отзывчивые. Ну и князь Озеров, двуличный гад и мерзавец, конечно, но он платит щедро и вовремя. Теперь, когда я знаю, какой он человек, буду начеку.

— А твоя семья? — спросила я Асура. — Он меня ненавидеть будут?

— У меня хорошая семья, мышка. Покричат и успокоятся. С отцом я разговаривал. С моим решением он не согласен, но за спиной подлости делать не будет, я уверен. Все наладится.

Он погладил меня по волосам, а потом вспомнил:

— А что за бумаги?

— Вот и мне любопытно, что это за бумаги.

Я достала первый листок и нахмурилась: мне совсем не понравилось то, что я увидела. Неровным мелким почерком с вычурными завитушками было написано: “Артефакт “дыхание” выкупил у мастера Ковальчика за двадцать золотых. О последствиях использования артефакта предупрежден. Маттеуш Кро...”

Чернила выщвели, дату разглядеть удалось с трудом, фамилия покупателя и вовсе была нечитаема.

Я сглотнула и поглядела на Асура:

— Что ты знаешь об обратных артефактах?

— В руках не держал, — осторожно сказал целитель. — С последствиями никогда не сталкивался. Но преподаватели нам рассказывали об этом довольно подробно. Обратный артефакт — это не та вещь, которую мне бы хотелось иметь.

— Как думаешь, это все нужно передать полиции?

— Не уверен. Зачем чернить память твоего отца? Да и по твоей репутации это ударит. Матвей Ковальчик давным-давно в могиле. Может быть, сожжем все эти бумаги?

Я задумчиво поглядела на Асура. Вздохнула.

— Отец-то в могиле. А вот артефакты, которые им проданы, все еще где-то существуют. Представь себе, если тебе такую дрянь подкинут? Или твоему отцу?

— Пятнадцать лет прошло. Вряд ли они еще рабочие. Но ты права. Сколько преступлений совершено с подачи Ковальчика?

— Наверное, хорошо, что он умер, — подавленно ответила я. — Иначе его б точно за такое казнили.

— Верно. Но тогда встает вопрос: неужели он и в самом деле убил свою жену? Зачем ему это? Такой мастер, как он, все обставил бы так, что никто никогда бы не узнал. А ребенок? Как у него вообще рука на ребенка поднялась?

— Мне кажется, кому-то отец перешел дорогу. Или это месть была. Или вообще — казнь. Но тогда маму и меня — за что? Впрочем, ты верно сказал. Прошло пятнадцать лет. Концов уже не найти.

— Если только человек, убивший твоего отца, не покупал у него какой-нибудь артефакт, — тихо сказал Асуру.

Я села прямо на пол, уже не заботясь о чистоте платья, и принялась перебирать расписки. “Дыхание”. “Сердце”. “Спокойствие”. “Сладкий сон”. “Беременность”. Как много разновидностей смерти знал мой отец! Или не смерти, но уж точно — ухудшения жизни.

— Ты ведь целитель, — сказала я Асуру. — Как вообще это работает? Ну, заклинание.

— Поддерживает определенные потоки энергии, — рассеянно сказал юноша. — Если у человека большое сердце, не всегда можно его вылечить. Но можно создать артефакт, который будет поддерживать его работу. Я с заклинаниями не умею, для этого особый дар нужен. Я работаю с сырой энергией. Заклинания — это слишком сложно. Пока его произнеси, пока влей силу в слова, пока держи контроль. Сила и потоки куда проще, а в случае с целительством — еще и эффективнее. Это боевики создают сложные конструкции, а мне-то что — соединить ткани или убрать воспаление. Все просто.

Я кивнула. Я так же работала с металлами — сырой энергией. А Аглая умела видеть заклинания, вплетать их в металлы, управлять ими... Но не могла передвинуть даже атом серебра.

Я бездумно перебирала бумаги, пока не наткнулась на знакомый почерк. Вот совершенно точно я уже раньше видела и эти округлые ровные буквы, и виньетки, и чуть убегающие вверх строки. “Сладкий сон” и подпись “Е.Т.”Какая прелесть!

Судя по распискам, у Ковальчика были и постоянные клиенты. Тот же Е.Т. покупал амулеты трижды. “Сладкий сон”, “Трезвость” и “Здоровый желудок”. Если все эти штуки отправились к одному человеку, то я ему не завидую. Бессонница, алкоголизм и язва желудка вкупе могли привести (и, наверное, привели!) к чему-то очень нехорошему.

Е.Т. Есения Турчина.

— А “Трезвость” — это разве не ментальная магия? — тоскливо спросила я Асура.

— Самая что ни на есть ментальная. Запрещенная давным давно, — целитель взял у меня листок, взгляделся в выцветшие чернила и тяжело вздохнул: — «Сладкий сон», кстати, тоже. Думаешь, это та самая Е.Т.?

— Уверена в этом. Тетушка нередко присылала мне записки. Почерк тот же.

— Ну и дела.

— Вот именно. И что мне теперь делать? Ко мне-то Есения Карловна всегда хорошо относилась. Помогала. Ох!

Страшная мысль пришла мне в голову, и я судорожно проглядела всю кипу бумажек. Хвала всем богам, на князя Озерова не было и намека. Вот если бы я нашла хоть одну его расписку, тогда была бы настоящая катастрофа. Тогда я бы точно все это немедленно сожгла, причем вместе с домом. Надеюсь, у моего папаши хватило ума вообще с князем не связываться. У меня вот не хватило.

— И все же нужно эти расписки отнести в полицию, — решительно заявила я.

— Я так не думаю, — странным голосом возразил Асур, разглядывая одну из отброшенных мною бумаг.

— Что там?

— А ты погляди.

— Ого!

Я с искренним удивлением прочитала, что главой полицейского департаментом города Буйска был приобретен десяток амулетов “Сладкий сон”, шесть “Спокойствий”, причем с условием

постпродажного обслуживания, и дюжина “Обезболиваний”. Вот это поворот! То есть полиция знала про артефакты и не просто молчала, а сама пользовалась запрещенкой!

— Нет, ну я еще могу понять “сладкий сон”, — ошарашенно сказала я. — На ночном дежурстве — самое оно. Но “Спокойствие”! Но “Обезболивание”!

— Избиения и пытки заключенных хоть и не приветствуются, но не запрещены, — спокойно заметил Асур. — Вообще-то очень изящный ход. Ущерб здоровью минимальный, но если на подозреваемом обратное “Обезболивание”, то он все ощущает в десять раз сильнее. Любая царапина покажется смертельным ранением.

— Выходит, даже обратные амулеты можно использовать во благо?

— Смотря, чье благо, — хихикнул Асур. — Подозреваемый бы с тобой не согласился.

— Трындец, — сказала я. — Вот теперь и вправду трындец. Что мне делать? Отнести в полицию?

Асур пожал плечами.

— Сожги к демонам. Опасная это вещь, темная. Будь я на Севере, я бы, конечно, постарался все это расследовать. Потому что, к примеру, один мой дядюшка сошел с ума, а двоюродный дед спился. Еще один родич от неразделенной любви сбросился с обрыва, а одна знакомая дама отравилась сразу после первой брачной ночи. С одной стороны, в аристократических семьях нередко случаются... ммм... нервные срывы. Но кто знает, не помог ли моим близким какой-нибудь недоброжелатель? Я бы точно хотел быть в курсе.

— Да ну тебя! — рассердилась я, открывая тетрадь в коричневой коже. — Ничуть ты мне не помог! Ой, мама!

На втором или третьем листе, без сомнения, была схема артефакта. Кажется, обычной охранки. Только вот охранка была не из серебра, не из железа и не из глиня, а из сплава меди с золотом, процентное соотношение которых было написано с точностью до второго знака. И заклинание было мне не знакомо.

— Плетение против мигреней, — очень спокойно сказал Асур. — Одно из базовых. Видишь этот хвостик... Хотя ты не увидишь, у тебя дар другой.

— Это обратка?

— Совершенно точно. Отличная тетрабочка. Знаешь, на ней можно диссертацию защищать, я уверен. Если тебя не повесят, конечно.

Я представила, что испытывает человек, страдающий от мигрени, и содрогнулась. Ему и так непросто, а если кто-то подсунул ему этакий амулет, усиливающий его боль, то это, действительно, может свести с ума.

Дальнейшее исследование записей ничем меня не порадовало. Это была самая настоящая тетрадь смерти. А самое ужасное, что я догадывалась, что некоторые из подобных артефактов, действительно, могут послужить на благо общества. Как яд, который в малых дозах бывает лекарством.

— Сжечь... но жалко же, — сказал Асур, с любопытством вглядываясь в непонятные мне значки. — Твой отец был настоящим гением. Наши преподаватели в университете были бы в полном восторге от таких остроумных раскладок. Понимаешь, по сути это вообще новое направление в артефакторике!

Он, кажется, был в восторге.

Мне же все это совсем не нравилось. Здравый смысл и весь опыт прошлой жизни настойчиво требовал уничтожить и записи, и расписки, но проклятое любопытство и что уж там, банальная жадность, кажется, брали верх. Обратные артефакты стоили в разы, в десятки раз дороже, чем те, что продавали мы с Аглаей. Нет, я не планировала ставить их на поток. Но... полиции ведь нужны и «сладкий сон», и «спокойствие». А полиция не сможет меня арестовать, если я буду с ней сотрудничать, верно?

Деньги. Это были деньги, самое настоящее богатство. Быстрый, хоть и опасный заработок. Если мы с Аглаей (самостоятельно я же ничего не смогу) научимся делать обратные артефакты, безбедная жизнь нам обеспечена.

А потом я снова поглядела на схему артефакта “беременность” и натужно сглотнула. Представила, как женщина носит желанного ребенка, обустривает свое гнездышко, шьет крошечные распашонки, а кто-то подбрасывает ей вот такой артефакт. И все, ничего больше не осталось. Кто сказал, что вот это — не самое настоящее убийство?

Можно ли влезть в эту обратную артефакторику и остаться с чистыми руками? Сколько стоила совесть Матвея Ковальчика? Очень дорого, судя по распискам.

А сколько стоит моя совесть?

Глава 34. Чужие преступления

Наверное, впервые за всю мою новую жизнь я не знала, что делать. Раньше все было просто и понятно: найти работу, найти крышу над головой, заработать денег. Любить, учиться, просто жить и наслаждаться горячей едой, общением с друзьями, высоким небом или танцем снежинок в неровном свете фонарей, морозным воздухом, теплом очага, движением металла под пальцами. Ничего сложного, никаких моральных терзаний.

А теперь я оказалась на распутье. Те бумаги, которые я нашла, меня, без сомнения, тревожили. Уничтожить их я теперь опасалась, но и держать у себя боялась. А нести в полицию боялась еще больше. И самое неприятное — это наследство моего отца, я не могла переложить решение на плечи ни Асуру, ни Аглае. Да мне даже совета не у кого было спросить! Хоть к тетке иди, она ведь женщина умная, опытная, но, как оказалось, замешана в этом деле по самые уши. А может, именно поэтому и стоит пойти за советом именно к Есении Карловне? Она никак не сможет причинить мне вред, потому что в таком случае ее заденет рикошетом. Мало точно не покажется. К тому же я ее любила и уж точно именно ее расписки полиции бы не показала.

Есения Карловна не сделала мне ничего плохого. Она передавала нам с Аглаей дрова в те самые первые дни, помогла с домом, подкармливала нас. Я не очень верила в то, что она действовала с какой-то корыстью. Да что она вообще могла поиметь с двух нищих сироток? Можно ответить ей черной неблагодарностью, а можно сначала спросить, что вообще происходило в этом городе пятнадцать лет тому назад.

Итак, решение принято. Я пойду на переговоры, причем с уликами. Разумеется, я взяла с собой только одну расписку. Остальные спрятала в тайнике.

— Аглая, я иду в гости к тетушке, — сообщила я сестре. — И если меня вечером найдут придушенной в переулке, то обязательно обсуди все с Асуром. Он знает, за что мне может прилететь.

— Это что ты такое натворила, Милана Ковальчик? — уперла руки в боки Аглая. — Я с тобой пойду!

— Нет, не нужно. Я хочу обсудить с тетушкой крайне деликатные материи.

— Обсуди со мной.

— Многие знания — многие печали.

— Ты мне не доверяешь? — в глазах сестры немедленно набухли слезы, но я не повелась.

— Доверяю. Но это не мой секрет. Не стоит тебе даже забивать свою хорошенькую головку этим.

— Я насмерть на тебя обиделась, — Аглая попыталась сделать свирепый вид, но не преуспела.

— Я потом тебе все расскажу, — пообещала я. — Если мне полиция разрешит.

— Ой. Полиция? Тогда не надо. Мне только полиции не хватало, — встревожилась сестрица. — У меня свадьба на носу, я не хочу никакой полиции!

— Умница. Я пошла. Если не вернусь, то будь уверена, я не сбежала от свадьбы. Но я, конечно, вернусь.

Надела плащ с капюшоном, легкие ботиночки, перчатки. Спрятала бумагу в большом кармане. Вздохнула и решительно вышла на улицу. Лучше разделаться с этим сейчас, потом могу передумать и уж точно пожалею об этом.

Есения Карловна была дома. Служанка попыталась меня не пустить, уверяя, что госпожа никого не ждет, что она не одета для визитов, что ее не предупреждали. Давно ли я заикалась, разговаривая с прислугой и отчаянно стыдилась своего бедного вида? Но общение со всеми этими князьями явно пошло мне на пользу, я громко и ясно дала понять бедной женщине, что не уйду.

— У меня вопрос, который не терпит отлагательств. Передайте Есении Карловне, что пришла дочь ювелира Ковальчика. Вот именно такими словами, ничего не придумывая от себя.

Дверь перед моим носом захлопнулась. Ну правильно, дочери ювелира нечего делать в доме главы водного департамента без особого приглашения. Ничего, мы не гордые, мы подождем на улице.

— Проходите, — буркнула горничная, возвращаясь. — Хозяйка вас примет в кабинете. Только ноги вытирайте, а то ходют и ходют, топают тут, а кому-то потом полы мыть.

— Кому-то за это деньги платят, — не удержалась я. — И вообще-то могли бы предложить мне домашние туфли.

— Благородные дамы со своими туфельками приходят. Если всяким там ювелиршам еще туфли выдавать, то никаких туфель не напасешься.

— Ясно, — кивнула я. — Ну, мойте, что я еще вам скажу.

И прямо в плаще и перчатках проследовала на второй этаж в теткин кабинет.

Есения Карловна полулежала на кушетке с книжкой в руках. Обычно тщательно уложенные волосы были заплетены в небрежную косу, а из-под полы лилового бархатного халата виднелись высокие вязанные носки. Очень по-домашнему, уверена, она в таком виде обычно гостей и вправду не принимает.

— Здравствуй, дочь ювелира, — снисходительно кивнула тетка. — С чем таким срочным пожаловала?

— Подарок вам принесла, тетушка, — кротко ответила я, подавая ей расписку.

Она даже не удивилась. Взяла бумагу за уголок двумя пальчиками, брезгливо поморщилась.

— Все же нашла.

— Нашла.

— И где был тайник?

— Какая разница?

— Я весь этот проклятый дом простучала когда-то. Уверена, не я одна. Полиция тоже искала, но нашла какую-то ерунду только.

— Там кровный артефакт. Только на меня и среагировал.

— М-м-м, то есть, если бы ты не выжила, то все, кто покупал артефакты, были бы в безопасности?

— Понятия не имею, — честно ответила я. — Может, эту штуку можно топором из стены вырубить?

— Тайник с кровным артефактом? Это вряд ли. Он бы самоуничтожился в таком случае. Твой отец все же был гением.

— Злым гением, — уточнила я.

— А это смотря с какой стороны смотреть...

— По закону, тетушка, по закону, — я без приглашения уселась в кресло и с любопытством уставилась на женщину, пытаюсь найти в ней признаки волнения. — По законам Уруса одинаково виновен и заказчик, и мастер. Не напомните, какое наказание у нас за ментальную магию? А за убийство?

— А за подделку документов? — с невинным видом приподняла тонкие брови тетка. — А за сокрытие смерти мастера? А за работу без патента?

Тут уже захлопала глазами я. Сначала не поняла, а потом как поняла!

— Это вы о чем сейчас?

— О Прохоре Косом, Милочка. Вы ведь поэтому на Север так стремительно сбежали, что ваш мастер скончался. А вы двое его смерть скрыли.

Я сглотнула. Про Прохора я вообще ни разу не вспомнила. Ну умер и умер. Я его и видела-то лишь однажды, в момент погребения. Живым человеком он для меня не был, лишь кульком из мешковины.

— Не было ничего, — прохрипела я. — Прохор был пьяница, в лес ушел и сгинул. Или его какие разбойники порешили и тело прикопали в кустах каких-нибудь.

— Ага. Разбойницы.

— И какие у вас доказательства?

— Я могу показать, где тело.

— И что?

— И то, что у тела в карманах всякие бумаги, даже патент, в котором про учениц ничего нет.

— Откуда?

— А это уже другой вопрос, — тетушка плотоядно улыбнулась и заворковала ласково: — Ну мы же с тобой никогда врагами не были, верно, Мила? Мы ведь почти родня? Я тебе никогда зла не желала, а что в дом пробраться пыталась, так у вас все равно артефакты защитные мощные стояли...

— Почти родня, — согласилась я. — Поэтому думала, что вы мой жест оцените: я к вам с бумагами пошла, а не в полицию. А вы меня

всякими Прохорами принялись попрекать...

— Действительно, что это я. Да сгнил тот Прохор давно, черви его сожрали... А расписки, стало быть, не сгнили...

— Не сгнили, — успокоила ее я. — Но сгореть могут запросто. Я вас не собиралась ни шантажировать, ни как-то унижать. Я посоветоваться пришла, вообще-то. Ну, и за ответами.

— Хорошо, если так, — тетушка, наконец, села прямо, кутаясь в халат. — Спрашивай.

— Правильно ли я понимаю, что мой отец торговал запрещенными артефактами, и половина города об этом знала?

— Торговал — это да. Половина — вряд ли. Ты цену на артефакты видела? Мало кто мог себе позволить подобную игрушку. Просто так, для развлечения, такие вещи не покупаются.

— А когда покупаются?

— Ты же умная девочка, сама как думаешь?

— Наследство, — назвала я очевидное. — Возможно, еще карьера.

— Да, все верно. И месть.

— Вы мстили? — ухватила я за ее слова. Мечь — это святое, если она мстила обидчику, то я без колебаний сожгу все ее расписки!

На лице тетки мелькнуло сомнение.

— Я могла бы тебе сейчас наврать всякого, — вздохнула она. — Но не стану. Если мы открываем карты, то я все расскажу честь по чести. Я устраняла главу водного департамента.

— Э-э-э... но глава департамента — ваш муж?

— Ну, он же не родился этим самым главой! Ратмир хороший, честный, умный, благородный. С одной стороны, я очень рада этому факту... А с другой, он бы вечность дожидался, пока прежний глава покинет должность! Я же считала, что Ратмир принесет Буйску куда больше пользы, чем взяточник и пьяница Шабрин!

— И вы убили Шабрина?

— Глупости! Я просто побывала у него в кабинете и оставила кое-какой подарок. Ну да, он стал пить еще и на работе, но это его природная склонность! Артефакты влияют на то, что уже имеется!

— А остальное?

— Да что там... С таким количеством алкоголя желудок у него уже был не в порядке. А сон... ну, тут уж я перестраховалась.

— И что случилось с Шабриным?

— Я надеялась, что его выгонят за пьянство... Ну, или он сам по состоянию здоровья уйдет на пенсию...

— Это ваши надежды. А что было на самом деле?

— Он умер, — мрачно сказала тетка. — У него открылась язва желудка. Целители не смогли спасти. Ну что смотришь? Да, я убийца. Легче стало?

— И кто об этом знает? — тихо спросила я. — Ратмир Феофанович догадывается?

— Нет. Он бы со мной развелся, если б узнал. Это был бы ужасный позор. Никто не знал, кроме меня и Ковальчика. Ты не представляешь, как я боялась, что полиция найдет расписки после смерти Матвея!

— Он вас шантажировал? Ну, Ковальчик.

— С чего бы? — вытаращила глаза тетка. — Мы были одной веревкой повязаны. Да и репутация, понимаешь ли. Если б слухи пошли, то к нему бы никто больше не обратился. Строгая конфиденциальность в таком деле — лучшая рекомендация.

— То есть это не вы его убили? — вздохнула я.

— Нет! Я так полагаю, он сам... свихнулся. Потому что невозможно работать с такими материями и остаться невредимым!

— Это истина или предположение?

— Предположение, — сдулась тетка. — Я ведь не маг... Ничего в вашей магии не смыслю.

Мы замолчали обе, не зная, что и сказать. Ломать тетке жизнь я точно не собиралась. Да и прошло уже пятнадцать лет. Кроме того, пьяницу Шабрина я знать не знала и никаких сожалений по поводу его смерти не испытывала.

— Я сожгу ваши расписки, — пообещала я. — Не мне вас судить.

— Спасибо.

— А что делать с остальными? Я боюсь их хранить в своем доме.

— Я не знаю, — сказала тетка. — Но если кому-то хотя бы придет в голову, что бумаги уцелели... и если кто-то вспомнит про кровный артефакт... я тебе не позавидую. Ты можешь жить в вечном страхе, как я. А можешь решить проблему одним ударом.

— Сдав бумаги полиции, — кивнула я. — Тогда никто не будет на меня охотиться, конечно же.

— Ты принимаешь решение сама, Милана. И сама строишь свою жизнь.

— Как и вы.

— Да уж. Мы с тобой похожи, Мила. Я всегда сама себе хозяйка была. Даже начинала, как и ты — в таверне, соблазнив постояльца. Только ты, конечно, более удачную карту вытянула, хотя и мне грех жаловаться.

Глава 35. Про ведьм и ослов

— Есения Карловна, и снова мне нужна ваша помощь, — подумав, сказала я. — Начальник полиции Буйска — умный человек?

— Был бы дураком, на своём месте не удержался бы. Да и Ратмир о нем хорошо отзывается.

— Он давно в должности?

— Насколько я помню, как раз лет пятнадцать. С убийства в доме Ковальчиков и начинал. Сама понимаешь, многие за этим делом следили, и я тоже.

— То есть ему эти расписки будут интересны?

— Думаю, что очень. У бумаг Ковальчика такие хвосты длинные... много всякого вытянуть можно будет.

— А устройте мне встречу с начальником полиции, тётушка! Сама я вряд ли смогу быстро к нему попасть. А у вас связи.

— Это хороший ход, — одобрила тетка. — Верно, дело будет закрытое. Не стоит раньше времени кому-то знать. Да и тебе преференции на будущее не помешают, столь полезное знакомство лишним точно не будет.

Я кивнула. У меня ведь еще расписки предыдущего начальника полиции были, которые Ковальчик явно хранил с тех времен, когда нынешний еще не принял пост. Лучше уж не рисковать. Пусть знает один человек, а не толпа полицейских.

Домой я отправилась успокоенная, добралась без происшествий. По дороге, скорее по старой привычке, чем от необходимости, заглянула в пекарню, поболтала там с Марфой, женой хозяина, что стояла за прилавком. Хорошая женщина, душевная, а какие плюшки с корицей печет — язык проглотишь! Пожаловалась ей на то, что на Юге невозможно найти приличный кофе. Вот на Севере полно кофеен, а в Буйске продают желудевую дрянь. Марфа пообещала узнать у торговцев специями про кофе, а я, в свою очередь, напомнила, что ее охранные амулеты нужно обновлять раз в год. У кого она их покупала? Ах, у Евлампия Пасечного? А сколько стоит обновление? А Аглая берет дешевле, и ждать меньше.

Вернулась я совершенно довольная собой и целым миром, застав в кухне блинный дух (что безошибочно выдавало присутствие Данилы) и

громкий спор.

— Ночь почти, я иду ее искать! — бушевала Аглая.

— Никуда ты не идешь, — строго говорил Данил. — Сейчас с блинами закончу, и вместе пойдем.

— А если она в канаве с перерезанным горлом лежит?

— Глупости, все будет хорошо, — спокойно отвечал Асур. — Я сейчас пойду ей навстречу.

— Кому навстречу? — спросила я, разуваясь и скидывая плащ. — Если мне, то не нужно, все в порядке.

— Где ты была? — завопила сестрица. — Я чуть со страху не рехнулась!

— У Есении Карловны, я же предупредила.

Поймала встревоженный взгляд Асура, кивнула ему чуть заметно. Все хорошо, честно!

— Вот зачем ты туда вообще поперлась?

— Тетка знает про Прохора, — веско сказала я, чтобы Аглая перестала орать как оглашенная.

— Про какого еще Прохора? — взвизгнула девушка и вдруг замолчала, закрыв так быстро, что зубы клацнули. — Ой. И что теперь?

— Ничего. Мы с ней договорились, что она никому не расскажет.

— А кто такой Прохор? — резонно спросил Данил. — И почему о нем никому нельзя рассказывать?

— А! Это очень старый Аглайкин знакомый. Она тебе потом все объяснит. Если захочет.

— Конечно, объясню, — надулась сестрица. — А что тетка? Сдаст нас? Ты поэтому к ней ходила, да?

— Вроде того. Я с ней договорилась. У нас по-прежнему любовь и взаимопонимание.

— Ой-ой, надолго ли?

— Аглая, — ласково улыбнулся Данил. — Пойдем, ты меня проводишь. Ночь уже...

Взгляд у него был хищный. Я не сомневалась, что он все выпытает у своей невесты прямо сейчас.

Асур мягко привлек меня к себе, коснулся щеки губами.

— Как все прошло?

— Лучше, чем я ожидала. Тетка обещала устроить мне встречу с начальником полиции.

— Ты уверена?

— Теперь да.

— Я бы хотел пойти вместе с тобой. Так всем спокойнее будет.

— Хорошо, я не против. Ты прав, так лучше.

Записка от Есении Карловны пришла через два дня, как раз, когда мой короткий отпуск подошел к концу. Я собиралась к зеркалографу, уже и штаны надела с сапогами, то есть выглядела довольно-таки неприлично. А тут “Тот, о ком мы разговаривали, ждет тебя сегодня к обеду в полдень в “Ведьме и осле”.

Я с сомнением оглядела себя в зеркале: хороша, ничего не скажешь. Мужские портки с заплатой на ляжке (порвала об гвоздь), рубашка с ржавыми пятнами на некогда белых рукавах, волосы, небрежно в косу заплетенные. А переодеваться уж поздно, не успею. Нужно еще к Асуру послать мальчишку, благо, что посыльный не убежал еще.

— Лекаря нового знаешь? — строго спросила парнишку. — Который старому Сотнику помощник?

— Это который булочникову дочку от вечного кашля вылечил? — хмыкнул мальчик. — А то ж. Хороший он. Наших бесплатно лечит, ну когда по мелочи — палец там или вывих ноги.

Я покачала головой: как это похоже на Асура!

— Он самый. Передай ему эту записку как можно быстрее.

— Эту же самую? Так она для вас.

— Эту же самую. Вот, — вручила парнишке пару мелких монет. Он тут же помчался по улице.

А у меня было еще немного времени, чтобы забрать из тайника письма и добраться до того самого ресторана. Хорошо, что город небольшой, за полчаса дойду.

Не сказать, чтобы в рабочей униформе я чувствовала себя уютно, но и каких-то осуждающих взглядов не увидела. Любопытствующие были, жена мебельщика, что нам стулья делал, даже спросила, что за вид у меня странный. Я ответила, что работаю с зеркалографом на лесах, в юбке совсем неудобно, вот и пришлось выкручиваться. Она покивала понимающе и спросила, как работают барышни на Севере. Правда ли, что там незамужние девушки могут свое дело иметь? А верно ли говорят, что каждая может на патент сама заработать, и не

нужно дозволения опекуна спрашивать? Я предложила задать этот вопрос Аглае, у которой имелся самый настоящий северный патент.

— Ну так это невеста княжича, это другое, — сморщила носик госпожа Горшкова.

— Она сначала патент получила, а потом уж с княжичем познакомилась, — пожала плечами я. — Можно даже сказать, что княжич ее потому и заметил, что Аглая уже самостоятельным мастером была.

— Да, Озеровы — известные прогрессоры, — кивнула женщина. — Ну это ж надо же: княжич взял в невесты ювелирову дочку-сиротку. Никогда не думала, что такое может случиться! За таким женихом стоило и на Север уехать! Ды и вы, Милана Матвеевна, не хуже себе жениха нашли...

— Однозначно, не хуже, — улыбнулась я. — Ну, мне спешить нужно. Приятно было поговорить!

Ресторан «Ведьма и осел» был не то, чтобы высшего класса, но уже по названию понятно, что заведение с претензией на оригинальность. Для Уруса это редкость. Обычно тут все просто: или скатерти, хрусталь и изысканные блюда вроде ухи из семи рыб, фаршированного голубя или меренговых рулетиков, или добротные деревянные столы, керамические миски и жаркое из лосятины. Понятное дело, в ресторанах высшего класса мне бывать не приходилось, но рассказы слышала. А вот жаркое из лосятины, между прочим, очень даже хорошая штука.

«Ведьма и осел» было чем-то средним. Скатерти тут имелись, но чёрные. Светильники, смастерённые из колёс от телеги, звериные головы над стойкой, какие-то цепи на кирпичных стенах, веники из трав по углам создавали антураж, который вполне оценили бы поклонники мистики. Апофеозом всего этого великолепия было чучело крокодила, подвешенное под потолком. Я, признаться, загляделась.

— Он настоящий? — вырвалось у меня невольно.

— Это заморский водяной дракон — крокодилус! — гордо сказал молодой веснушчатый трактирщик с волосами цвета апельсинов. — Говорят, страшный зверь! Вон какие у него зубищи!

— Крокодилус... — зачарованно повторила я. — Удивительно!

— А то ж!

— А почему тогда ресторан ваш зовётся «Ведьма и осел», а не «Ведьма и крокодил», допустим?

— Ну, осел у нас тоже есть... вон там, на стене.

— А ведьма?

— А ведьма — это моя маманя, — тоскливо вздохнул парень. — Все они ведьмы... Чего желает барышня?

— У меня здесь встреча, — поведала я. — С начальником полиции.

Я, конечно, сомневалась, что господин начальник жаждал огласки, но представить, что трактирщик не знает его в лицо, не могла. Даже я видела господина Туманова пару раз, имя-отчество не помнила, а вот фамилию слышала. Личность в городе небезызвестная, да оно и понятно.

— А, так ты Ковальчик? Ювелирша?

— Маг-металлист.

— Я так и сказал. Тебя ждут в кабинете, я провожу.

Я прикусила губу и обернулась на дверь: не спешит ли ко мне Асур. Остаться в подобном месте наедине с незнакомым мужчиной, как я уже знала, могло весьма негативно сказаться на моей репутации.

— Что, ждёшь кого?

— Да, жениха.

— Это правильно. В кабинеты с мужиками знаешь кто ходит?

Я закатила глаза. Хватит ли господину Туманову терпения? А что, если он не дожждётся?

— Я, наверное, пойду все же в кабинет, — решила я.

— погоди, вон там бежит кто-то, — выглянул в окно трактирщик.
— Твой?

— Мой, — с облегчением выдохнула я.

— Вот и славно. А то у нас, знаешь ли, приличное заведение.

— А я — приличная девушка.

— По тебе и не скажешь. Баба в портках — все равно, что баба без портков, — захихикал парень. — Кстати, меня Август зовут. А ты кто?

— Милана Ковальчик. А это — мой жених Асур, лекарь, — кивнула я на запыхавшегося Асура. — А приличный кофе в вашем приличном заведении подают?

— Можно попробовать. Тебе какой?

— Со сливками, сахаром и корицей.

— А ты привередливая.

— Мне тоже кофе. Черный, как душа грешника, — серьезно сказал Асур. — Ну, идём?

Август проводил нас до небольшой светлой комнатки, которая на кабинет не тянула, но была достаточно далеко от основного зала. К счастью, там были только стол и стулья, никаких намеков на разврат. И «глушилка» над дверью, тоже довольно распространённый артефакт.

— Я ожидал, что вы будете одна, — недовольно сообщил сидящий за столом мужчина лет пятидесяти на вид, невысокий, худой и с мушкетерской бородкой. Одет он был в штатское.

— Это мой жених, — коротко сказала я. — У меня от него секретов нет.

— Асур, младший княжич Синегорский, — представился целитель.

— Наслышан, юный приезжий лекарь. Хорошо, что вы приехали, лекари нам нужны, особенно молодые и талантливые. Георг Павелевич Туманов, начальник полицейского управления. Садитесь, барышня Ковальчик, и рассказывайте, что такого интересного нашлось в тайниках вашего отца, что вы побежали в полицию.

Я кивнула. Это очень хорошо, что он догадался, значит, во-первых, он умный, а во-вторых, ни в чем не замешан. Был бы замешан — вряд ли бы так спокойно улыбался.

Я положила на стол пачку бумаг. Туманов отодвинул чашку и взял верхнюю. Быстро пробежался глазами, нахмурился, подергал себя за бороду.

— Почему вы решили, что мне это будет интересно? — резко спросил он.

— Потому что каждая эта расписка — ключ к какому-то преступлению.

— Верно. Но... Вернегор, ростовщик, ныне — управляющий Буйским банком. Мышкин — владелец свечного завода. Синяев — прошлый голова Буйска. Вы хоть понимаете, какие люди в этом замешаны?

— Нет, не понимаю, — покачала головой я. — Это не мое дело, а ваше. Давайте вы мне напишете расписку, что приняли от меня эти бумаги в количестве тридцати восьми штук, а я забуду, что вообще их видела.

— Ну уж нет, — полицейский хищно сверкнул глазами. — Вы теперь — важная свидетельница. Кроме того, вы и сама артефактор, да?

— Нет. Я металлист.

— Но работу вашего отца узнаете?

— Не узнаю. Я ни разу не держала в руках его изделия.

— Ничего, это решаемо. Как я понимаю, вот это все — ментальные или целительские обратные артефакты? Мы нашли один такой в доме ювелира. Он до сих пор хранится на складе. Но ни один эксперт не смог понять, что это за артефакт такой. Видите ли, барышня Ковальчик, по сути, не существует никаких заклинаний навроде “Трезвости” или “Доверия”.

— Как это не существует? — удивилась я. — Вот тут же написано.

— Написано. Но я закончил университет, я заклинатель, чтоб вы понимали. Я ни в одном каталоге не встречал ничего подобного.

— Ментальная магия под запретом, — подал голос Асур. — Возможно, вас просто не учили такому.

— А медицинская? Вы ведь дипломированный целитель, ваше благородие. Разве существует что-то для облегчения мигреней? Да что уж там, для остановки насморка!

— Нет, — подумав, сказал Асур. — Есть регенерация. Есть остановка крови. Есть снятие отека. Но все это может любой маг-целитель сырой магией сделать. Заклинания — вспомогательный элемент, как неотложная помощь или восстановление после магического вмешательства.

— Именно. Никакого “Дыхания” или “Здорового желудка” не существует. И в связи с этим у меня вопрос: что на самом деле изготавливал ваш отец, барышня Ковальчик?

Я подумала и усмехнулась:

— А “Сладкий сон” существует? Или “Обезболивание”? Или “Спокойствие”?

— Обезболивание — да, — сказал Асур. — А сон — это ментальная магия. Но я полагаю, очень древняя, ее даже в детские колыбельки испокон веков вкладывали. Про “спокойствие” не знаю, не слышал никогда.

Тем временем Туманов дошел до конца пачки и побелел, впившись глазами в последний листок — за подписью прежнего начальника полиции.

— Это не подделка, — пробормотал он. — Этот почерк мне знаком! Но как такое возможно? Я бы знал... Это невысказано!

Я сочувственно ему улыбнулась, разводя руками.

— Входит, были артефакты? И много...

— Если они были на службе у полиции, то никуда они из департамента не делись. Найдутся, — решительно заявил начальник департамента. — Если найдутся, то тут пахнет большим скандалом.

— А можно без скандала? — попросил Асур. — Милана передала вам эти бумаги исключительно из чувства справедливости. Очень неприятно выйдет, если ваше дело негативно отразится на ее репутации. Она — маг-металлист, ее сестра — артефактор. Представляете, что будет, если выяснится, что их старший родственник — преступник, место которого на виселице? Как будто мало ему репутации женоубийцы.

— Может, отец и не убивал вовсе? — пискнула я с надеждой.

— Убивал, разумеется. Ментальная магия такого уровня бесследно для мага не проходит. Целители установили, что на момент убийства Матвей Ковальчик был душевно болен. Скорее всего, какой-то из артефактов сработал не так, как должен был. В свете вот этого всего, — Туманов аккуратно сложил бумаги стопочкой, — дело будет пересмотрено, разумеется.

— А что делать мне? — тихо спросила я.

— Я обещаю, что ваше доброе имя не пострадает. Только будьте готовы к сотрудничеству. И да, барышня Ковальчик, мне придется отписать в государственную канцелярию. Мне не по чину это дело, буду просить помощи из столицы. Кстати, если что-то от меня нужно будет, я по четным дням недели здесь всегда обедаю. Приходите, не стесняйтесь.

Я сглотнула. Вот я... ослица! Зачем полезла в этот осиный улей?

Глава 36. Вместе

Улей улеем, а работать мне все равно было нужно. Попрощавшись с Тумановым и выпив весьма неплохого кофе, предложенного рыжеволосым Августом, я отправилась к зеркалографу, а Асур решил меня проводить.

— Ты считаешь, я зря в это полезла? — спросила я у него.

— Я бы поступил так же, — мрачно ответил целитель. — Это справедливо. Преступники должны быть наказаны.

— Но при этом я не отдала расписки Есении Карловны.

— Понимаю. И снова не могу тебя осудить. Скорее всего, любой на твоём месте прикрыл бы близкого человека. Думаю, твоя тетушка и без того живет в постоянном страхе и угрызениях совести.

Я в этом сомневалась, но была рада его поддержке. Однако Туманову удалось меня напугать. Он, конечно, обещал меня защитить, но я сомневалась, что мне удастся остаться в стороне.

— Знаешь, в Белокаменске есть школа для магов, — сказал мне Асур. — Ты талантливая, тебе учиться нужно. Из Буйска до туда часа три езды по хорошей дороге. Не хочешь все же получить образование?

— Дорого, наверное, — усомнилась я. — Да и я так мало знаю!

— Во-первых, деньги теперь у тебя есть. А во-вторых, в школу для того и идут, чтобы учиться. Ты книгу, которую я тебе дал, читала?

— Конечно. Очень интересная. У тебя еще есть?

— Это учебник первого курса университета. У меня есть еще несколько в отцовской библиотеке. Думаю, и у Озеровых есть, надо спросить Даньку. К тому же я как раз хотел с тобой серьезно поговорить про деньги.

Я с опаской на него покосилась: серьезных разговоров я не любила. Но он прав, нам давно стоит обсудить нашу будущую жизнь. Как-то я решила, что мы после свадьбы будем жить в доме Ковальчиков, но согласен ли на это Асур?

— Я сегодня получил плату за лечение, — сообщил мне целитель.

— Смешно, конечно: со мной расплатились яйцами и творогом. Так что добытчик из меня пока не очень, Милан. Я тебе предложение сделал, только боюсь, что пока к тебе на шею сяду. Буйск — город небогатый, а пациентов у меня немного.

— Это неважно, — пожалала я плечами. — Вон, яйца и творог — тоже ничего такая оплата. С голоду не умрем.

— Вот! О том и речь! Я буду тебе все деньги отдавать, а ты сама распоряжайся уж.

Я остановилась и удивленно на него посмотрела:

— Ты с ума сошел? Разве так принято?

— Нет. Но разве принято, что муж меньше жены зарабатывает? Давай честно, Милана, мне еще у тебя учиться и учиться. Я привык жить совсем по-другому, мне трудно. Ты мне помогать будешь. Я ведь понятия не имею, сколько продукты стоят. Я могу понять, какие ботинки хорошо пошиты, но сколько денег на них могу потратить, чтобы потом не голодать — это уже сложнее. Ты не думай, я научусь, я быстро учусь. Но мне будет спокойнее, если деньги будут у тебя, да хоть бы в том тайнике.

— Ладно, — я спрятала улыбку. — Княжич Синегорский, как же ты жил один?

— То пировал, то голодал, — усмехнулся он. — Один — это другое. А теперь я за семью отвечать должен.

— Я поняла. А у меня за покупки отвечала Аглайка. Будем вместе учиться, что думаешь?

Он обнял меня, поцеловал в лоб и шепнул:

— Мы друг друга стоим. Два ребенка решили пожениться, а жить самостоятельно не умеют. И ладно ты, девушка юная, а мне вообще непрослительно. Пора мне взростеть, Милана.

— Мы справимся, — пообещала я.

— Конечно, справимся. Мы же вместе.

За такими замечательными разговорами мы и дошли до зеркалографа. Возле него стояла распряженная бричка, конь пасся неподалёку. В бричке, надвинув на глаза шапку и закинув ноги на облучок, дремал Симеон.

— А тебе обязательно с ним вместе работать? — тут же помрачнел Асур.

— Обязательно. Мне напарник нужен, который будет колеса крутить и меня страховать.

— Я мог бы крутить.

— У тебя своя работа. Больные ждут.

Асур засопел сердито, но возразить не смог. Действительно, его работа была даже важнее моей.

— А, явилась наша великая магичка! — проснулся Симеон. — Опоздала ты!

— Дела неотложные были. Здравствуй, Симеон.

— И тебе не хворать. Вижу я твои дела, — и бросил хмурый взгляд на Асура. — Ну и не вовремя твои дела приехали!

— Не тебе судить, — фыркнула я. — Ну, иди к рычагам, а я наверх.

— А этот что? Смотреть будет?

— Я тебя смущаю? — вздёрнул бровь целитель.

— Нет, Миланку отвлекаешь.

— Думаю, она не против моего присутствия будет.

Я пожала плечами. Большой мальчик, сам разберётся, что ему делать. Хочет посмотреть — так я вовсе и не против. Привычно уже вскарабкалась по лесам, радуясь, что надела штаны. Положила ладонь на одну из шестерней, крикнула вниз:

— Крути!

И снова: найти место, где металл со скрежетом трется, цепляется; сгладить, уменьшить шероховатость, избыток стряхнуть в гвоздь.

— Крути, только медленно!

— Симеон, а ты ведь в университете не учился, — раздался снизу голос Асура. — Милан, слезай.

— Чего это?

— Совет дать хочу.

Я удивилась. Какой совет может дать мне целитель? Тут совсем другая магия! И при чем здесь университет?

— Солнышко мое, ты зачем руками в металл лезешь? — строго спросил Асур. — Ты же ювелир. Где твои инструменты?

— Вот, — я повертела перед его лицом пальцами. — Я всё руками делаю.

Он закатил глаза и покачал головой.

— Точно учиться надо. Ну ладно, я тебе книгу по распределению магических потоков найду. Ты слышала про такую вещь, как волшебная палочка?

— Так это сказки! — возмутилась я. — Деревянная палка с сердцевинкой из пера феникса и все такое.

— Какое ещё перо? — удивился Асур. — Металл, исключительно металл! Тот, который служит концентратором силы! погоди, я покажу!

Он снял с плеча свою неизменную сумку с инструментами и достал две знакомые мне короткие палочки.

— Я думала, это для осмотра, — пробормотала я.

— Да. Так я более точно направляю свою магию. Сила не рассеивается.

— Ну а я пальцами направляю.

— Верно. А в твоём случае, наоборот, нужна большая площадь. А то ты будешь пилочкой для ногтей мельничный жёрнов точить. Глупо и долго.

— А что же мне делать? — растерялась я.

— Я полагаю, к кузнецу идти и мастерить себе обычные инструменты: щипцы там, скребки, шаберы. От отца ведь у тебя ничего не осталось?

Я покачала головой.

— Но ведь тут металл! Разве его серебряным инструментом возьмёшь?

— Зачем серебряным? Глиняный и железо тебе подойдут лучше. Ты же пальцами можешь, а инструмент — это те же пальцы, только более ловкие, если приноровиться. Я тоже могу пальцами осмотр провести, но палочками быстрее и точнее выйдет.

— Это вас в университете так научили? — небрежно спросил Симеон, который внимательно слушал целителя.

— Да. Это второй курс.

— Понятно. А я только этой осенью на Север поеду учиться. Сначала отец Даньку послал, он старше. Я при нем остался помогать. А мне потом можно книгу будет, ну, когда Милана прочтает? У нас в библиотеке ничего такого точно нет. Батяка не маг, он и не вникал в такие тонкости. Матушка у нас даровитая, но ей учеба ни к чему была.

Я же вспомнила, сколько раз Аглая пыталась мне подсунуть свои инструменты, и устыдилась. Сестрица тоже неучёная, да кто нас учить-то будет, а ведь сама догадалась, что руками не всегда уместно. А я попробовала пару раз шилом да скребком и решила, что пальцы чувствительнее. Оказывается, зря решила.

Нет, вот закончу с зеркалографом — и на учёбу непременно. Вовсе недостаточно металлы чувствовать, нужна и теория!

Что ж, нужно инструменты где-то добывать, выходит! Оказывается, все сложнее, чем я думала.

Асур с Симеоном тихо разговаривали о чем-то на удивление мирно, а я выводила в нужные размеры маленькие шестерни, периодически покрикивая, чтобы крутили механизм. На этот раз не стала упахиваться до потери сознания, как пальцы начали мерзнуть и в животе засосало, спустилась. Целитель уже убежал, видимо, убедившись, что Семка меня не сожрет, княжич Озеров уже подготовил мне сладкого сбитня и пирогов с мясом. Подношение я приняла благосклонно.

— Ладно, — сказал парень, глядя на меня со странным выражением лица. — Признаю, был не прав.

— В чем?

Он вздохнул, опустил глаза и брякнул:

— На самом деле ты мне не нравишься.

— Как, совсем? — поперхнулась я.

— Нет, ну не в том смысле. Как женщина не нравишься. Я б на тебе жениться не хотел.

— А зачем тогда предлагал?

— Отец велел. Сказал, что вот хоть лоб себе разбей об зеркалограф, а Миланку завоюй. Два мага в семье лучше, чем один.

— Э-э-э... — только и сумела промычать я.

— Ты зла на меня не держи. Я слишком молод, чтобы жениться. Я хочу теперь в университет ехать, Синегорский дело говорит, без учебы нынче никуда. Брат выучился, теперь моя очередь. Да и девушек я люблю покрупнее, чтобы обнять можно было, и они в руках не сломались. Так что ничего у нас, Милка, не выйдет с тобой.

Я хмыкнула. Как будто я хотела! Смешной какой, я ведь ему прямо сказала, что другого люблю! А нет, все равно выставил так, словно это я по нему сохла, а он отказывает. Истинный сын своего отца!

— Стоп! — вдруг дошло до меня. — А что же это, Данил Аглае предложение сделал по указу Святогора Велемировича, что ли? Нисколько она ему не любя?

— Мне почем знать? — пожал могучими плечами Семка. — Я с ним о том не разговаривал. Что без батьки не обошлось — это точно, а все остальное — не ко мне.

Мне стало очень обидно за сестру. Это как же так вышло? И ее тоже обманул Озеров? Я обязательно с ней поговорю!

Ну Данька, ну подлец! Никак не ожидала от него такого коварства! А следовало бы ожидать. Яблоки от яблоньки далеко не падают.

— Я на сегодня закончила, — мрачно сообщила, вытирая руки об штаны. — Спешить мне теперь некуда, буду потихоньку.

— И правильно, — одобрил Семка. — Домой тебя отвезти, что ли?

— Зачем? Я не сильно устала. Сама дойду, тут недалече. Голову проветрю заодно.

— Дело твое. Я тогда тоже поеду.

Мы распрощались, и я с тяжелым сердцем пошла домой. Как-то мне было беспокойно.

Аглая красила новенькую деревянную дверь и что-то напевала. Она была такая счастливая, что я невольно заколебалась. Может, и промолчать? Нет. Я бы хотела знать на ее месте.

— Ты зачем тут что-то делаешь? — укорила я сестру. — Не твой ведь дом!

— Как это не мой, когда мой? По документам — моя цельная половина.

— Так ведь все равно жить тут не будешь.

— И что? — сестра положила кисть и лучезарно улыбнулась. — Мы ведь семья. А в семье принято друг другу помогать. Я и помогаю. Все равно делать больше нечего. Платье свадебное шьется, гостей звать еще рано...

— Об этом я и хочу поговорить, — я зажмурилась и словно в ледяную воду нырнула. — Данил твой на тебе женится по указке отца.

— И что? — спокойно спросила сестра. — Это же хорошо. Значит, будущему свекру я по душе.

— Но ведь не любит же он тебя!

— С чего ты взяла? Одно другому не мешает.

— Так это... любовь по приказу не приходит.

— Милан, ну ты сказочница, — Аглая смотрела на меня с нежностью. — Чего пристала, завидуешь что ли? Который раз эту беседу заводишь! По любви только кошки плодятся. А людям на то и разум дан, чтобы понимать, как им лучше будет. Данил для меня — лучшая партия. Я — сирота без денег и связей, а он старший княжич,

наследник своего отца. Дети наши будут Озеровыми уже. Им голодать не придется, работать будут, если сами захотят. Я в тепле и сытости.

— Это... — я замялась, пытаюсь подобрать слово, — как-то слишком рационально.

— Нет, ну если б Даня был злым, или жадным, или уродом, или меня обижал, то я б никогда не согласилась, — утешила меня Аглая. — Но он ведь красивый! И умный! и хороший! И обо мне заботится! С чего бы мне отказываться от такого счастья, а? Я что же, совсем дурочка?

Я вздохнула. Нет, она права, конечно. Но...

— Ты вот по уши влюбленная, хорошо тебе разве?

— Да, — кивнула я. — Хорошо.

— А от Асура семья отказалась из-за тебя. Как, совесть не мучает?

— Нет, — подумав, сказала я. — Ладно б я его заставляла, так он сам выбрал. Осознанно. А что? Дом у нас есть. Работа тоже. Деньги даже имеются. Будем жить-поживать в мире и согласии.

— Видимо, каждому свое, — пожала плечами Аглая. — Я вот не хотела бы, чтобы семья мужа меня ненавидела. Не по-людски это.

Теперь уже я отмахнулась. Да плевать я хотела на всех Синегорских, кроме Асура. Это только их выбор. Если им какие-то обычаи и правила важнее, чем счастье сына, то это лишь их проблемы. Да и вообще, не верила я, что они прям так уж от него отказались навечно. Вон, когда история с Рейной случилась, папочка Синегорский мигом примчался. Значит, не наплевать ему. Значит, рано или поздно помирятся. **От автора Сегодня я показываю [Наталью Варварову](#) и ее бесплатную книгу-антистресс [Сладкий подарок для императора Теней](#)**

Наталья Варварова

Сладкий
ПОДАРОК
для
императора Меней

одна из пяти сестер Дэшвуд. Не самая талантливая и не самая красивая, зато мне служит демон с бархатным голосом, который меня обожает... Нет, кого я обманываю? Стоит ему вычислить, кто из нас его хозяйка, как он выкинет меня, как сломанную куклу. Пусть побыстрее поможет нам с наследством и тогда... Тогда я выйду замуж за скучного соседа и стану навеки счастлива! Однажды всеильный император пожелал себе небывалый подарок: сладкий, но не приторный, приятный — но не утомительный, бесценный, но... Эй, почему не получается снять эту клятую повязку?

Глава 37 (отвлеченная). Расчеты и письма

Разговоры про будущее натолкнули меня на мысль о том, что деньги любят счет. Пора бы уже и мне подумать, как я буду жить дальше.

В отцовском кабинете было пусто и светло. Стены обиты свежими деревянными панелями, пол буквально вчера перестелили, потолок побелили. За все это нужно снова благодарить Аглаю, которая нашла мастеров и все проконтролировала, пока я занималась всякой ерундой. Деловая она и времени зря не теряет. С сестрой мне очень повезло.

Из мебели — только стол и стул, да пачка бумаг в столе. Я хотела еще обои поклеить, но их в Буйске не продают, Данил обещал чуть позже в Большегорск за ними съездить, когда дороги окончательно просохнут. Пока же кабинет был пуст и использовался лишь тогда, когда нужно было подписать какие-то бумаги.

Я села за стол, положила перед собой лист, обмакнула перо в чернила и накорябала (писать пером я толком так и не научилась):

1. *Зерк-ф. 200 зол.*

Ровно столько я потребовала с Озерова за свою работу. Как раз стоимость патента на Севере. Как раз столько, сколько он у меня украл.

2. *200 зол. банк.*

Мои честно заработанные деньги.

3. *Насл-во: 423 зол.*

И это не считая материалов.

Итого: 823 зол.

Много. Очень много.

Из этих денег мне нужно провести водопровод, закончить ремонт дома и пошить свадебное платье. Стоит еще узнать про учебу, Асур прав — знания лишними никогда не будут.

А что дальше? А дальше решать будем: или на Север вернемся, или тут останемся. Я открою свою мастерскую, Асур будет работать лекарем, а там и о детях подумаем. Хотелось бы верить, что неприятности закончились. Единственное, что вызывает у меня опасение теперь — это родня Асура. Не хотелось бы, чтобы они в мою

жизнь лезли. Я им неуютна, но от сына они вряд ли отрекутся. Что ж, проживем — увидим.

Из письма князя Озерова князю Синегорского:

Вот забрал я с собой Милану, что, легче тебе сделалось? Стоило оно того? Девка тоскует, не ест, не пьёт. С Семкой не вышло ничего, не слюбились они. Хранит верность твоему сыну, что, не ждал такого?

Жалко ее, погубим ведь. А где я потом такого ювелира найду?

И чем тебе такая невестка не по душе, не пойму. Кровь вашу холодную северную давно разбавить нужно.

Из ответного письма князя Синегорского:

Кто тебе сказал, что я своему младшему жениться запрещаю? Да пусть хоть кухарку в жены берет, лишь бы счастлив был. Только ему урок этот на пользу пошёл: за учёбу взялся сразу, работает много. А то ведь одни гулянки на уме были. Только и делал, что по ресторанам да по театрам шлялся, когда только учиться успевал, не пойму. Актриски еще эти вокруг него крутились... Оно мне надо было, чтобы какая-нибудь девица гуляющая ему голову вскружила?

Сын у меня младший, поздний, нежданный, да ты и так знаешь. Избаловали мы его совершенно. Знаешь, как горные орлы птенцов своих летать учат? Из гнезда выкидывают раз за разом. Если жалеть орленка, то крылья не окрепнут. Вот и выкинул я его из гнезда, так лучше будет ему же.

Если любит свою девицу, то пусть за ней едет. Препятствовать не стану. А если не любит, то лучше уж им расстаться одним махом. Сначала больно будет а потом стерпится.

А что верность хранит — это хорошо. Знать, ошибался я в ней. Нужно извиниться будет.

Из письма Асура к матери

Я все никак не мог понять, почему так вышло? Почему Милана? Разве не видел я девушек более красивых? Более умных? Более целомудренных? А потом понял — она стала моим якорем.

В тот день, когда мы встретились в Устинске, я был в настоящем отчаянии. Я потерял инструменты, дорогие, тонкой

работы, сделанные по моей руке. И у меня не было денег, чтобы их починить. Я вообще не умел обращаться с деньгами, не привык. Всегда жил на широкую ногу, зная, что стоит только попросить у тебя или у отца, и у меня будет все, что я пожелаю. И когда отец лишил меня финансирования, я даже не понял, что случилось. Разве это так важно — деньги? Разве мне с самого детства не внушали, что честь дороже денег, что дружба дороже денег, что любовь дороже денег, да все на свете дороже денег! Вот только выяснилось, что все эти истины работают, если ты богатый. И друзья, и красивые женщины рядом до тех пор, пока ты богат. А если тебе не хватает на еду, то ты уже думаешь о том, как поужинать, а не о какой-то там гипотетической чести.

И в тот момент, когда я уже готов был сдаться, когда ощущал себя несчастнейшим неудачником (а ведь я всего полгода вынужден был жить самостоятельно), появилась она. Светлая, яркая, как звезда, как искра теплого огня. Ей было совершенно плевать на мою родословную, рудники и шахты. Она не просила подарков, не хотела в театр или пафосный ресторан, не говорила: докажи, что я тебе нужна. Нет, я был нужен ей сам, только я один. Голый, одетый, грустный, веселый, щедрый, нищий — ей было неважно. Она могла меня накормить, утешить, приласкать. Я ощутил себя рядом с ней живым человеком.

Для той же Матильды я не был Асуром. Я был младшим княжичем в совокупности с титулом и семейными владениями. Я был частью чего-то... но не целостностью.

Мне стало плевать на то, что вместо ужина из шести блюд, приготовленного лучшим поваром Синегорья, мы едим булку с молоком, ведь мы ели ее напополам. Не столь важно, какие на тебе брюки — от Дэвисона или казенные университетские, пошитые на фабрике. Я больше не стеснялся стричь волосы сам. Стирать учился сам. Готовить тоже сам. Не столь и сложно оказалось. Вообще все было легко, ведь у меня был ветер по имени Милана, который одним взмахом тонкой руки прогоняла печали и тревоги.

Она просто была моим воздухом. Жаль только, что воздух мы обычно замечаем лишь тогда, когда он пропадает.

Из записки Данилы для Аглаи

СУНДУК мы с Семкой выкопали и утопили в заброшенном колодце. Никто уже не найдет, да если честно, и не узнает. Спи теперь спокойно, моя голубка, только записку сожги.

Из доклада начальника полицейского департамента Буйска в государеву канцелярию

Посему уведомляю, что девица Ковальчик, круглая сирота, вступив в наследство, обнаружила в доме тайник с расписками, которые свидетельствуют о том, что покойный ювелир Матвей Ковальчик изготавливал и продавал запретные артефакты неизвестного действия. Копии расписок прилагаются. Прошу прислать комиссию для тайного следствия и дозволение для допроса и обыска в домах покупателей.

Девушу Ковальчик за проявленную бдительность, активное сотрудничество и стремление к истинной справедливости прошу представить к награде.

Сообщение, переданное посредством зеркалографа. Буйск-Белокаменск, князя Озерова — государевой канцелярии.

Отправлено в полдень 2 числа мес. цветеня. Доставлено в 4 часа дня 2 числа мес. цветеня, расшифрованное в течение часа. “Работает! А сколько бы гонец ехал? А ежели на заставах враги? А ежели пожар или наводнение где? А ежели восстание? Изобретение мое пользы великой, прошу дополнительного финансирования для установки его на дальних границах и в горах, где сообщение затрудненное. Почтой отправлены предлагаемые мной ключевые точки и необходимые сметы. Готов возглавить работы и передать чертежи для государственного пользования.

Глава 38. Самомнение

В один прекрасный день ко мне в дом с самого утра заявились двое из ларца с телегой труб. В смысле, местные водопроводчики. Аглая визжала от радости, Данил вместе с ней остался контролировать процесс, а я, как обычно, сбежала к зеркалографу. Дел там осталось совсем немного.

Я таки выправила себе инструменты — как маленький, “ювелирный” комплект, так и покрупнее, специально для работы с большими механизмами. С первым вышло совсем просто, оказывается, у нашей братии был в Буйске свой мастер, у которого можно найти любые инструменты. Цены не то, чтобы кусались, но были не самыми низкими. Понятное дело, что выскочка и самоучка вроде меня не должна была себе позволить самый лучший комплект, но — сюрприз-сюрприз, и на моей улице перевернулся грузовик с пряниками. Старый мастер все пытался узнать, не нашла ли я отцовское наследство, но я его заверила, что князь Озеров мне очень достойно платит. Кстати, он планирует построить еще не один зеркалограф, так что мастера ему нужны.

Маленькая, но такая приятная месть! Надеюсь, что к Озерову выстроится очередь из местных ювелиров, жаждущих быстро заработать.

Пока же я пыталась приноровиться к новым способам работы. Получалось быстро, но неаккуратно, словно то, что раньше я брала пальцами, теперь нужно было удерживать галицами. Словно я пыталась прорисовать тоненькие линии широкой малярной кистью. Уставала я еще больше, зато и дело двигалось в разы быстрее.

Но с каждым днем, с каждым движением получалось все лучше, поэтому я и не забросила эту методу сразу же, а, закусив губу, снова и снова “пропускала” свою энергию через скребок.

Сегодня на мою работу явился поглядеть сам заказчик.

— Ну что, как оно? — спросил Озеров, рассеянно оглядывая меня.

— Немного осталось, — отчиталась я. — Почти все отрегулировано. Через три-четыре дня закончу.

— Славно, славно. А пошто ты грязная такая? Да еще в срамных портках?

— Так я не в ювелирной лавке сижу. А в юбке по лесам лазать опасно и неприлично.

— Пошей нормальные портки.

— Вам надо, вы и шейте, — буркнула я. — Осталось-то делов... Не хватало еще деньги на ветер выбрасывать.

— Не на ветер, а на репутацию, — назидательно покачал пальцем Озеров. — На мою в том числе. А ну мне в укор поставят, что моя работница выглядит, будто трубочист!

— Ничего. Я закончу зеркалограф, получу деньги, и мы с вами распрощаемся.

— Вот еще не дело. У меня еще машина прокатная не налажена. Я, видишь ли, сел да посчитал: зеркала на стороне заказывать — очень дорого и долго выходит. Буду сам производить. А для этого мне валки и формы нужны. Да такие, чтобы допуски ювелирные были.

Я закатила глаза. Так и знала, что в покое меня не оставят!

— Я замуж выхожу, Святогор Велемирович. Недосуг мне вашими допусками заниматься.

— Ну так замуж выйти — это ведь не утопиться. Выходи, кто тебе мешает. Да только сдастся мне, муж твой — такой же голодранец, как и ты. Даже в дом свой тебя не приведет, а к тебе придет.

— А вот этого не надо, — все шальное веселье у меня как рукой сняло. — Я не за деньги и статус замуж выхожу, а за живого человека. А что до его финансов — так время придет, и Асур всего добьется.

— Кто ж спорит. Добьется. Если к нему люди пойдут. А если я прикажу...

— А вы прикажите, — ласково предложила я. — Только потом не спрашивайте, почему я на Север с мужем уехала. Навсегда.

Он молча смотрел на меня, дергая бороду, а потом вдруг кивнул серьезно.

— Понял, пережал. С тобой так нельзя. Ладно, а если наоборот? Я твоему Асуру больницу подарю, а? А ты взамен со мной работать будешь.

— Святогор Велемирович, — вздохнула я. — А вы не пробовали со мной как-то по-честному работать? Если б я мужчиной была, вы бы разве мне угрожали? Или пытались подкупить?

— Ну... ты ж не мужчина все равно.

— Давайте так, — я натянуто улыбнулась. — Сначала начнем. Вам нужен маг-металлист. Почему я? Других магов нет?

— Ты аккуратная и точная. Слово держишь, цену себе не набиваешь. Если делаешь, то на совесть.

— И поэтому вы мне постоянно пытаетесь руки выкрутить, да?

— Ну... вобщем, да.

— Слушайте. Юг мне нравится больше, чем Север. Тут у меня дом, сестра, работа. И я не против вашего зеркалографа, но и одним им заниматься не хочу. Мне скучно и тяжело. Я учиться собираюсь пойти, понимаете? И хочу все же настоящим ювелиром стать, мне это интересно. А вы меня к вашему проекту пытаетесь золотыми цепями приковать. Не надо, я на поводок садиться не согласна.

— Дурная ты девка, — пробормотал Озеров. — Не каждый мужик так мне сказать посмеет. Думаешь, если замуж за Синегорского выйдешь, так княгиней станешь? Так оно не работает, да и не примут тебя в княжий род.

— Да при чем здесь Синегорские? — я топнула ногой, пытаюсь донести до этого барана хоть что-то. — Я про себя говорю!

— А ты кто такая сама из себя-то? Сирота безродная. Ни связей, ни магии особо сильной. Отпор дать не сможешь, супротив мужчины не устоишь.

— Я та, кто свою работу делает на совесть, — напомнила ему его же слова. — И та, с кем можно как с человеком договориться.

— И чего ты хочешь, человек — мастер Ковальчик?

— Разумного. Денег, свободный график, и чтобы вы меня официально в проект ввели. Как-никак, я немало сделала. И еще немало могу.

Я рисковала, прекрасно понимая, что требую странного. На Севере-то женщин считали существами второго сорта, а тут, на Юге и вовсе прав у них было едва ли не меньше, чем у малых детей. Ишь чего захотела — наравне с князем стоять! Но если сейчас его не продавить, то он так и будет всю оставшуюся жизнь из меня кровь тянуть.

В голове мелькнуло кошунственное: а ведь у меня записи отца есть. Если Аглаю обмануть (а это несложно, она мне целиком доверяла), что мне мешает сделать какой-нибудь артефакт, из-за которого здоровье столь неугомонного человека пошатнется, и ему волей-неволей придется оставить меня в покое? Подло и жестоко?

Верно. Но ничуть не подлее, чем его методы. Мне надоело быть жертвой, буду защищаться как умею.

— Это что же, ты желаешь моим партнером стать? — изумленно спросил князь. — А щеки не треснут? Может, мне тебя и государю представить?

— Нет, без государя я как-нибудь обойдусь, — заверила его я. — А вот партнером — желаю. Младшим, конечно. Но чтобы рядом быть, а не под ногами где-то болтаться. И чтобы без угроз и шантажа, а добрая сделка была.

— Вот это наглость! Да зачем тебе это нужно, девонька?

Я подумала и ответила честно:

— Затем, что я могу. И полезной быть могу, и нагадить тоже сумею. Хватит, мне надоело быть вашей крепостной.

— Что, как жених кольцо на палец надел, так смелая стала? Думаешь, он тебя защитит? — прищурился Озеров. — Много о себе возомнила, девонька. Ты мне не ровня и ровней никогда не станешь. Таких магов как ты — на углу телегами продают в базарный день. И откуда только глупости такие в твоей пустой голове — партнером стать! Забудь. Этого не будет никогда. А вот про то, что нагадить сумеешь — я запомнил.

— Запишите еще, — буркнула я, понимая, что снова проиграла. Была б мужиком, еще, возможно, князь бы меня услышал, а девка, да еще южная, — никто и звать никак. Хоть уработайся!

— И запишу. И подумаю еще, что с тобой, такой наглой, делать. Заканчивай тут, я проверю. В твоих же интересах, чтобы все идеально было. А не то... не забывай, кстати, что у тебя и сестрица есть, которая под моим крылом жить будет. А сыновья у меня, знаешь, какие послушные?

Вот ведь... сатрап! Деспот! Говнюк самый настоящий!

Я едва удержалась, чтобы не плюнуть ему в спину. Самое противное, я даже ответить не могу — аукнется мне все это. Ну так кукиш ему, а не пресс-формы для зеркал. Даже и не подумаю за эту работу браться. Пусть другого мага ищет.

Только бы он Асуру или Аглайке ничего не сделал дурного!

Итак, у меня теперь есть враг, сильный и коварный. А мозгов, видимо, как не было, так и нет.

И что мне стоит быть похитрее? И с Асуром нужно было в свое время по-другому себя вести, где-то смолчать, где-то притвориться холодной. А я сразу и в лоб — пойдем в койку. Глядишь, родители его бы меня приняли, если б я была нормальной капризной и целомудренной барышней. Если б сначала чего-то добились, а потом пару лет его за нос водила. И с князем надо было осторожнее. А не выходило. Наверное, я и в прошлой жизни вот так косячила. Неудивительно, что одна под конец осталась. Мало кто любит, когда им отвечают той же монетой.

Ну что ж, дело уже сделано. Теперь придется еще и на князя оглядываться.

А вообще, умный он мужик. И прав в одном — рядом с Асуром я стала смелее и наглее. И не то, чтобы он дурно на меня влиял, просто я расслабилась и позволила себе думать не только о выживании, но и о будущей карьере.

Жаль, план был хорош. Если б я стала партнером Озерова, родители Асура взглянули бы на меня по-другому. Я уже была бы не нищей безродной девкой. Ну да, не потомственная аристократка, но и не шваль подзаборная, а мастер, причем мастер признанный. С выгодными заказами и с ярким именем.

Не вышло. Ну ничего, какие мои годы...

Глава 39. Перспективы

— Иногда я думаю, что ты вообще не от мира сего, — задумчиво сказал Асур, вместе с Данилом заявившийся на ужин, как, впрочем, они делали это постоянно. — Где это видано, чтобы молодой мастер, да еще и девица, ставили условия потомственному князю? Он в своих владениях — государь. Да и на Севере я бы сто раз подумал, прежде, чем с каким-то князем спорить. Что уж говорить, мой отец, и тот не позволил мне своевольничать, так то отец, не чужой человек.

Я вздохнула. Наверное, зря рассказала. Но ведь он имеет право знать, во что я его нечаянно втянула.

— Понимаешь, Асур, все люди равны.

— Смешно. Люди не могут быть равны по праву рождения. Кто-то князь, кто-то пастух. Кто-то маг, кто-то деревенский дурачок.

Последнее явно намекало на меня.

— Но в чем разница? Две руки, две ноги, голова на плечах!

— В воспитании, милая. И во врожденных качествах.

— Ну конечно. Именно поэтому ты, урожденный княжич Синегорский, сидишь рядом со мной после тяжелого рабочего дня, в грязной рубашке и рваных ботинках. Пьешь дешевый чай с булками. А твой друг, старший княжич Озеров, печет самолично блинчики. А дочь утешительницы — в твоём замке на попечении твоих родителей ест с золотой тарелки лучшие блюда. Какие такие врожденные качества привели к такому результату?

Асур немного смутился и спрятал ноги под стул. Изящные лаковые туфли у него порвались еще днем: он много бегал в них по брусчатке вместо того, чтобы ездить в карете, да и вообще их век закончился.

— Дед мой был сыном мельника, — неожиданно вмешался Данил. — А стал князем, когда война была, а он командование на себя принял. Государь ему дал землю и звание. Так что в определенном смысле Милана права. Да что там говорить, каждый княжеский род идет от магов или воинов. Бывают и среди аристократов пьяницы и игроки, бывают и убийцы. А иной раз среди ювелирных дочек такие сокровища найти можно, только диву даешься.

И он приобнял зардевшуюся Аглаю, которая в мои крамольные речи вообще не вмешивалась.

— Ну допустим. И все же по праву происхождения и воспитания куда чаще в знатных родах появляются сильные маги, умелые политики, управленцы и военачальники, — не сдавался Асур. — Их ведь с детства учат всякому. А крестьянский сын видит только коров и кур.

— Но любой крестьянский сын, коли вышел разумом и дерзостью, может учиться и выйти из коровника в люди. Было бы в Урусе бесплатное образование...

— То некому было бы пасти коров, — отрезал Асур, хмурясь. — Все бы захотели в чиновники!

— Тю, — отмахнулся Данил. — Глупости говоришь. Чиновником не каждый стать может, там надо экзамен выдержать. К тому же далеко не каждый пастух учиться захочет. Всяк на своем месте хорош. Вон Милкиному дядюшке предложи бросить постоянный двор и перебраться в город, знаешь, что он тебе на это скажет?

— Догадываюсь, — усмехнулся Асур. — Ладно, тут я согласен. Талантливые маги, да и просто умные люди везде нужны, даже если у них родители — конюхи. Ну так вроде бы им дорога к учебе открыта? У нас на курсе несколько деревенских парней было. Да и я сам, как ты помнишь, на последнем курсе по ночам работал, чтобы учебу оплатить. Так что в Урусе с правами населения все в порядке, нам о реформах думать нужно с осторожностью.

— Женское образование нужно, — пискнула я, догадываясь, что вызову новый всплеск спора. Но, к моему удивлению, оба парня синхронно кивнули:

— Нужно, конечно. Это ж какие ресурсы пропадают! Половина магов — женщины. То есть пятьдесят процентов магов у нас остаются без образования!

— Из этих пятидесяти процентов — сорок девять с половиной хотят выйти замуж и рожать детей! — вдруг заявила Аглая. — Пока мужчины не научатся носить ребенка и грудью кормить, пусть даже не думают женщин в расход пускать!

— Священное право материнства, — вздохнул Данил. — Голубка моя, но ты ведь — хороший артефактор. Не жалко бросать работу?

— А что же, ты прокормить меня не сможешь? — вскинула брови Аглая. — Недостаточно богатый?

— Смогу. А если со мной случится что?

— Тогда обо мне отец твой позаботится.

— Верно. И все же... Я бы хотел, чтобы ты учиться пошла. Лишним не будет. С умной женщиной и поговорить приятно, и совета у нее спросить не зазорно.

Я с нежностью посмотрела на Данила: вот ведь повезло Аглайке, зря я про него плохо думала! Не будь у меня Асура, я бы за него замуж пошла без раздумий. Разумно рассуждает, не цепляется за предрассудки, не собирается жену к колыбели навеки привязывать. И как у подлеца Озерова такой сыночек вырос? Не иначе, как матушка его воспитывала.

— Кстати, да, — кивнула я. — А еще умная мать может умных детей вырастить. Скажи, Данил, ты ведь больше с матерью рос?

— Я да. Как стало ясно, что я целитель, так отец стал везде Семку таскать с собой. Он-то природник, с ним сподручнее. Да, ты в корень зришь, я многому у матери научился.

Аглая засопела.

— Так дом-то кто хранить будет, ежели хозяйка весь день на работе?

— У тебя, голубка моя, прислуга будет. Кухарки, горничные, няньки — кого выберешь. А уж как Мила с Асуром справляться будут, мне неведомо.

— Известно как, — ухмыльнулся Асур. — Свои портки я стирать уже научился. Могу и жене юбку постирать теперь, руки не отвалятся.

Все засмеялись, а я подумала, что нет, я Асура ни на кого не променяю, фигушки им. Мой жених — самый лучший в мире.

А дальше разговор зашел о свадьбе. У Аглаи и платье уже готово было, и с соседками она успела сговориться.

— Как только с водопроводом закончат, так и гуляем, — обозначила сроки она. — Чего тянуть-то? И без того уже люди косятся, что к двум незамужним девицам парни ходят постоянно. Кудровы да Борисовы нам с угощением помогут, часть из ресторана закажем. Столы прямо в саду поставим, стулья да посуду у соседей возьмем. Данил с лошадьми и бричками вопрос решит, все как у людей будет. Вино и мяса князь-батюшка обещался привезти. Так что и по городу проедем с музыкой, и стол богатый соберем, а ежели кому дурно станет, то у нас даже два целителя имеются.

— Я бы хотела дядьку Тамира с семьей позвать, — кивнула я, вспоминая, что до портнихи так и не добралась. — И Есению Карловну, конечно, если она придет. Все же кто она, а кто мы.

— А кто мы? — картинно вскинул брови Данил. — Мы — княжичи. Озеров и Синегорский. А вы — наши невесты. Еще бы какая-то тетка Яся побрезговала нашей свадьбой.

Я кивнула, соглашаясь. Тут он прав, я не подумав ляпнула.

— У меня и ткани на платье нет, — сказала я тихо Асуру. — Нужно завтра бежать, искать.

— Погоди пару дней, — так же тихо ответил он. — Если ничего не поменяется, то вместе сходим и выберем. У меня там выходной день будет.

На том и порешили.

Покончив с ужином, мужчины вымыли посуду, доказывая упрямой Аглае, что ничуть не хуже нее могут справиться с хозяйством, а потом ушли.

— Это все ты виновата, — упрекнула меня сестрица. — Придумываешь всякие вредные глупости. Где это видано, чтобы мужик посуду мыл?

— Ну, блины же твой княжич печет, — отмахнулась я. — Я не умею, а он умеет. Посуда разве сложнее? Да и у тебя все равно вскоре кухарка будет.

— Ничего ты не понимаешь. Женщина домом занимается, мужчина деньги зарабатывает. Так всегда было, так правильно. У каждого своя роль. А ты — учиться, работать! Если так дело пойдет, то скоро женщины на заставе служить будут и камни ворочать на стройке, а мужики пеленки стирать. Оно вот нам надо?

Я промолчала, потому что была не против. И пусть стирают, плохо, что ли? А что до военной службы — так если кто хочет, почему бы и нет?

— Ладно, Аглай, не дуйся. Это я все для себя говорила. У меня дом весь в руинах, жених не богатый, да еще его родители против нашего брака. Это тебе работа не особо нужна, а мне — очень даже. Заказ бы! Да такой, побогаче! Чтобы и интересный, и князю Озерову нос утереть!

— Ты бы не загадывала слишком много, — посоветовала Аглая. — Услышат тебя высшие силы, потом пожалеешь. Примета такая есть верная: чем больше просишь, тем больше получишь.

— Так мне того и нужно.

— А чем больше получишь, тем больше с тебя потом спросится, — безжалостно завершила сестра. — Шла бы ты завтра поутру в мастерскую тогда. А то откуда заказам братья, коли тебя на месте не бывает почти? А я на рынок да к портнихе. Скатерти новые нужны, не тебе же их искать.

— Ну, я могу.

— Спасибо, я сама. Ты не слишком разбираешься и торговаться не умеешь. Купишь втиридорога...

Я могла бы сказать, что торговаться еще как умею, вон, с Озеровым как торговалась... жаль только, в пух и прах он меня разбил. Действительно, пусть лучше Аглая займется подготовкой к свадьбе, а я с соединением труб помогу водопроводчикам, да мастерскую с раннего утра открою.

В общем, Аглая накаркала.

Заказчик и в самом деле появился. И именно такой, какого я и просила... Но... Вышло все равно так, как сказала сестра.

Когда господа из водного департамента собрали инструменты и отправились на обед, в мастерскую зашел высокий и добротнo одетый незнакомец средних лет. На вид совершенно непримечательный. Лицо обычное, фигура ничем не выдающаяся.

— Барышня Ковальчик, принимаете ли заказы на артефакты? — спросил мужчина.

— Да что вы! — удивилась я. — У меня патент мага-металлиста, к тому же — всего третий уровень. Какие уж мне артефакты? Я только ювелирные изделия могу.

— Так говорят, сестрица ваша — вполне приличный артефактор, — не отставал посетитель. — Вы ведь с ней на пару работаете, верно?

— Верно, — все еще не понимала я. — Так к ней и обращайтесь. Но она заказы сейчас не берет, у нее свадьба скоро со старшим княжичем Озеровым. Ей больше работать не нужно.

— Я хорошо заплачу, барышня, — мужчина оглянулся на затворенную дверь и быстро выложил на стол в ряд несколько золотых монет.

Я захлопала глазами. За наши с Аглаей артефакты никогда раньше не платили золотом. Обычно серебром или медью. Разве что очень серьезные вещи мы продавали дорого, вроде шкатулки-сейфа с потайным дном. Но мужчина был не похож на того, кому нужна была подобная вещь.

Признаться, он вовсе ни на кого похож не был. Не знатный — разговаривает не так, держится не так, штаны простые, сапоги, грязью забрызганные, без перчаток и в мятой шляпе. И дело было даже не в стоимости одежды. Асур тоже давно не носил дорогих вещей, но держался с определенным достоинством. Не специально, у него как-то само собой выходило. И обувь у него всегда блестела, и плащ не мялся, и выражался куда более изысканно.

Но посетитель и на простого человека не тянул. Горожане такие деньги с собой не носят. И не так самоуверены, нет, жители Буйска — люди простые и открытые. Если б мы были на Севере, я бы не насторожилась, там все такие... замкнутые и загадочные, словно от холодного ветра закрываются, но на Юге любой человек, который что-то скрывает, бросается в глаза.

Есть у меня одна мысль... и я почти уверена в своей правоте.

— И какой же вы хотите артефакт, господин? — спокойно спросила я, даже не пытаясь взять деньги.

— Спокойствие, — шепотом сказал мужчина.

— Я совершенно спокойна, — ответила я, хмуря брови.

— Нет, вы не поняли. Мне нужен артефакт “спокойствие”.

— Это вы не поняли, господин полицейский, — позволила себе улыбнуться я. — Во-первых, я не артефактор. Во-вторых, ментальная магия запрещена. А в-третьих, ни я, ни моя сестра попросту не умеем делать эти артефакты. Извините.

Мужчина пытливо поглядел на меня, собрал золото в кошелек и кивнул:

— Умная. Это хорошо. А все же нам нужны эти артефакты, понимаешь, Милана? Без них сложно работать. Ведь ты сможешь их сделать.

— Да с чего вы взяли?

— Ты — дочь своего отца. Дела ведешь сама, хитрая, расчетливая. И сестрица у тебя такая же. Шутка ли — две безродные девицы окрутили каждая по княжичу! Тут особый ум нужен. Ветку от дерева недалеко унесло. Ковальчик был таков же.

— Я за прошлые дела отца не отвечаю, — дернула головой я. — Мне было пять лет, когда он погиб. Откуда мне знать, чем он занимался?

— Но про артефакты ж ты знаешь? И про его тайные дела. И записи, я уверен, нашла. Лучше б тебе с полицией работать, чем с теми, кто по старой памяти придет за другими заказами.

— Подите прочь, — устало ответила я. — Я ничего не знаю, ничего не ведаю. Я просто маг-металлист. А вы меня шантажировать зачем-то пытаетесь.

— Глупая. Не уйти тебе от славы отцовской. И придут, и попросят, да так попросят, что не откажешься. И это у тебя детей пока нет, но есть жених, верно? И сестра. Такие люди придут, что для них твоя жизнь — что кошачья.

И ушел.

А я осталась дрожать за стойкой.

Куда бежать за защитой? Как объяснить, что я и вправду не умею?

А что, если и отца держали на коротком поводке? Что, если он и хотел бы уйти от своих нечистых дел, да не умел? И все, что с ним случилось, вовсе не роковая ошибка, как я предполагала? Если его убрали за то, что он что-то отказался смастерить?

Человек, который ко мне приходил, был довольно молод. Ему на вид чуть больше сорока было. Стало быть, отца он мог знать лично, но не слишком хорошо. Мне кажется, что он приходил не сам от себя, за

ним кто-то стоял. И этот кто-то явно не начальник полицейского департамента.

Да. Конечно, я поговорю с Тумановым. Он мне обещал защиту. Пусть разбирается со своими людьми.

Эх, вот я попала между молотом и наковальней! С одной стороны меня Озеров за пятки щекочет, с другой стороны — прежние отцовы заказчики угрожают. А еще у меня свадьба через пару недель, между прочим!

Глава 40. Приятные хлопоты

Твердо решив, что завтра непременно попрошу защиты у главы полицейского департамента, я закрыла к чертям полосатым мастерскую и отправилась соединять трубы водопроводной системы. Зеркалограф подождет, он же работает кое-как, а вот моя уборная ждать не может.

Нормальные ребята, кстати, оказались, веселые. Звали меня в департамент с ними в команде работать, потому что их штатный маг-металлист много пьет и не слишком хорошо работает. Трубам, в принципе, без разницы, как их соединяют, лишь бы течи не было, тем более, стыки стараются хомутами закрывать, но я ж для себя делала, поэтому у меня вообще незаметно было, где соединение.

— Честное слово, ювелирная работа! — восхищались мужички.

— Так я же ювелир, — скромно отвечала я.

Но работать на департамент отказалась, не мой масштаб. Я что-то маленькое лучше. Мне из крупных проектов зеркалографа хватило за глаза и за уши.

С артефактами согласно проекту решили не заморачиваться, поставили два: нагревающий в том месте, где труба в дом входила, и артефакт движения во дворе возле подводной трубы. У меня, конечно, были кое-какие мысли, чтобы усовершенствовать проект, но пока я решила не заморачиваться. Чем быстрее у меня в доме будет горячая вода, тем лучше.

А ведь для отопления можно обойтись вообще без подвода воды — если сделать непрерывную циркуляцию в замкнутом контуре! Но там тоже нужны будут те же самые артефакты. Ух! Сделать бы теплые полы в доме... Но это потом, потом. А сегодня я буду принимать настоящую ванну, а не таскать ведра и поливать свою чересчур горячую голову из ковшика.

К вечеру меня ждал еще один сюрприз: как обычно, на ужин пришли Асур с Данилом, но на этот раз — таинственно сверкая глазами и заговорщицки улыбаясь.

— Я тебе тут кое-что принес, обещай не злиться, — начал Асур несколько неуверенно и поставил на стол большой деревянный ящик с почтовыми бирками. Я по выражению его лица догадалась, что он прекрасно знает, что в ящике, и то, что внутри, ему нравится.

— Это откуда? — вздохнула я.

— Это от моей матери посылка.

Вот теперь мне стало страшно. Вряд ли семья моего жениха прислала что-то хорошее. Я, скорее, поверю, что они там бомбу спрятали, но, к счастью, в Урусе не было таких технологий. Ох! Хоть бы там ботинки новые для Асура были, вот это было бы счастье!

— Открывай уже, — нетерпеливо выдохнула любопытная Аглая.

Я рискнула. Крышка снималась легко, Асур, наверное, уже заглядывал. Внутри были опилки и тканевые свертки. Я достала самый большой, развернула...

В руках у меня было настоящее свадебное платье. Не знаю, наверное, фасон устарел уже, да и кружев таких я не видела, явно ведь ручная работа, очень тонкая. Белоснежный скользкий шелк, пышная юбка, узкий длинный рукав. Корсаж весь кружевной. Очень простое и очень элегантное, пожалуй. И невероятно дорогое, как я понимаю.

— Это платье, — тупо сказала я, недоуменно взглянув на Асура.

— Это семейная реликвия Синегорских. Все женщины нашей семьи в нем замуж выходят, начиная еще с моей пра-прабабки. Моя матушка в нем на свадьбе была, жены моих братьев... Тетка моя тоже.

— Охренеть.

— Милана, если тебе не нравится, ты вовсе не обязана... — встревоженно начал Асур, глядя на мои полные слез глаза. — Я понимаю, ты не хочешь какое-то старье надевать. Закажем новое, только не плачь.

— С ума сошел? — я ревниво прижала платье к груди. — Красота такая! Только сядет ли? Вот не верю, что все женщины у Синегорских одинакового роста и комплекции. А ну как я утону в нем?

— Не утонешь, — с облегчением улыбнулся Асур. — Тут шнуровка есть, к тому же швея подгонит под фигуру, если нужно. А матушка у меня тоже тоненькая как тростиночка была когда-то, да и ростом как ты.

— Все ясно, ты себе женщину выбирал, чтобы на мать похожа была, — пошутила я, с благоговением разглядывая кружевное плетение. — Получается, твои все же меня признали?

— Насчет отца и деда не скажу, а мама тебя готова любить, — ответил мой жених. — Она у меня чудесная, правда.

— Там еще всякое в ящике, — подала голос сестра. — Может, покажешь?

Я бережно свернула платье, подавив свой порыв немедленно его примерить. Положила на стол и снова заглянула в посылку. Выудила сверток и удивленно наморщила лоб:

— Это тебе, Аглая.

— Как это мне?

— Тут так написано.

Мы развернули ткань и обе покраснели. Белое кружевное белье, невероятно красивое и, пожалуй, весьма провокационное. И чулки шелковые еще.

— Я это не надену, — проямлила сестрица.

Я нашла в ящике такой же сверток для меня и с довольным видом развернула. А я вот надену и не один раз! Я уже люблю всем сердцем свою будущую свекровь!

— Я бы очень хотел, чтобы ты это надела, — мурлыкнул молчавший до этого Данил. — Ради меня. Пожалуйста.

— Ну, я подумаю.

— Я тоже думать буду. И ждать.

Я спрятала глаза. Хм, звучит многообещающе. Я теперь понимаю Аглаю, которая вечно ругает меня за излишние вольности. Не знаю даже, куда глаза спрятать, так мне стало неловко. Скорее бы уже свадьба, чтобы никого не стыдиться и жить вместе с любимыми на законных основаниях! И чтобы не прощаться каждый вечер, довольствуясь украденными поцелуями.

Как-то так выходило, что мы совсем не оставались наедине. Днем оба работали, а вечером Аглая бдила аки орлица за моей нравственностью. Если уж я на стенку лезла, то каково ему — целителю с вечно пустым резервом? Пациентов у Асура было уже немало, он был с Севера, люди шли сначала из любопытства, а потом, когда понимали, что он действительно отличный целитель, возвращались, да еще знакомым рассказывали о новом молодом лекаре.

— Работы много? — спросила я, провожая любимого.

— Хватает. Тут с зубами у всех проблемы. А я лучше всего в этом разбираюсь.

Я с восторгом поглядела на своего личного целителя. Ты ж подумай, он еще и стоматолог! Как же мне повезло! Расспрашивать, как

тут зубы лечат, я не решилась, страшно чего-то. Зато потом подскажу, как кресло сделать для осмотра с наклонной спинкой, вряд ли тут уже такое придумали. Ну и вообще... все там будем. Успею еще, пока с зубами у меня все в порядке.

— Спасибо за платье. Мне правда очень нравится.

— Так это не мне, а матушке моей. Против отца она не пойдет, на свадьбу не приедет. Но вот так издалека нас благословила.

Я прильнула к нему, крепко обнимая. Ничего объяснять не буду, просто пока у меня нет слов. Что же он про меня рассказывал, если его мать поняла и приняла?

Как много, оказывается, для меня значит этот момент! Асур — не сирота, его любят, его прощают, его поддерживают. Я была счастлива и за него, и за себя.

Платье я все же примерила. Оно село прекрасно, разве что шнуровку пришлось затянуть по максимуму. Все-таки Синегорские выбирают себе жен по фигуре, или я просто больше похожа комплекцией на северянку, чем на крупных, ярких и румяных барышень Юга.

— Ты просто кушала плохо, — разрушила мои мечты Аглая, которой платье тоже очень нравилось. — Да и папа твой, судя по рассказам, был невысоким и худым. Мама рассказывала, что он ее на полголовы ниже был.

— А что еще тебе мама рассказывала?

— Да всякое... Матвей Ковальчик очень скрытным был и гостей не любил. И матушке твоей запрещал подруг в дом звать. И в гости ее не пускал. Словно брезговал моей семьей. Я тебя, почитай, если в детстве и видела, то лишь издалека и на улице, да пару раз, когда наши матери втайне от всех встречались. Сестры все же, родная кровь.

— А он злой был? Ну, отец мой? Может, бил маму, мучил ее, ругал?

— Нет, этого не было. Он ее обожал. Дарил ей много драгоценностей, у самых лучших портных наряды заказывал. Но когда мои родители хотели денег в долг на патент занять, не дал, прогнал прочь. Жадный был, наверное, хотя заказов у него хватало. Хорошо, что ты не в него пошла.

Мы проболтали до поздней ночи. Аглая пустилась в воспоминания о своем детстве. По всему выходило, что жила ее семья очень небогато,

в отличие от моей. А отец мой был нелюдимым и жадным, только мать мою и любил. А любил ли меня, Аглая не знала.

А я все думала: а что, если и к нему приходили люди, которые требовали у него запретные артефакты и угрожали близким? Тогда понятно, почему он гостей в дом не пускал и матери запретил с сестрой общаться. Уберечь пытался.

Ну не хотелось мне верить, что он был мало что преступник, так еще откровенный подлец и скряга!

Глава 41. Дочь ювелира

Я заявила в “Ведьму и осла” перед обедом, долго пила кофе и сплетничала с молодым трактирщиком. Сам он, впрочем, предпочитал называть себя на иноземный манер “кельнером”, потому как у них был не трактир, а небольшой ресторан, а владельцем он не был, как, впрочем, и наемником: здесь хозяйкой была его мать, а он сам вроде бы и отвечал за все, но прав никаких не имел.

— Женщины — все ведьмы, — жаловался Август. — Вот моя маманя когда-то...

Я вздыхала и поддакивала: кофе он мне наливал бесплатно, можно было и исповедь принять. По всему выходило, что истинная хозяйка ресторана — женщина незаурядных достоинств, ведь даже заморского зверя крокодилуса ловила едва ли не собственноручно. И в кофе разбиралась тоже прекрасно, и в специях, и в заморских кушаньях. А сейчас эта чудесная женщина уехала на поиски новых диковинок, оставив своего сынулю присматривать за любимым ребенком. Как я поняла, детей у нее было двое: “Ведьма и осел” и этот, как его там.

Закончилось все тем, что я из жалости пригласила беднягу Августа к себе на свадьбу, а он радостно согласился, да еще пообещал помочь с продуктами. От дальнейшего сближения меня спасло появление господина полицейского.

— Барышня Ковальчик? Вы ко мне? Обедали?

— Спасибо, не голодна. Да, у меня к вам вопрос.

Мы прошли в кабинет, где шустрый Август накрыл на стол и поставил для меня четвертую чашку кофе. Нет, я люблю кофе, но всему же есть предел!

— Рассказывайте, — потребовал Туманов, нисколько не стесняясь приступая к обеду.

— Ко мне приходил человек и спрашивал те самые артефакты, — не стала ходить вокруг да около я. — Мне показалось, что из полиции.

Мужчина подобрался и засверкал глазами, бросив ложку.

— Я никого не посылал. Почему вы так решили, Милана?

— Одет просто, но дорого, неприметный, глазами шарился везде, разговаривал как горожанин, но слишком спокойно, уверенно. Потом

начал угрожать, что если я артефакт не сделаю, то моей семье плохо придется.

— Возраст, приметы?

— За сорок. Борода короткая, аккуратная, вроде как своя, не приклеенная. Брови широкие, глаза карие, нос средний с горбинкой. Роста на две ладони выше меня, телосложение упитанное, с брюшком. Одет в куртку суконную, рубашку серую в красную полосу, шляпа мягкая коричневая, сапоги шиты на заказ.

— Ого! Да вам самое дело в полиции работать, барышня! Столько всего упомянули! Обычно людей спрашиваешь, а они только бороду и вспомнят, ну, может, рост еще.

— Так я специально запоминала, — объяснила я. — Сразу поняла, что дело нечисто.

— Похоже на моих людей, точнее, двое подходят. Только думается, что я знаю, кто это был. Потом прогуляетесь со мной, я покажу вам. Расскажите мне подробно, чего он хотел.

Я рассказала все, что помнила. За это время Туманов как раз успел уничтожить все, что было на столе, в том числе ловко подменив мой кофе на стакан морса.

— А кофе здесь лучший в Буйске, — мечтательно поведал он. — И хозяйка — удивительная женщина. Жаль, что слишком любит свободу.

Я вяло кивнула, а потом вспомнила:

— У меня еще проблема нарисовалась. Князь Озеров руки выкручивает. Требуется, чтобы я на него работала, а я не хочу.

— Не платит? — уточнил мужчина.

— Платит и щедро. Но вот не по мне шапка. Я же ювелир, а у него масштабы огромные. Мне тяжело слишком. Да и вообще, я хотела бы собственную мастерскую, а не становиться личным княжеским металлистом.

— А от меня вы чего хотите? Мне с князем ссориться не с руки, у него власти больше, чем у меня.

— А если он про обратные артефакты узнает, что будет?

— Ничего, — не сомневаясь, ответил Туманов. — Князь в этой мерзости пачкаться не будет. Ведь ежели его поймают, дело сам государь решать будет, а это вам не уездный суд.

— Ежели поймают, — повторила я задумчиво.

Туманов был о князе лучшего мнения, чем я.

— Знаете, Милана, а я поднял все архивы и нашел-таки наши артефакты на довольствии. Действительно, их когда-то тайно использовали при работе с подозреваемыми. И отчеты показывают, что весьма успешно. Так что я бы даже проверил их в действии, только вот лично бы решал с вами, а не посылал кого-то.

— Выходит, в вашем ведомстве не все ладно? — спросила я.

— Выходит, что так! — И улыбнулся широко и опасно.

— Чему вы так радуетесь?

— Да скучно жить на Юге. Последнее стоящее расследование было пятнадцать лет назад, когда некий ювелир свою семью топором зарубил, а потом в камере повесился. Больше тут ничего не происходит. Все происшествия — исключительно бытовые. Пьяные драки, воровство, нечестная торговля. Работы много, а разгуляться негде.

Он замолчал, но я и так все поняла. Умный, хваткий, опытный полицейский. В Буйске достиг максимальных высот, но то ж Буйск, провинция. Ему б дальше расти в карьере, а некуда, в потолок уперся. А тут подвернулось дело государственной важности, если проявит себя нужным образом — глядишь, и на Север, в столицу позовут.

— Мне не скучно, — сказала я. — Мне в Буйске очень нравится. Дайте мне бумагу, что я с полицией в трезвом уме и с чистой совестью сотрудничаю.

— И чем вам это поможет? — хмыкнул Туманов.

— Буду под нос тыкать всем желающим приобрести обратные артефакты.

— Думаете, поможет?

— Не знаю. Но я каждого обязуюсь сдать.

Туманов долго смотрел на меня, а потом сдался.

— Прекраснодушная идиотка, — вынес он вердикт. — Что ж, возможно, это вам создаст определенную репутацию. Я дам вам бумагу и даже защиту. Желает — так и вовсе в нашем ведомстве оформлю. Но взамен прошу действительного сотрудничества.

— Артефакты? — уныло спросила я.

— Именно. Строго безопасные.

— Так ведь я не способна.

— Так ведь у вас есть сестра.

— Она замуж выходит за старшего княжича Озерова. Не выйдет у вас ее продать.

— У меня — нет. У вас — да.

Я прикусила губу и покачала головой.

— Нет, я не буду этого делать. Понимаете, не хочу увязнуть. Где один артефакт, там и второй. У вас в полицейском управлении явно утечка данных. Кто-то работает не только на благо справедливости, но и на себя. Потом ко мне придут, снова начнут угрожать. И все, не выберешься. А вы предлагаете еще и сестру в это втягивать!

— Продолжайте, — прищурился Туманов, когда я замолчала.

— Да что тут продолжать? Чем все это закончилось для моего отца? Он свихнулся, верно?

— Работа с обратными артефактами никогда не проходит бесследно. Если бы он был осторожнее... и не изготавливал их постоянно, трагедии бы не случилось.

— Вот именно, — мрачно ответила я. — Так он был мужчина, да еще с образованием, верно? А я женщина, да еще склонная к истеричности. Рисковать своим разумом предлагаете? Лучше уж сразу в клетку сажайте или в психиатрическую лечебницу везите.

— Резонно рассуждаете, барышня Ковальчик. Но тогда встает вопрос: если вы не хотите отцовской славы, то зачем вам его знания?

Я захлопала глазами, не сразу догадавшись, что он имеет в виду. А когда поняла — выпалила с нескрываемым облегчением:

— Если я записи его отдам, вы оставите меня в покое?

— Так, значит, я не ошибся, — с довольным видом откинулся на спинку стула полицейский. — Были записи. Ну да, Матвей Ковальчик был серьезным мастером. Мы при обыске ничего серьезного не нашли, поэтому варианта было два: или он все успел уничтожить, или спрятал в тайник. Но спросить было уже некого, единственная дочь лежала без памяти, врачи даже не обещали, что она выживет. А когда выжила — не разговаривала вовсе, только мычала и ходила, простите, под себя. Да и что мог знать пятилетний ребенок?

— Слушайте, так вы специально этого типа ко мне подослали? — поняла вдруг я. — Испугать решили, чтобы я к вам с чистосердечным прибежала? И сейчас меня за нос водили? Все ради записей? А я вам вовсе и не нужна?

— Так вы же не артефактор, барышня Ковальчик. А сестру вашу и вовсе нет смысла трогать. Как вы изволили напомнить, она за спиной у князя Озерова. Но и вашу позицию мне узнать важно было. Вдруг вы настолько хотите богатства, что готовы на не самую честную сделку? Признаться, меня бы устроили оба варианта.

— А сейчас?

— А сейчас я убедился, что вы честная и законопослушная барышня, и готов за вас поручиться перед государственной комиссией. Даже буду просить, чтобы вам орден дали или что-то вроде этого.

— Патент лучше, — мрачно ответила я. — И стипендию.

— Я вас слышал. Кстати... на свадьбу пригласите?

— А... нужно, да?

— Ну конечно. Там женихи — князь Озеров и князь Синегорский. А еще, возможно, кто-то захочет оглядеть ваш дом изнутри. Ну и поскольку вы активно сотрудничаете со следствием, я попробую поговорить с вашим обидчиком. Намекну, что у вас найдется покровитель повыше. К примеру, сам государь взял на контроль дело вашего отца.

— Ух ты!

— Мы здесь, на Юге, приврать горазды, — подмигнул Туманов. — Но исключительно в благих целях! Кстати, чтоб вы знали: я к вам никого не посылал, просто не успел. Но про артефакты в узком кругу озвучил, хотел посмотреть, что из этого выйдет. Как видите, рыбка попала в сети. Теперь у меня есть нужная веревочка. Что ж, не смею вас больше задерживать.

— Еще один вопрос, пожалуйста, — взмолилась я, видя, что он собирается уже уходить.

— Спрашивайте.

— Что все-таки произошло пятнадцать лет назад в доме Ковальчиков?

— Вы все правильно поняли, Милана. Ваш отец сошел с ума. Он и без того был под большим давлением. Повелся на легкие деньги, стал делать запретные артефакты на заказ, а отказаться, когда захотел, уже не мог. Судя по распискам, на него давили довольно влиятельные люди. Оттого и постоянное нервное напряжение, и замкнутость, и страх. Неудивительно, что человека не выдержала психика. Ну и запретная ментальная магия. Ваша мать что-то сказала... лишнее или просто

обидное... и он схватил топор. Когда замахнулся на ребенка, уже немного пришел в себя, но остановиться не успел.

Я молчала, понимая, что искушение пойти по стопам отца было велико. Шальные деньги манили меня. Мне казалось, что стань я богатой — никто не посмел бы меня обидеть. Никакие Синегорские не смотрели бы на меня свысока, никакие Озеровы не диктовали бы мне своих условий.

Только все это глупости. Продаваться — это не мое. Даже ради знаний. Даже ради того, чтобы стать кем-то великим.

Отдам я в полицию эту тетрадь. Не зря Асур советовал ее сжечь, нужно было с самого начала так сделать. Теперь кто-то другой будет вчитываться в записи ювелира-артефактора Ковальчика. Вне всякого сомнения, полиция не запрет тетрадь под замок. Наверняка, изучат каждую букву, каждую строчку, попытаются воссоздать каждый артефакт. Но это уже не будет меня никак касаться.

— Матвею Ковальчику не было и тридцати, — неожиданно сказал Туманов. — Я хорошо его запомнил — я был молод, а он ещё моложе. Вы умнее его, барышня. Смогли понять, что деньги не всегда приносят счастье. Даже большие и быстрые. А он не смог, заигрался. Простите своего отца, он жестоко поплатился за свою жадность.

Я кивнула. Я понимала, сама такая же. Только трусиха при этом. Обиды уж точно не было никакой. К тому же я не настоящая дочь ювелира, а всего лишь заняла ее тело. Что было, то прошло. С дальнейшим пусть разбирается полиция, это их работа.

А у меня, вообще-то, свадьба через десять дней.

Я вышла на улицу со спокойной душой. Теперь я была твердо уверена, что все наладится. И не нужен мне вовсе дар артефактора, так искушений меньше. В моем случае хорошо, что бодливой корове рогов Бог не дал. Не натворю глупостей. А всех денег все равно не заработаешь, даже если будешь пахать как лошадь или заниматься чем-то запрещенным. Зато всегда можно закончить свою жизнь в тюрьме или психиатрической лечебнице.

Теперь же мне было, что терять. Туманов совершенно прав. У меня есть все, что нужно для счастья: собственный дом с водопроводом, любимый жених, сестра рядышком, небольшой, но полезный дар. Денег сколько-то было, друзья, патент какой-никакой. А если я захочу стать богаче — всегда можно принять предложение Озерова. При всем

его коварстве, в деньгах он не обманывал. *От автора: приглашаю всех в бесплатный эксклюзив "[Елизавета Премудрая, или Ква, босс](#)". Будет весело и интересно!*

М. КРАСОВСКАЯ, Н. КРОНОЦКАЯ

ЕЛИЗАВЕТА
ПРЕМУДРАЯ,

ИЛИ **Ква, босс**

Кто

неудачница века? Елизавета! Потерять раритетную книгу? Вылететь из института? Попасть под заклятье пьяного колдуна? О да, это про нее. Теперь девушка превращается в лягушку при первом же истеричном вопле. Варианта два: прожить три года на болоте, или стать секретарем Ильи Бессмертного, который согласен попробовать снять Лизино заклятье. Все знают, что самые темные заклятья разрушаются поцелуем. Не выходит? Или недостаточно страстно целует? Может, стоит попробовать что-то более интересное?

Глава 42. Сладко!

На нашу с Аглаей свадьбу, кажется, собрался весь Буйск. Ну, половина точно. Для начала появились все пациенты Асура, кто с подарками, кто с едой. Потом приехал дядько Тамир и матушка Ганна, а с ними и Малика. Я была им искренне рада: дядька тут же начал помогать по хозяйству: ставить столы, таскать стулья. Матушка Ганна хлопотала на кухне. Малика просто была красивая и создавала атмосферу, вовсю кокетничая с Симеоном, а там и с остальными парнями.

Тетка Яся одолжила обе свои коляски, на которых мы с гиканьем промчались по городу. Еще две повозки дал князь Озеров. Кто в них сидел, я знать не знала — какие-то подружки Аглаи, какие-то друзья Асура.

В саду, а уж тем более, в доме, все гости не поместились. Столы ставили прямо вдоль улицы. Женихи наши ухитрились договориться с музыкантами, и в саду играл настоящий городской оркестр.

Глава полицейского департамента лично вручил мне благодарность от государя и новый патент мага-металлиста второго уровня (для получения первого, а потом и высшего нужно все же закончить университет) без всяких территориальных ограничений. Премии, к сожалению, не вручил. Лицо князя Озерова нужно было видеть. Он надулся и покраснел как рак. Что-то быстро и зло шептал Симеоноу, но тот был не в курсе моих заслуг на полицейском поприще, и слава небесам! Данил знал, но обещал молчать.

Столы ломились от еды.

Статная рыжеволосая женщина в строгом платье варила всем желающим кофе. Долговязый Август ей помогал недолго — его очень быстро оттеснил господин Туманов. Вид у него был чисто как у осла. Дама, стало быть — та самая ведьма. Надо же, успела к моей свадьбе. Хотя я ее не звала, я вообще была с ней незнакома, но я, впрочем, девяносто процентов гостей видела впервые.

Нас, таких красивых и счастливых, усадили во главу длинного-длинного стола. Я в белом платье и Асур в строгом северном наряде и новых лаковых туфлях — с одной стороны, а Аглая в красном и Данил в желто-красно-бирюзовом (на Юге чем ярче, тем богаче!) — в

противоположном хвосте. И понеслось! Тосты, поздравления, да просто — пир на весь мир! Я ела и пила, смеялась, целовалась, пару раз прослезилась. Потом нас оставили в покое, потому как вина и пива было очень много, а еды еще больше. Не пропадать же добру, верно?

Муж мой осторожно коснулся моей талии. Ничего запретного или неприличного, просто ладонь на боку, но меня обожгло огнем. По позвоночнику прошел ток, потяжелела и заныла грудь, в животе стало горячо. А ведь мы с ним давно вместе, почему мое тело отреагировало так резко? Не время и не место, я себя обычно контролирую. Вот это вот “тело предало” — точно не про меня! Я прекрасно знаю границы.

Нет, конечно, в последние дни нам совсем не удавалось побыть наедине, но все же как-то все странно!

Ладонь скользнула чуть ниже, но пока в рамках приличий. Я стиснула зубы. Закружилась голова, вспыхнули щеки. Дышать стало трудно, в горле пересохло. Колдунство какое-то!

Стоп, точно!

Я слегка повернулась к новоиспеченному мужу и процедила сквозь зубы:

— Что ты творишь?

Он улыбнулся так невинно, что я поняла: не ошиблась.

— Прекращай!

— Я ничего не делаю.

— Не ври.

Он склонился к моему уху, убирая прядь волос, выбившуюся из-под ленты:

— Ты слишком остро реагируешь. Не злись. Что ты чувствуешь, любимая моя жена?

— Чувствую, что хочу тебя... — он задержал дыхание и дрогнул губами, а я безжалостно закончила: — убить.

— Ай-яй-яй! Ты слишком остро реагируешь! Я совсем не этого хотел.

— А чего ты хотел?

— Немного согреть тебя, мой мотылек. Чуть-чуть ускорил циркуляцию крови.

— И зачем?

— Чтобы ты думала только обо мне.

Я не знала, смеяться мне или стукнуть его ложкой. Целитель! Оказывается, он может быть очень опасен! Но он недооценил меня. Я ему не невинная овечка, воспитанная в строгости. В такие игры можно играть вдвоем.

— Я и думаю, — томно шепнула я. — Как заталкиваю тебя в кладовку... опускаюсь перед тобой на колени... расстегиваю ремень на твоих брюках...

Он вдруг вспыхнул, покраснел как рак, даже уша заалели. Широко раскрыл глаза, шокированный моими словами.

— А... зачем?

Я очень тихо и довольно подробно рассказала. Асур сидел с приоткрытым ртом, тяжело дыша.

— Где эта кладовка? Я готов бежать туда прямо сейчас.

— Но что скажут люди? — довольно мурлыкнула я, убирая его ладонь со своей талии. — К тому же... — скользнула пальцами по его бедру, убеждаясь, что вставать ему сейчас не стоит. — Ты слишком остро реагируешь.

— Ах ты...

— Кто?

— За молодых! — прервал наш увлекательный диалог мощный бас князя Озерова. — Счастья им!

— Счастья!

— И деток побольше! — вторил дядько Тамир.

— Побольше!

— Богатства и процветания! — звонко добавила Есения Карловна.

— К черту, — сказал тихо Асур и принялся подниматься.

— Ты куда?

— Танцевать, конечно. Всем танцевать! Музыку!

Городские музыканты охотно грянули тарелками. Заиграло что-то бодро-танцевальное.

— И верно, засиделись уже, — крикнул кто-то. — Надо и косточки размять!

— А ну, красавица...

— Разрешите вашу ручку, барышня?

— Тряхнем стариной!

Южный народ на веселье скор. Я еще не успела подняться, как гости повскакивали с мест. Князь Озеров подхватил под руку княгиню,

юноши завертелись вокруг девушек, Симеон с гиканьем швырнул наземь шапку и пустился в присядку. Мелькнуло красное платье второй невесты. За столом остались две древние старушки, а остальные рассыпались по двору.

Асур закружил меня в танце, который не умел танцевать ни один из нас, но кому до этого было дело? Я хохотала, подпрыгивая и уворачиваясь от веселых парочек, не сразу заметив, что у моего теперь уже мужа была своя хитрая стратегия. Медленно и незаметно он увлекал меня прочь от толпы, а потом дернул за руку и затянул за угол дома, а там уже — и на крыльцо.

— Что ты задумал?

— Воплощаю в жизнь твои обещания. Давай сбежим? Это вполне по-северному.

— Куда сбежим? — не поняла я.

— В гостиницу. В доме нас найдут. На Севере муж и жена стараются уйти незаметно, чтобы не смущать гостей. К тому же мы им тут еще одних молодоженов оставили, без нас скучно не будет.

Предложение было заманчивым. Я колебалась только для вида, и Асур это понял.

— Жди здесь, — шепнул он с лукавой улыбкой.

Я пожалала плечами и спряталась в тени крыльца. Сколько времени пройдет, прежде чем народ заметит наше отсутствие?

Через пару минут любимый появился с оседланным конем на поводу.

— Так быстрее будет.

— Мы что, вдвоем на одной лошади?

— Недалеко. Зато нас точно не догонят.

— Я не умею верхом.

— Я умею. Ну, ты идешь?

Как будто у меня был выбор! Он легко и изящно взлетел в седло, протянул мне руку. Я вздохнула и ухватилась за нее. Он затащил меня к себе на колени, усадил боком и дернул поводья. Я взвизгнула и ухватилась за мужа обеими руками.

Конь шел быстро и неровно, я едва держала равновесие. Да что же это? Я на такое не подписывалась! Свадебный обед стал проситься наружу, бедра свело от напряжения.

Благо, ехали и в самом деле недолго: Буйск не сказать, чтобы большой город. Остановились у первой же гостиницы с претенциозным названием “Каменная роза”, спешились. Ну как спешились... он спешился, я сползла, стена и охая.

Асур бросил повод коня подбежавшему мальчишке.

— Хозяин, комнаты есть?

— Молодожены, что ли? — прищурился высокий худой старик. — Никак северный княжич и его ювелирша?

— Угадал.

— Сбежали, что ли? Эх, молодость!

— Жена устала очень, — мгновенно соврал Асур. — Всю ночь не спала от волнения, ей бы прилечь. Она у меня барышня хрупкая, нежная...

Я нежно ткнула кулаком его в бок и изобразила на лице вселенскую усталость.

— Всю ночь не спала, говоришь, — ухмыльнулся хозяин. — И заснуть ты ей вряд ли дашь сегодня. Небось до утра шуметь будете! Ну да ладно, жизнь такая и должна быть. Все комнаты у меня свободны, сейчас покажу самую лучшую, для особых гостей.

Асур подхватил меня на руки, свирепо шепнув:

— Жена устала очень.

И потащил следом за стариком.

А я что, я не сопротивлялась. Он целитель, ему виднее, устала я или нет.

— Я вся потная, — сообщила Асуру, оглядывая небольшую комнату с роскошной кроватью. — И сама платье снять не смогу.

— Здесь есть уборная, — радостно сообщил молодой человек. — С большой ванной. Я наберу. Иди сюда, жена моя.

У него очень самодовольно получилось это вот «жена». Я даже умилилась.

Подошла к нему, повернулась спиной. Он невыносимо медленно распутывал шнуровку на платье. Семейная реликвия, все же, нужно беречь. Возможно, наши дочери выйдут в нем замуж. Впрочем, разве дело в платье? Главное, что жених у меня был замечательный! Горячий, пылкий, молодой! Когда-нибудь он, конечно, повзрослеет. Да и мне не мешало бы. Хотя где это вы видели настоящих взрослых? Все мы

внутри двадцатилетние — и в сорок, и в шестьдесят, и в восемьдесят. Взрослых не существует, это обман.

А потом любимый муж опустил меня в ванну с горячей водой, а потом сам залез следом. Это только сказки заканчиваются свадьбой. А у меня настоящая жизнь только начиналась.

Эпилог

Князь Озеров пришел ко мне через неделю после свадьбы.

— Милана, доченька моя, — радостно приветствовал он меня. — А я с подарком. К свадьбе уж не успел, сейчас подарю.

— Какая я вам доченька? — кисло спросила я, принимая увесистый сверток, по виду похожий на большую доску. — Мы разве родня?

— А как же. Аглая теперь — дочь мне. А ты ее сестра. Стало быть, тоже дочь.

— Племянница, — поправила его я. — Тогда уж племянница.

— Тоже годится. Ты разверни, разверни.

Я развернула. В руках у меня была нарядная деревянная вывеска “Мастер-ювелир Милана Синегорская”. Буквы были, как и положено, золочеными, да еще и знак ювелира присутствовал: небольшая наковальня и драгоценный алмаз над ней.

— Спасибо, — не сдержала улыбки я. — Мне пригодится. Я еще заказать не успела.

— Скажи мне, племянница, а за что тебя государь так почтил? Патент, гляди-ка, благодарность личная...

— А то секретная информация, — слукавила я. — Не могу сказать.

— Ясно. Так и за зеркалограф всем причастным награда полагается. Мне письмо пришло из государевой канцелярии, так вы с Агаей там тоже упомянуты. Готовься, придется нам всем троим ехать пред государевы очи.

— А я при чем? — изумилась я.

— Ну, ты с зеркалами помогала, а Аглая артефакт придумала. Я, конечно, почти все и без вас мог бы сделать, но с вами быстро да складно получилось. В общем, я тут подумал...

— Да-да?

— Про партнерство. Прознал я, что государь ратует за то, чтобы женщины равные права с мужчинами имели. Не везде, конечно, но лиха беда начало. Кто знает, что он еще придумает. На Севере-то с этим проще, да и у нас есть вон хозяйка ресторана, которая не замужем и замуж не собирается. Все сама, все сама. Так что и подумал: коли мы с тобой договор заключим и станем партнерами, то государь увидит,

какой я передовой и прогрессивный. Можно будет и должность просить, и финансирование.

— Так вы же князь, — не поняла я. — Какая еще должность выше?

— Министр, например, — усмехнулся Озеров. — Или вон в новый департамент техномагии главою. А заместо себя Даньку оставлю, пушай в делах хозяйских разбирается, взрослый уже совсем.

— А знаете, я подумаю, — усмехнулась я. — Нужно ли мне теперь это партнерство? Я, может, дома сидеть хочу и детей рожать.

— Э, полно. Дети, конечно, это хорошо, но надолго ли тебя хватит? У тебя же еж под юбкой. Тебе же нужно расти и учиться. Ты за два года чего только не натворила: и на Севере пожила, и замуж выскочила удачно, и дом починила сама, и государь тебя заметил.

Ну, если с такой точки зрения смотреть, то да. Я молодец.

— Ты думай, но недолго. Все же жаль, что Семка такой болван и не смог тебя соблазнить.

— А мне не жаль.

— Да уж понятно дело.

Князь ушел, а я приладила вывеску возле двери и решила: там ей самое место. Все правильно, нужно и собственную мастерскую уже открывать, и дом доделать, хотя там совсем немного и осталось. А еще учиться самой вести хозяйство, без Аглаи мне придется нелегко. Но я справлюсь.

Мы справимся.

Я ведь не одна, у меня муж, хоть и младший княжич, а во всем помогает. Работы не боится, пациенты к нему уже даже по ночам приходят. Ну ладно, один раз было такое, когда его вызвали на почечную колику. Но ведь именно к нему прибежали, не к кому-то другому!

А ближе к осени я в Большеград съезжу, узнаю, учат там металлистов или нет. Если нет — снова на Север можно, тем более, что там у Асура родители. Заодно платье отвезем и спасибо за него скажем.

В общем, я даже мужа ждать не стала, повесила новую вывеску сама.

Я была просто неприлично счастлива и поэтому могла все на свете.